

Императору Александру I.

(Ноябрь 1804 г.).

Всемилоостивѣйшій Государь!

Исполняя объявленную мнѣ волю Вашего Императорскаго Величества изъясню я мое положеніе сими немногими словами:

Въ Слободской-Украинской губерніи, изъ имѣнія пожалованнаго въ 1772-мъ году отцу моему, досталось мнѣ село, числомъ 300 душъ крестьянъ. Всѣ оныя въ залогѣ теперь, отчасти въ приказѣ общественнаго призрѣнія, отчасти въ Государственномъ заемномъ банкѣ: тринадцатъ тысячь рублей долженъ я въ оба сіи мѣста; да сверхъ того болѣе дватцати шести тысячь въ частныя руки, и именно: помѣщикамъ Кандалицову и Хрушову, имянитымъ гражданамъ Злобину, Борисову, Аникѣеву и Карпову. Легко доказать, что я приобрѣлъ долгъ сей, совершенно уничтожающій мою собственность въ послѣдніе годы моей службы, не расточительною однако жизнію, къ которой я не имѣючи привычки ниже способностей. Нечастная увѣренность, что я могу и долженъ служить Вамъ не по общимъ путямъ, увѣренность, которую поддерживали во мнѣ самыя милости Ваши, устремила меня на предпріятія, далеко превышающія мое состояніе. Большая часть покушеній опрокинуты препятствіями; но изъ тѣхъ кои имѣли предметомъ край моего рожденія—конечно одинъ изъ лучшихъ въ Россіи, не всѣ остались и безуспѣшны. Въ двухъ губерніяхъ. Правительствомъ неожиданный энтузіазмъ къ просвѣщенію представилъ ему до шести сотъ тысячь рублей, многіе молодые люди поощрены къ усовершенію себя въ наукахъ и художествахъ, въ городѣ Харьковѣ водворены дватцать семь новыхъ ремесль, мысли тамошняго купечества обращены съ выгодною на полуденную торговлю, переведено съ чужихъ языковъ до пятнатцати книгъ разнаго рода, приспособленныхъ къ общенароднымъ пользамъ края того, которыя и ждутъ только Харьковской типографіи для своего изданія въ свѣтъ; и пр. Нѣкоторые недостатки въ сихъ мѣрахъ извиняются тѣмъ, что учреждали ихъ, не соревнованіе капиталистовъ, ниже мощная рука Правительства.—но одинъ маловажный оною не поддерживаемый дворянныя скудными своими способами. Я не называю заслугами сихъ движеній, худо можетъ быть принятаго патріотизма; стыжусь также приводить на память подобныя ему порывы въ другомъ родѣ, кои Вы нѣкогда удостоивали самаго лестнаго имени. Не отягощая вниманія Вашего доказательствами, что между тѣмъ и обыкновенная моя служба не потерпѣла; ибо я былъ единственнымъ письмоводцемъ по части департамента просвѣщенія, отъ самаго его, такъ

сказать зарожденія въ умѣ Вашемъ до окончанія послѣднихъ знатнѣйшихъ изъ его учреждений, непосредственно по оставкѣ моей на Высочайшее Ваше утвержденіе поднесенныхъ. Но я долженъ признаться Всемилостивѣйшій Государы! что во всѣхъ оныхъ случаяхъ, дѣйствія мои сопровождала надежда, что Вы меня не оставите если я буду въ крайности!.. Теперь, превратное понятіе о *безвинности* моихъ (*по крайней мѣрѣ*) пожертвованіяхъ общему добру, удаленіе изъ службы, вынужденное страхомъ еще худшихъ послѣдствій, ѣдкія насмѣшки эгоистовъ, и послѣдняя нищета—составляютъ все, что мнѣ въ удѣлъ достается. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ я, лично, не умѣлъ извлечь ничего болѣе изъ счастливейшаго моего, по видимому, положенія!

Скажитесь надо мною Государы!—предубѣжденіе, что я Вамъ и Отечеству могу быть полезенъ выше званія своего, и младенческое, можно сказать невѣжество въ обращеніи съ разными сильными лицами: вотъ единныя мои вины!

Я прошу отъ Васъ не награды или отличій, которыя иной на моемъ мѣстѣ съ лучшимъ соображеніемъ обстоятельствъ давно бы имѣлъ, но только вспомошествованія, приличнаго Вашей Великой и сострадательной душѣ.

Двадцати пяти тысячъ рублей въ займы изъ почтовыхъ, банковыхъ или кабинетскихъ суммъ безъ залога (котораго не имѣю) и безъ платежа процентовъ на десять лѣтъ, будетъ *достаточно* для поправленія моего, хотя долги мои простираются до сорока тысячъ рублей. Сіе пособіе возвратитъ меня еще въ возможность быть рано или поздно употребленнымъ; а между тѣмъ дастъ способы оправдать предъ обществомъ то мнѣніе, каковое Вы прежде обо мнѣ имѣть изволили.

Съ совершеннѣйшимъ благоговѣніемъ и глубочайшею преданностію пребываю по жизнь мою Вашего Императорскаго Величества.

Въ Правленіе Харьковскаго Императорскаго университета.

(21-го апрѣля 1805 года).

Отъ статскаго совѣтника и кавалера Каразина.

Отношеніе, которымъ оное Правленіе удостоило меня отъ 12 сего мѣсяца подъ № 222 имѣлъ я честь получить, и съ истинною моею благодарностію приношу въ отвѣтъ слѣдующее: намѣреніе мое при испрошеніи себѣ отъ Его Сіятельства, господина попечителя позволенія устроить училища въ Богодуховскомъ уѣздѣ столь же несовершенно имѣло слѣд-

ствія и столько же подало поводъ къ невыгоднымъ заключеніямъ объ немъ, какъ и многія другія мои намѣренія, единственно потому, что время и господствующія въ продолженіе оного обстоятельства не позволяли мнѣ привести къ концу моихъ предположеній. Я былъ увѣренъ, что не можетъ ввестись въ сію часть по уѣздамъ губерніи (равно какъ по самымъ губерніямъ и округамъ университетовъ) порядокъ, которой есть душа должностей, безъ начальства и надзора предположеннаго Высочайшею волею: я долженъ былъ начать съ уѣзднаго смотрителя училищъ. Но въ тоже время зналъ я, что не взирая на точныя слова даннаго мнѣ попечительскаго уполномочиванія: *„избравъ людей потребныхъ въ сію училища, представить на утвержденіе“* мнѣніе одного изъ нынѣшнихъ членовъ училищнаго комитета словесно за благо принятое и Его Сіятельствомъ, *что нѣтъ еще надобности въ уѣздныхъ смотрителяхъ*, положить мнѣ преграду къ утвержденію сего человѣка, то есть чиновника, по моему разумѣнію необходимаго, и именно того, съ которова начать слѣдовало, равномерно какъ и вездѣ, при организаціи новыхъ мѣстныхъ вѣдений и сословій, какія бы они ни были, естественный смыслъ велитъ начинать учрежденіемъ начальниковъ. И какъ зналъ я также, что единое основательное возраженіе, которое въ семь случаевъ мнѣ (или вѣрнѣе сказать, которое предварительнымъ правиламъ народного просвѣщенія и Высочайше подтвержденнымъ штатамъ и табели о государственныхъ расходахъ), можно здѣлать, состоитъ въ томъ, *что нѣтъ еще приходскихъ училищъ*; то дабы отразить оное, предпріялъ я стараться о учрежденіи ихъ въ Богодуховскомъ уѣздѣ. Съ начала уже заведено мною въ селѣ моемъ Кручкѣ таковое училище: оно—да позволено будетъ мнѣ сказать истину нужную для будущаго времени пріяло свое дѣйствіе ранѣе всѣхъ въ Государствѣ, то есть въ майѣ мѣсяцѣ 1804 г., о чемъ если нужно будетъ, можно и официально удостовѣриться; въ Богодуховѣ жители готовы были къ содѣйствію для заведенія одного же приходскаго училища, на каковой конецъ и нынѣ еще назначаютъ они прибавку къ ежегодно производимой суммѣ изъ городскихъ доходовъ. Но сего было недостаточно: я желалъ имѣть въ виду по крайней мѣрѣ десять таковыхъ училищъ, и образовавъ предварительно всю сію часть на основаніи Монаршихъ узаконеній предстать съ нею къ попечителю. Не можно было бы сумнѣваться мнѣ тогда, что *всѣ* люди избранные мною будутъ утверждены на основаніи даннаго мнѣ рѣшительнаго общанія. Въ томъ, что точно таково было мое предположеніе послужать *нынѣ*, то есть въ самое неблагоприятное для меня время, когда всѣ мои начинанія посему предмету смѣшаны и опрокинуты въ понятіи о нихъ общества, когда я лишень почти всѣхъ средствъ дѣйствовать къ убѣжденію, *нынѣ* возни-

бающія четыре или пять приходскихъ училищъ въ разныхъ мѣстахъ Богодуховскаго уѣзда, о чемъ, я думаю не въ продолжительное время Правленіе университета извѣщено будетъ отъ господина гражданскаго губернатора, которому о томъ уже донесено.

Отъѣзжая сей же день, непосредственно по написаніи сего изъ предѣловъ Слободско-Украинской губерніи на два мѣсяца, я предоставляю на волю Правленія, и высокопочтеннаго совѣта Харьковского Императорскаго университета: остановится въ томъ что относится къ образованію Богодуховскихъ училищъ до возвращенія моего, и подробнаго о нихъ донесенія, или теперь же почитать меня посему предмету совершенно чуждымъ. Въ прочемъ долгомъ поставляю присовокупить, что сіи училища никогда не выходили изъ узаконеннаго вѣдомства и порядку. Онѣ и теперь состоятъ въ вѣденіи университета на равнѣ съ прочими училищами. Въ чемъ свидѣтельствуюсь посылаемымъ обыкновенно къ господину губернскому директору отъ предназначеннаго смотрителя рапортами, и исполненіемъ всѣхъ предписаній учебнаго начальства.

Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ.

Апрѣля 21 дня 1805 года. Изъ Ахтырскаго уѣзда.

Комитету Харьковского университета.

(31 марта 1805 года).

„Милостивые Государи!“

Между прочими услугами, кои имѣлъ я счастье оказать университету, доставилъ я въ оный въ 1803 и 1804 гг. изъ С.-Петербурга большую часть книгъ, находящихся нынѣ въ его библіотекѣ, почти всѣ инструменты физическаго его кабинета, также лабораторіи, типографіи и богатое собраніе эстамповъ; послѣднія мои доставки послѣдовали въ мартѣ 1804 г. Содѣйствуя съ такимъ же усердіемъ, какъ и довѣренностью, къ пользамъ сего почтеннаго заведенія, коего благо толь несомнѣнно было мнѣ довѣрено, какъ съ начала, такъ и до самаго его существованія, никогда не былъ я остановленъ недостатками суммъ, въ послѣдствіи времени правительствомъ для него назначенныхъ. Многократно старался я вознаграждать моею собственностью недостатокъ официальныхъ средствъ, нерѣдко въ подобныхъ сему случаю бывающихъ, въ коихъ новость заведенія не позволяеть предвидѣть непремѣнныхъ и положительныхъ правилъ и недостатокъ въ коихъ можетъ замѣнить одна только дѣятельность ихъ основателей. Пользуясь таковымъ образомъ правомъ,

случае мнѣ даннымъ, и не имѣя нужды въ вѣрющихъ уполномочіяхъ, кромѣ явныхъ и всѣмъ извѣстныхъ начальныхъ въ пользу университета дѣйствій и моею къ оному привязанности, ходатайствовать я къ пользѣ его у художниковъ, книгопродавцевъ и вообще у всѣхъ лицъ, въ состоящихъ коихъ могли принести ему выгоды. Лица сія, во всѣхъ до университета касающихся предписаніяхъ, кромѣ меня никого другого не признавали; имя мое было для нихъ совершенно достаточнымъ; квитанціи мои или заемныя письма считались имѣющими цѣну свою обязательствами и достаточными къ удовлетворенію всѣхъ могущихъ произойти съ ихъ стороны требованій. Также справедливо и то, что всегда исполнялъ я мои обязанности, тѣмъ болѣе для меня священныя, что оныя производились именемъ столь высокаго заведенія. Если иногда съ трудомъ могъ я употребить въ расходъ суммы, для сего столь великодушно Его Имп. Вел. назначенныя, то не отлагая ни мало, тогда же замѣнялъ оныя своею собственностью. Бумаги Его Сіятельства г. попечителя и доставленные въ университетъ счета представляютъ тому множество доказательствъ. Не найдется ни одного такого засвидѣтельствованія, сколько могу припомнить, которое не было за моимъ или съ согласія моего за подписью самого поставщика. Всякому извѣстно, что въ университетъ получено болѣе какъ на 20,000 всякаго рода вещей и при томъ безъ всякихъ счетовъ употребленныхъ на то суммъ (ибо тогда не существовало въ немъ никакой еще надобности); часто спустя потомъ не малое уже время оканчивалъ я счета мои съ г. Новосильцевымъ, временно правившимъ тогда должность попечителя университета, и получалъ обратно употребленныя мною собственныя мои на сіе деньги. Сими образомъ кончилъ я съ университетомъ всѣ расчеты во всемъ, какъ до послышки книгъ, инструментовъ, такъ и прочаго касающемся. Что же принадлежитъ до эстамповъ, купленныхъ у г. Аделунга, то какъ послѣдній мой отъѣздъ изъ С.-Петербурга воспрепятствовалъ мнѣ войти, какъ слѣдовало, въ сіе дѣло, то за оныя и не получилъ я денегъ. Продавецъ оныхъ, почетный членъ сего и Московскаго университетовъ, также членъ многихъ иностранныхъ ученыхъ и другихъ обществъ и наставникъ Ихъ Имп. Высочествъ Государей и Великихъ Князей дозволилъ мнѣ, чтобы прежде всего собраніе сіе оцѣнено было г. первымъ бібліотекаремъ Е. И. Вел. Келеромъ, смотрителемъ Имп. Собранія эстамповъ въ армітажѣ Лабенскимъ, живописцемъ Е. И. Вел. Кюгельбекомъ, профессоромъ Имп. Академіи художествъ Прокофьевымъ и знатокомъ художникомъ кол. ас. Юнгомъ, кои равнообразно подпискою своею на самомъ каталогѣ засвидѣтельствовали, что цѣна всему собранію превышаетъ сумму 5000 р. (на которую согласились мы съ г. Аделунгомъ

послѣ продолжавшагося многіе мѣсяцы торгу); собраніе оное, которое полагалъ я тогда да и нынѣ не перестаю признавать необходимо нужнымъ университету, получивъ подѣ заемное письмо на 5000 р., кои обязался выплатить въ 4 срока, отправилъ я тогда въ Харьковъ съ послѣдніе присланными Цимсеномъ книгами и, подобно прежнимъ случаямъ, всю оную сумму сполна заплатилъ я по оному заемному письму, какъ слѣдовало. Что же касается до платежа мнѣ собственно оныхъ денегъ, то его сіятельство г. попечитель университета приказалъ мнѣ самому адресоваться въ оный, почему я имѣлъ уже честь представить комитету въ засѣданіи его сего 3 марта мои довѣрія. Вслѣдствіе чего и прошу покорнѣйше высокопочтеннаго комитета, дабы опредѣлялъ выдать мнѣ оныя 5000 р. подѣ мою росписку или въ противномъ случаѣ снабдилъ-бы меня другимъ какимъ либо рѣшительнымъ отзывомъ.

Василій Каразинъ, марта 31 дня 1805 г.^а.

Митрополиту Амвросію.

(9-ю февраля 1806 года).

Я согласенъ, что-бы церковная земля, оставаясь во временномъ моемъ владѣніи, была навсегда ограниченою въ дачѣ села моего Кручика столбами точно такъ, какъ назначена въ планѣ ея и какъ до нынѣ состоитъ. Согласенъ и на то, чтобы священникъ и церковники могли вступать во владѣніе землею и прочихъ правъ своихъ, когда по какимъ либо обстоятельствамъ запись со стороны моей или моихъ наслѣдниковъ будетъ разрушена. Но предполагая: 1) что священникъ или церковники не иначе могутъ почестъ сію столь выгодную для нихъ запись нарушеною и вмѣсто оной выступить въ прежнія свои права, какъ по призваніи того епархіальнымъ архіереємъ и по его въ томъ предписанію. Сіе высшей власти посредство оградить меня отъ несправедливостей, которымъ своею властью и недоразумѣніемъ могли-бы среди лѣта и, такъ сказать, ежедневно подвергать меня, разстраивая и дѣлая ненадежнымъ обработываніе сей земли; 2) что если священникъ или церковникъ съ ихъ стороны не сохраняютъ обязанностей ихъ званія, извѣстныхъ по закону и описанныхъ въ записи и если сіе по жалобѣ моей или моихъ наслѣдниковъ документально будетъ доказано, то такъ какъ я записью своею лишилъ себя и наслѣдниковъ своихъ всякаго права отмѣнять оную съ своей стороны, благоволено было-бы предоставить мнѣ и наслѣдникамъ моимъ право просить архіерея о смѣнѣ виновнаго и получать въ семъ удовлетвореніе. Почему, желая, чтобы сіе мое объясненіе, дополнивъ то, чего не

достаетъ въ записи, могло сдѣлать оную достойною благоволенія Св. Синода, я покорнѣйше прошу ваше высокопреосвященство не оставить ходатайствомъ своимъ о утвержденіи ея во всей ея силѣ на вѣчныя времена, въ чемъ и прежде заключалась моя мысль, при удовлетвореніи, что она совершенно соотвѣтствуетъ пользамъ св. церкви и ея служителей.

Христофору Сулимѣ.

(10-го іюля 1806 г.).

Слободско-Украинская духовная консисторія, поднося вашему преосвященству мнѣніе свое о записи, учиненной мною въ пользу церкви села моего Кручика, хотя и одобрила оную во всѣхъ частяхъ, но на случай перемѣны или выбитія въ иные мѣста состоящихъ нынѣ при той церкви священно- и церковно-служителей и поступленія другихъ, представила волѣ сихъ послѣднихъ соглашаться или не соглашаться на условія относительно до нихъ въ записи помѣщенныя. Ваше Пр-ство, благоволили утвердить сіе мнѣніе; что и приѣмлю съ совершенною моею благодарностію, щастіемъ почитаая, что намѣреніе мое вообще оправдано. Но какъ непоколебимость оной записи во всѣхъ ея статьяхъ навсегда принадлежитъ къ существу ея, что изъ самаго начала оной ваше пр-ство усмотрѣть изволите, то упомянутое ограничиваніе прочности оной только нынѣ живущими священно-и церковно-служителями, не распространяя силы условій на ихъ преемниковъ, все еще не отвѣтствуетъ предположенной мною цѣли. Хотя и невѣроятно, чтобъ кто-либо изъ послѣдующихъ служителей церкви пожелалъ предпочесть владѣніе урочнымъ небольшимъ количествомъ земли и маловажные укрухи съ поселянъ за требы получаемаы тѣмъ выгодамъ, какія я предоставляю по записи, но за всѣмъ тѣмъ, прискорбно для меня вообразать, что мое пожертвованіе не обезпечиваетъ меня и наслѣдниковъ моихъ отъ притязаній; что одного упрямаго или неблагоразумнаго церковника довольно, чтобы опрокинуть постановленіе, сдѣланное на счетъ моей собственности въ роды-родовъ. Почему я и осмѣливаюсь покорнѣйше утруждать ваше пр-ство о приданіи оной моей записи вѣренною Вамъ властію полной силы, то есть, о утвержденіи оной безъ выше-изъясненнаго ограничиванія; дабы она могла оставаться на всегдашнія времена неизмѣнимымъ и сумленію неподверженнымъ правиломъ, а я, и мои наслѣдники, выполняя относительно до церкви обязанности въ записи постановленныя, могли-бы распоряжаться урочнымъ участкомъ подцерковной земли, яко совершенною своею собственностію.

Императору Александру I.

(30-го января 1807 года).

Прошение.

Всепресвѣтлейшій Державный, Великій Государь Императоръ Александръ Павловичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемилоствѣйшій.

Просить Слободской Украинской губерніи дворянина и помѣщика, статскій совѣтникъ, Императорскаго Московскаго университета почетный членъ и ордена св. Владиміра 4-й степени кавалеръ Василій Назаріевъ сынъ Каразина о нижеслѣдующемъ:

1. Упомянутой губерніи дворянское депутатское собраніе въ родословную книгу дворянства сей губерніи внесло мою фамилію, но, отступая отъ правилъ, предписанныхъ высочайшею грамотою 1785-го года, въ 3-е отдѣленіе оной. Прилагаю у сего въ засвидѣтельствованной копіи несумнительное доказательство, что я и родной мой братъ поручикъ Иванъ принадлежатъ въ силу Высочайшей грамоты къ первому отдѣленію родословной книги.

2. Я и упомянутой братъ мой, единственные въ своей (sic) родѣ, вышедшей изъ Болгаріи (что нынѣ подъ турецкой державою) благородной фамиліи Каразиныхъ, дѣти служившаго съ отличіемъ во всероссійской арміи полковника Назара, а внуки равномѣрно служившаго капитана Александра, до нынѣ не имѣемъ утвержденного правительствомъ фамильнаго герба. Но какъ извѣстно мнѣ, что отецъ и дѣдъ мой употребляли въ печатахъ описанный у сего въ приложеніи. Желая удержатъ гербъ сей на вѣчныя и потомственные времена для фамиліи нашей, Каразиныхъ, всеподданнѣйше прошу.

Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе Правительствующаго Сената 1-го Департамента по герольдіи, съ приложеніями, принять и о внесеніи фамиліи нашей вмѣсто третьяго въ первое отдѣленіе дворянскихъ родовъ, также о выдачѣ намъ надлежащаго герба учинить разсмотрѣніе; приложенія же возвратитъ мнѣ.

Всемиловѣйшій Государь! Прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить.

Къ поданію подлежитъ Правительствующаго Сената по Герольдіи. Генваря 30-го дня 1807 года (sic). Прошеніе писалъ и къ нему руку приложилъ статскій совѣтникъ и кавалеръ Василій Назаріевъ Каразинъ.

„Гербъ, каковой употребляли въ своихъ печатяхъ, съ 1725-го до 1783 годовъ, дворянинъ выѣхавшій изъ Болгаріи и поселившійся въ Слободскихъ полкахъ, что нынѣ Слободская Украинская губернія, капитанъ Александръ и сынъ его полковникъ Назаръ Каразины, ~~съ~~ слѣдующій

Щитъ увѣнчанъ греческимъ, а не готическимъ шоломомъ, такъ какъ происхожденіе фамиліи отъ славянъ, поселившихся въ Греческихъ областяхъ и оставшихся всегда подъ державою Восточной Имперіи“.

Назаръ Каразинъ—изъ болгарской націи, въ службѣ съ 1745 г.; 23 ноября 1769—подполк.; полк. при отставкѣ 25 мая 1770 г.¹⁾.

1) Другія данныя о генеалогіи Каразиныхъ. Подъ Высочайшимъ покровительствомъ Всепресвѣтлѣйшаго Державнѣйшаго Великаго Государя Александра Перваго Императора и Самодержца всея Россіи и пр. и пр. и пр. Императорскій Московскій университетъ, уваживъ отличную любовь къ наукамъ и извѣстную ученому свѣту патріотическую ревность къ распространенію отечественнаго просвѣщенія признаетъ черезъ сіе достойнѣйшаго мужа Василія Назаревича Каразина, статскаго совѣтника и ордена св. Влад. 4 ст. кавалера почетнымъ своимъ членомъ, въ совершенномъ удостовѣреніи, что Его Высокородіе готовъ содѣйствовать сему университету во всемъ, что только къ преуспѣянію наукъ способствовать можетъ.

Данъ въ Москвѣ, марта 1-го дня 1805 года.

19 ноября 1770 полковнику Назару Каразину вмѣсто дер. Гниловки пожалованы Екатериной II изъ описныхъ же дворцовыхъ вотчинъ Слободской губ. въ Ахтырской провинціи: село Кручикъ (47 дворовъ) и дер. Основинцы (31 дворъ) всего 431 душа.

1 марта 1797 года дано сыну помѣщика Краснокутской округи Слободско-Украинской губерніи Назара Каразина Василю удостовѣреніе въ томъ, что онъ состоитъ въ числѣ дворянъ той губерніи.

Указомъ отъ 3 марта 1813 г. Герольдія рѣшила, что В. Н. Каразинъ съ родомъ подлежитъ внесенію не въ 1-ю, а въ 3-ю часть родовой книги.

В. Г. Анастасевичу.

Москва. (14-го марта 1807 года).

*Милостивый государь мой
Василій Григорьевичъ!*

Усерднѣйше благодарю васъ за ваше ласковое письмо, которое я получилъ вчера, чрезъ общаго нашего знакома. Я самъ—будьте въ томъ увѣренны, очень жалѣлъ, что не успѣлъ съ вами проститься, но дѣлать было нѣчего: надлежало спѣшить, чтобы не упустить дороги. Мы нашли ее еще изрядною, и прѣхали благополучно, только принуждены были по причинѣ нездоровья нашей малютки дня два простоять въ Нов-

27 августа 1804 г. Василій Назаріевъ Каразинъ произведенъ изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники.

Семейный списокъ В. Н. Каразина съ сентября 1828 г. В. Н. Каразинъ, 55 л., женатъ на Александрѣ Васильевнѣ Бланкеннагель; дѣти ихъ: Василій 21 г., Егоръ 19 л., Филadelphъ 18 л., Александръ 14 л., Николай 12 л. (Николай Васильевичъ Каразинъ родился въ селѣ Кручикѣ 7 іюля 1816 г., его сынъ Николай (изв. художникъ) родился въ слободѣ Ново-Борисоглѣбской 5 декабря 1842 г.), Валеріанъ 5 л. и дочь дѣвица Пелагея 22 л., за нимъ по послѣдней ревизіи: Богодуховскаго уѣзда при с. Кручикѣ 350 душъ, да за женою Московской губ. Звенигородскаго уѣзда 240 душъ и домъ въ Москвѣ; живетъ въ уѣздѣ; ст. сов. въ отставкѣ.

Иванъ Назаровичъ Каразинъ (въ 1834 г. 54—лѣтъ), помѣщикъ с. Основинца Богодуховской округи 134 души; служилъ въ л.-гв. Изм. полку (съ 19 февраля 1785) капитанармусомъ; 1797 г. 17 января переведенъ подпоручикомъ въ Кіевскій Гренадерскій полкъ; 30 сентября 1801 г. вышелъ въ отставку поручикомъ изъ Екатеринославскаго Кирасирскаго полка; былъ Богодуховскимъ уѣзднымъ предводителемъ двор. съ 19 августа 1818 по 1 января 1820 г., съ 1 января 1823 по 1 января 1826 г. и. д. губерн. пред. двор. Слободско-Украинской губ.; Анну 3 степ. 30 августа; уѣзд. предв. двор. Богодухова съ 1 января 1826 г. по 3 мая 1826 г.

городѣ. Къ статѣ подошла петербургская почта: я ею воспользовался чтобы писать къ Его Сіятельству А. А. Навѣдайтесь слегка, получить ли онъ; въ прочемъ пожалуйста не беспокойте его вопросомъ о семъ. Я желаю быть столькоже скромнѣе въ почтенномъ для меня обращеніи съ нимъ, какъ онъ со мною. При семъ адресую къ вамъ двѣсти пятьдесятъ рублей, которые онъ по первому моему слову, показывая мнѣ въ займъ: ибо истощавъ Петербургскими издержками я опасался, что не станеть чѣмъ доѣхать. Представте ихъ Его Сіятельству съ моею совершенною благодарностію, и прилагаемымъ у сего письмомъ; по тяжелой почтѣ получите вы посылочку отъ моей Александры Васильевны ¹⁾ одинъ очень хорошій романъ ея перевода, который здѣсь вышелъ недавно. Его читають не безъ удовольствія, въ разсужденіи легкаго слога сочинителя и разлитой въ простыхъ, но пріятныхъ картинахъ нравственности. Г-да издатели, которымъ она подарила свой трудъ, вздумали поднести ей нѣсколько экземпляровъ для ея пріятелей. Изъ которыхъ одинъ съ удовольствіемъ и для васъ назначила. Его намѣреніе было еще въ Петербургѣ; но тамъ мы всѣ бывшіе съ нами роздали. Что принадлежать до вашей Сафо, то я очень бранилъ себя, что такъ долго откладывалъ пригласить васъ съ собою къ пѣвцу Фелицы, нашему Пиндару и Анакреону вмѣстѣ; прилагаю здѣсь къ нему письмо. Пожалуйста вручите его; познакомитесь, и получите ваше твореніе. Вы ничего не пишете, дошли ли къ вамъ два послѣдніи тома Словотолкователя, которыхъ отдалъ я, кажется Князюму швейцару или камергинеру, не помню кому изъ нихъ, сказавъ, чтобы къ вамъ доставили. Прощайте!—продолжая любить меня, пишите къ намъ иногда. Я, съ моей стороны, сіе непремѣнно исполнять буду, прибывая съ искреннымъ почтеніемъ и преданностію вашимъ милостивый государь мой, покорнымъ слугою Василій Каразинъ. Адресъ мой: противъ Николы Дербентскаго въ домъ Ярославовой.

Священнику о. Алексѣю Иванову.

(31-го іюля 1807 года).

Почтеннѣйшій отецъ Алексѣй! Благодарю васъ за письмо ваше отъ 25 мая и съ удовольствіемъ ожидаю то увѣдомленіе о приходскомъ училищѣ, которое вы обѣщали въ ономъ. Пожалуйста напишите мнѣ объ отличающихся ученикахъ, чтобы я могъ отсюда прислать имъ гостинцы и по природному расположенію каждаго имѣнія, имѣть о нихъ дальнѣйшее

¹⁾ Жена В. Н. Каразина.

попеченіе. Заохочивайте всіми образами поселянъ отдавать въ училище дѣтей ихъ. Внушайте имъ простымъ ихъ языкомъ и соответственно ихъ понятію и чувству, что намѣреніе какъ высшаго правительства въ большемъ и обширномъ кругу, такъ и мое въ маломъ семъ, есть не то, чтобы отвлекать дѣтей отъ земледѣлія, но чтобы къ сему же самому быть открытъ ихъ разумъ; чтобы сдѣлать ихъ благонравнѣе и прилежнѣе къ своему долгу, чтобы чрезъ наученіе книгамъ, дать имъ способы и праздное время отдохновенія отъ трудовъ проводить съ пользою и пріятностію вмѣсто безчувственного пьянства. Когда Богъ дастъ мнѣ возвратиться восвою, то и самъ я примусь за дѣло въ вѣренномъ вамъ училищѣ. Попытаюсь давать старшимъ изъ нихъ маленькія наставленія въ томъ, что принадлежитъ къ ихъ состоянію и роду жизни. Назначу для этого какой нибудь день въ недѣлѣ. Батюшка! Я васъ усердно прошу уважать святою вашею должностію. Всевышней сторицею вознаградить васъ. Представьте себѣ, какія радости изготовите вы духу вашему въ старости. Воспитанники ваши будутъ *люди*! Истинное христіанское просвѣщеніе водворится въ маломъ селеніи нашемъ: „се мы, Господи, и чада наши, ихъ-же намъ далъ еси“, можемъ мы съ вами тогда сказать. Объ обязанностяхъ помѣщика и священника въ селѣ, я имѣю высокое понятіе: это не родъ лишь жизни, не способъ лишь одинъ, данный къ пріобрѣтенію и насыщенію: это званіе, врученное Всевышнимъ, чтобы руководствовать къ добродѣтели и блаженству людей, доставшихся на удѣлъ намъ. Ихъ судьба, такъ-сказать, намъ ввѣрена: и горе намъ, если мы не въ состояніи будемъ дать къ ней отчета.

В. Г. Анастасевичу.

Кручикъ. (12-го сентября 1807 года).

Нельзя быть болѣе заняту, какъ занятъ теперь я, мой почтеннѣйшій Василій Григорьевичъ! Къ тому же я и не очень здоровъ. И такъ простите вы меня, что я пишу кое какъ. На будущей почтѣ, авось, послучу досугъ. Акцію посылаю. Переводите правила наши и печатайте съ Богомъ, въ особенное одолженіе, вашего на вѣкъ преданнѣйшаго слуги
В. Каразина.

Р. С. Наскоро брошу здѣсь идею, которую хотѣлъ бы *порядочно* сообщить вамъ и Николаю Степановичу. Можно кажется распространить наше ф. о. и въ бывшія польскія одноклиматныя намъ провинціи, учреждая при томъ и третій съѣздъ общества на Кіевскихъ контрактахъ.

Обнимите эту идею во всей ея полнотѣ—какое сближеніе дворянства всѣхъ снхъ губерній! и пр. и пр. и пр. Разумѣется что *тамъ* должны найтись правители дѣлъ по частямъ *преимущественно* тому краю свойственнымъ. Здѣсь будетъ скоро правителемъ дѣлъ по части шелководства и красивныхъ растений Баронъ Биберштейнъ извѣстный правительству человекъ. Николая Степановича желалъ бы я видѣть правителемъ дѣлъ по части землѣдѣлія. Всякій правитель (естественно) выдаетъ свои Акціи, обезпечиваетъ общество своимъ имуществомъ. (По всюду банки возстановляющіе довѣрія. Не ассигнаціямъ чета! ех. ех. какая связь! оставляю вамъ дальнѣйшее соображенія. По всюду запыхаетъ дѣятельность). За выписку изъ постановленій общества, великое вамъ спасибо. Вы совершенно *все* поняли, и напрасно спрашивали. Правители дѣлъ за труды свои (праведно) получаютъ остальную половину *выплатныхъ* процентовъ, т. е. половину того, сколько будетъ сверхъ шести, кои они необходимо дать акціонерамъ обязаны. Напр. *всего* было бы *чистаго приобрѣтенія* съ образцовыхъ заведеній 12 про 100. 6 слѣдуетъ необходимо акціонерамъ, и сверхъ того 3 имъ же, и 3 правителю дѣлъ у коего сн заведенія, въ убыткахъ они (акціонеры) не участвуютъ. Господинъ правитель! держи ухо востро. Пустаго не затѣвай.

В. Г. Анастасевичу.

Село Кручики. (5-го октября 1808 года).

Сколько же одолжаете вы меня, почтенѣйшій любезнѣйшій Василій Григорьевичъ!

Шлете дружескія ваши письма одно за другимъ, выполняете давнюю и забытую уже преномирацію, доставляете превосходныя, преострыя басенки, увѣдомляете о подвигахъ вашемъ въ мою пользу, *окончивъ его дѣйствительно* съ вашей стороны; и не по-столичному обычаю озадачивать обѣщаніями и увѣреніями о дѣлѣ, которое въ сердцѣ иногда на безконечное время откладываютъ. На послѣдокъ дарите насъ прекраснымъ вашимъ произведеніемъ, переводомъ, достойнымъ своего нѣжнаго подлинника!.. Это право много: намъ долго не расплатится. Единственное развѣ къ сему средство то было бы, чтобъ вы когда нибудь пріѣхали въ наши мѣста, и мы употребили бы съ женою все наше умѣніе, весь нашъ кредитъ, чтобъ высватать за васъ лучшую украинку. Я право удивляюсь, для чего вы не воспользуетесь отсутствіемъ вашего Князя. Или вы такъ страстно влюблены въ свой Петербургъ, что и на короткое время не хотите съ нимъ разстаться? Я бы на вашемъ мѣстѣ,

гульнуть непременно, еще вышшею осенью, (которая у насъ лучше лѣта, и вѣроятно съ мѣсяцъ еще продлится въ семь видѣ) и зимою по первому пути можно возвратится. Какъ бы мы были вамъ рады! етого я и описывать не принимаюсь. Басеньку вашу тормащать по всей Украинѣ, читая въ запуски. Ну подлинно котъ изъ котовъ! признаюсь вамъ: (право не изъ лести) я давно ничего столь остраго, и такъ хорошо придуманнаго не читываль. Славу прекраснаго пола пустилъ я также; я надѣюсь не въ продолжительномъ времени прислать и деньги, шитайте ихъ между тѣмъ на мѣ. Принесите пожалуйста мое совершенное почитаніе и душевную благодарность почтеннѣйшему Прелату Стрейновскому за его столь лестное обо мнѣ прощеніе. Ето въ ожиданіи только моего собственнаго письма, которое ей, ей недосугъ писать. Я имѣю теперь до тридцати человѣкъ работниковъ разнаго рода, и со всѣми надобно говорить, указывать и бранится. Въ сію самую минуту меня зовутъ. Пускай жена оканчиваетъ; а я откладываю весь сонмъ собравшихся было мыслей до слѣдующаго разу. Вѣрьте, что я по жизнь мою пребуду съ истинною преданностію и почитеніемъ вашимъ усерднѣйшимъ другомъ и слугою.

Василій Каразинъ.

Р. С. Не пропустите обрадовать новинками, когда будутъ хорошія ¹⁾).

В. Г. Анастасевичу.

Село Кручицъ. (21-го октября 1808 года).

Я пишу къ вамъ почтеннѣйшій и любезнѣйшій Василій Григоріевичъ! письмо короче воробынава носа. И для того только, чтобы сказать, что вашу Сафу и въ двухъ, и потомъ въ десяти экземплярахъ я получилъ и что книгу о книгопечатаніи посылаю; переводъ же вашъ пришлю на слѣдующей почтѣ, вырывъ изъ подъ кучи неразобранныхъ книгъ и бумагъ, которыя въ ожиданіи (послѣдней уже теперь моей библиотеки) лежатъ въ нашей церквѣ, ибо домъ такъ тѣсенъ что трехъ тысячъ моихъ волюмовъ дѣвать во вся нѣкуда было. Прощайте! болѣе не-

¹⁾ Приписка А. Каразиной. Искренно благодарю васъ, милостивый государь мой Василій Григоріевичъ за пріятнѣйшее письмо ваше и прекрасной подарокъ трудовъ вашихъ. Приписаніе мнѣ сей книжки принимаю и за знакъ дружескаго вашего расположенія къ мужу моему, и по тому оно не можетъ быть мнѣ непріятно, сколь мало я протчемъ ни заслуживаю сдѣланой вами мнѣ похвалы въ приношеніи вашемъ. Будете увѣрены въ нашей признательности и также искренней къ вамъ дружбы и почитенія съ которымъ остаюсь покорною къ услугамъ вашимъ

Александра Каразина.

премѣнно буду писать при второй посылкѣ. За Сафу отъ имени всѣхъ нашихъ литераторовъ большое спасибо! 10 экземпляровъ надѣюсь раздать.

Вашъ усердѣйшій другъ и слуга

В. Каразинъ.

Р. С. У насъ еще до сего дни стоитъ довольно пріятная погода. Я хожу все въ одномъ сюртукѣ. Кой гдѣ есть еще зелень и даже цвѣты. Но листь съ большой части деревьевъ свалился. Полевая работы вездѣ еще продолжаются, и вѣроятно недѣли двѣ безъ нужды могутъ продолжаться.

В. Г. Анастасевичу.

(15-го іюня 1809 г.).

Милостивый государь мой, любезнѣйшій Василій Григоріевичъ!

Чувствительнѣйше обязали вы меня двумя письмами вашими, изъ которыхъ одно писано 26-го апрѣля, а другое 14-го декабря 1808 г. Но оба получены вмѣстѣ 11-го мая. Какъ это случилось, я не знаю. Изъ билетовъ вашихъ здѣлалъ я все возможное для меня употребленіе: именно рекомендовалъ здѣсь въ университетѣ, чтобы взяли книгу вашу для гимназій; рекомендовалъ и частно двумъ вельможамъ нашего краю. О успѣхѣхъ ничего еще не могу донести. Въ протчемъ признаюсь вамъ, и даже почтенному сочинителю признался бы, еслибъ имѣлъ случай, что книга для меня не нравится не по внутреннему ея достоинству (съ сей стороны должно отдать справедливость трудамъ и намѣренію) но относительно ко времени. Кажется не худо бы по меньше заниматься теперь, а особливо молодые, и безъ того уже взбаламученные умы занимать понятіями права природнаго. Эти понятія довольно надѣлали бѣдъ въ другихъ мѣстахъ; и *върѣте у насъ близко къ тому*. А лучше бы говорить болѣе о чемъ ни будь другомъ. Вы господа въ столицахъ живущіе, бываете или оглушены столичнымъ шумомъ и разсѣяны, или умышленно не хотите вглядываться. Но мы здѣсь видимъ *что* дѣлается въ свѣтѣ. Въ протчемъ наше дѣло молится только Богу! И я говорю это вамъ, какъ извѣстному мнѣ челоуѣку, который имѣетъ и не можетъ имѣть иныхъ, какъ честныхъ намѣреній. Простите! я желаю, чтобы вы были здоровы и благополучны. Вѣрѣте, что я не престану искренно почитать васъ пребывая на всегда вашимъ преданнымъ слугою В. Каразинъ.

Въ отв. 15 іюня.— Люблю воображать, что съ вашего чела сугруги поцѣлуй полезной потѣ стираетъ что вы въ семействѣ весь какъ въ ульѣ мать-пчела печется о дѣтяхъ и соты свои набираетъ.

25 мая. P. S. Напрасно вы книги не разослали о коихъ я вамъ, кажется, изъ Москвы еще увѣдомлялъ. Теперь я даже именъ ихъ не вспоминаю.

P. S. У насъ здѣсь слухъ, что Наполеонъ въ конецъ разбилъ австрійцевъ.

В. Г. Анастасевичу.

(26-го декабря 1809 года).

Пріятно мнѣ любезнѣйшій Василій Григоріевичъ! распечатать мое къ вамъ письмо, которое съ утра было готово къ отправленію. Я долженъ сказать вамъ, что по возвращеніи домой вечеромъ нашолъ я принесенное изъ почты ваше отъ 8-го сего мѣсяца: то, въ которомъ вы съ такимъ благороднымъ и лестнымъ для насъ съ женою чувствомъ, говорите о посѣщеніи нашей бывшей квартиры. Мало, *очень мало* нахожу я людей отзывавшихся подобно вамъ, не взирая, что инымъ удалось мнѣ оказать *большія* услуги. Но я по сей причинѣ не считаю себя въ правѣ перемѣнять мой образъ мыслей и дѣйствій. Честные люди найдутъ меня всегда *тѣмъ же самымъ*, какимъ я былъ въ такъ называемое цвѣтущее время, и какимъ былъ бы на вышней степени такъ называемаго у насъ въ столицахъ счастья, если бы оно возвратилось. И здоровой и больной и на краю могилы буду я искать здѣлать ту малую долю добра общаго и частнаго которая отъ меня можетъ зависеть. Дѣлать оное изъ ожиданія возмездія или благодарности есть торгъ, да еще и безразсудной торгъ! Благодарность добраго сердца почитаю я прелестнымъ подаркомъ, который намъ иногда дѣлаетъ Провидѣніе, а не событіемъ, которое мы были бы въ правѣ ожидать. Я долженъ вамъ сказать какую нибудь причину, для чего я требуемаго въ смѣну рисунка не посылалъ. *Какую нибудь* справедливо сказано ибо подлинныхъ или нѣтъ или написалъ я ихъ уже въ утреннемъ сегодня письмѣ. Изъ изобрѣтенія, о которомъ вы извѣстны здѣлалъ я теперь два уже: именно параболонды обращены въ выпаривательный снарядъ для селитры, поваренной и другихъ солей; а для винокурения составленъ на *тѣхъ же началахъ* другой снарядъ. Объявленіемъ публичнымъ сихъ вещей, думалъ было я здѣлать что нибудь для моего состоянія, которое по милости А. до крайности разстроено. На сей конецъ и открылъ въ началѣ іюня 1808 года подписку на книгу цѣною 258, въ которой бы при химическихъ открытіяхъ моихъ по сей части обнародованы были и механиче-

скія, то есть самые снаряды. Что же?... до іюня 1809 г. нашлось въ пространномъ русскомъ царствѣ, охотниковъ двадцать три человѣка! Я бросилъ намѣреніе издавать, началъ собираться и до нынѣ еще собираюсь преклонить на мою сторону какого нибудь богача, чтобъ съ нимъ подѣлиться выгодами. Но его не помѣшаетъ сообщить на досугѣ тѣ ун-ту мои тайны. Къ счастью подобныя вещи не такъ то скоро изъ такой дали, и изъ края, мало съ Россією связи имѣющаго, разнестись могутъ. Казалось бы однако, что князь легчайшимъ образомъ могъ здѣлать все дѣло. Предложенія его ун-ту обо мнѣ, какъ о человѣкѣ ученомъ, ему извѣстномъ, которому унив-тъ болѣе или менѣе обязанъ при подтвержденіи его правъ и пр. (о чемъ и подписка моего имени на нѣкоторыхъ официальныхъ бумагахъ свидѣлствуетъ). Етакое предложеніе со стороны Его преблагороднѣйшее въ нынѣшнемъ моемъ положеніи рѣшило бы все. И вѣрнѣе, что я умѣлъ бы оправдать выборъ ун-та, и руководствовавшее къ тому предложенія попечителя. Въ прочемъ ссылаюсь на утреннее мое письмо. Нельзя думать равнодушіе о всѣхъ почестяхъ на свѣтѣ, какъ я теперь думаю. Медлительность и нерѣшимость мои (которыми я даже вамъ непріятность здѣлалъ, что я и чувствую) да будутъ большими въ сказанномъ доказательствѣ! За вѣсти вамъ покорнѣйше благодарю, и симъ длинное письмо, послѣ котораго лѣньность моя будетъ въ правѣ нѣсколько и помолчать, оканчиваю! Но прежде въ мысляхъ моихъ обнимаю васъ съ чувствомъ истинной преданности и почтенія, и поздравляю васъ съ Новымъ Годомъ, въ которомъ уже вы сіе письмо получите. Вашъ усерднѣйшій слуга В. Каразинъ.

Неизданныя рукописи В. Н. Каразина, извлеченныя изъ архива Крестовоздвиженской церкви села Кручика (Богодуховскаго уѣзда Харьковской губерніи).

Довѣрительное письмо дворовому человѣку.

Вручителю сего, дворовому человѣку статскаго совѣтника Каразина поручено въ лавкѣ Василія Михайловича Ломкина, и буде можно лично отъ него, наведенія о цѣнахъ существующихъ теперь на серебро и золото въ дѣлѣ, также на серебро золоченное, какъ по прежнимъ пробамъ, такъ и по нынѣшнимъ: въ надеждѣ, что почтенный Василій Михайловичъ не откажется сдѣлать сіе одолженіе, и симъ способствовать въ вѣрной оцѣнкѣ церковныхъ сосудовъ, по полученному недавно указу требуемой отъ приходскихъ священниковъ. Равно нельзя ли сказать, по какой цѣнѣ нынѣ мѣдъ, необходимая въ паникадилахъ“.

Собственноручныя записи В. Н. Каразина церковныхъ денегъ въ „книгѣ о приходѣ церковныхъ денегъ Богодуховскаго уѣзда с. Кручика Крестовоздвиженской церкви“.

Число

1809 года

Приходъ денегъ

Остатокъ денегъ	Къ тому поступило	Итого	А всего съ оста- тками				
	За пропавшия свѣчи	Собрано отъ по- дачъ въ конел. и кружки	За отдачу въ на- мѣст. дозора ла- вочъ и проч.				
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.

Въ теченіе мѣс. Генваря поступило къ значащимся по книгѣ 1808-го года остаточнымъ девятиюсто шести рублямъ сорока шести копѣйкамъ

Въ теченіи февралѣ
" " марта
" " апрѣля
" " мая
" " юня

96	46	1	18	7	30	—	—	8	48	—	—
—	—	2	17	5	70	—	—	7	87	—	—
—	—	4	20	4	96	—	—	9	16	—	—
—	—	3	46	10	89	—	—	14	30	—	—
—	—	1	39	3	70	—	—	4	49	—	—
—	—	—	—	2	5	—	—	2	5	—	—

Итого въ шесть мѣсяцевъ сорокъ шесть рублей тридцать пять копѣекъ все сіе внесено въ книгу по прошенію церковнаго старосты Анто-на Зыченка (не умѣющаго грамотѣ) и съ его показаніи, засвидѣтельствован-наго благочиннымъ іереемъ, отцомъ Ми-хайломъ Череванецкимъ. Помѣщикъ се-ла Кручика статскій совѣтникъ и кавале-рь Василій Каразинъ. Сверхъ сихъ денегъ оказалось въ наличности церков-наго воску тридцать два фунта и свѣ-чей одиннадцать фунтовъ. В. Каразинъ.

—	—	12	40	33	95	—	—	46	35	142	81
---	---	----	----	----	----	---	---	----	----	-----	----

Юля 10-е 1809 г. продолжается втр-ная записка съ юля мѣсяца сего года, то есть во времена не бытности въ се-лѣ Кручикѣ священника.

Въ юль мѣсяцѣ:

10 Осталось отъ прошедшихъ мѣсяцевъ на-личныхъ денегъ, считая въ числѣ ихъ разданныя въ долгъ бывшимъ священ-никомъ, Ивановымъ и другіи неявившіе-ся (за исключеніемъ записаннаго въ ра-ходной книгѣ расхода сто двадцать три рубля тридцать одна копѣйка
31 Прибыльныхъ отъ продажи свѣчъ рубль четыре копѣйки

123	31	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	1	4	—	—	—	—	—	—	—	—

Число	1809 года	Приходъ денегъ							
		Остатокъ денегъ	Къ тому поступило						А всего съ оста- тками
			За продажу свѣчъ	Собрано отъ по- даванъ въ коше- лекъ и кружки	За отдачу въ на- съ денегъ, да- вонъ и проч.	Итого			
		Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	
	(Такъ какъ имѣя принадлежащій дерк- въ воскъ, не было нужды покупать она- го, то всѣ сии вырученныя отъ свѣчъ деньги и разумѣются чистой прибылью).								
31	Собрано въ теченіи сего мѣсяца отъ подаванія въ кошелѣкъ два р. десять коп.	—	—	—	—	2 10	—	—	—
	Итого въ іюлѣ мѣсяцѣ за иск- люченіемъ употребленныхъ въ теченіи сего мѣсяца въ расходъ семидесяти пя- ти копеекъ	123 31	1 4	2 10	—	—	3 14	126 45	75
	Въ іюлѣ мѣсяцѣ осталось сто двад- цать пять рублей и семьдесятъ коп. . .	125 70	—	—	—	—	—	125 70	
	Въ августѣ мѣсяцѣ:								
1	Осталось отъ прошедшаго іюля мѣ- сяца сто двадцать пять рублей и семде- сять копѣекъ	125 70	—	—	—	—	—	—	—
31	Прибыльныхъ отъ продажи свѣчъ въ семь мѣсяцѣ рубль двадцать коп. . . .	—	—	1 20	—	—	—	—	—
31	Собрано въ теченіи сего мѣсяца отъ подаванія въ кошелѣкъ рубль пятьдесятъ четыре копѣйки	—	—	—	—	1 54	—	—	—
	Итого въ августѣ мѣсяцѣ . .	125 70	1 20	1 54	—	—	2 74	128 44	
	За исключеніемъ употребленныхъ въ теченіи сего мѣсяца въ расходъ тридца- ти рублей	—	—	—	—	—	—	—	13 —
	Въ августѣ мѣсяцѣ осталось денегъ сто пятнадцать руб. сорокъ четыре коп.	115 44	—	—	—	—	—	—	—
	Въ сентябрѣ мѣсяцѣ:								
1	Осталось отъ прошедшаго августа сто пятнадцать руб. сорокъ четыре коп. . .	115 44	—	—	—	—	—	—	—
14	Прибыльныхъ отъ продажи свѣчъ изъ выше показаннаго церковнаго воску во- семь руб. шесть коп. (что принадлежитъ до купленнаго какъ въ расходной кни- гѣ значится <i>готовыхъ свѣчъ</i> , оныя упо- треблены на украшеніе церкви въ хра- мовой праздникъ, какъ то въ поникади-								

Число	1809 года	Приходъ денегъ						
		Остатокъ денегъ	Къ тому поступило					А всего съ оста- точными
			За продажу свѣчъ	Собрано отъ по- даванъ въ коп. и кружечъ	За отдачу въ на- емъ дозоровъ, ла- зокъ и проч.	Итого		
		Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	
	до, лампады предъ иконами и проч. и недогорѣвшія изъ нихъ остались для другихъ праздниковъ).							
31	Въ сей день и въ остатокъ мѣсяца до собрано отъ подаванія въ копѣекъ четыре руб семдесятъ шесть коп. . . .	—	—	—	4 76	—	—	
	Итого въ сентябрѣ мѣсяцѣ . .	115 44	8 6	4 76	—	—	128 26	
	Въ октябрѣ мѣсяцѣ:						128 26	
31	Осталось прошедшаго сентября мѣ- сяца и за исключеніемъ употребленныхъ въ теченіи сего сентября въ расходъ двадцати шести руб. и восьмидесяти семи копѣекъ	—	—	—	—	—	26 87	
	Въ сентябрѣ мѣсяцѣ осталось денегъ сто одинъ руб. и тридцать девять коп. .	101 39	—	—	—	—	—	
	Въ октябрѣ мѣсяцѣ:							
1	Осталось отъ прошедшаго сентября мѣсяца сто одинъ руб. и тридцать де- вятъ копѣекъ	101 39	—	—	—	—	—	
31	Въ теченіи сего мѣсяца прибыли отъ продажи свѣчъ одинъ руб.	—	1	—	—	—	—	
	Собрано въ теченіи сего мѣсяца отъ подаванія въ копѣекъ три руб. сорокъ пять копѣекъ	—	—	—	3 45	—	—	
	Итого въ октябрѣ мѣсяцѣ . .	101 39	1	3 45	—	—	105 84	
	За исключеніемъ употребленныхъ въ теченіе сего мѣсяца въ расходъ семи- десяти пяти коп.	—	—	—	—	—	75	
	Въ октябрѣ мѣсяцѣ осталось <i>налич- ныхъ</i> денегъ сто четыре рубля и девять копѣекъ	104 9	—	—	—	—	—	

Число	1809 годъ	Расходъ денегъ			
		На покупку мо- за и свѣчъ	На покупку цер- ковъ и разныя расходы	Внесено для храмова и при- раснаго покровъ и церкви	Итого
		Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
	За приходную и расходную книги руб. шестдесятъ к.	—	—	1 60	—
	Бывшій священникъ вышеименованной церкви Але- ксѣй Ивановъ показалъ въ присутствіи протоіерея от- ца Николая Кременецкаго, что въ бытность его, т. е. до 16-го іюня сего года расходъ церковной суммы со- стоялъ вообще изъ четырехъ руб. пятидесяти коп.	—	—	—	—
	Заплатено дьячку Краснокутской Николаевской цер- кви, живописцу Ивану Никитину, сыну Яременку, за написаніе имъ двухъ хоругвей на подаренной отъ по- мѣщницы матеріи пятнадцать рублей	—	—	—	4 50
	Сія статьи внесены въ книги по прошенію церков- наго старосты Антопа Зенченка (не умиющаго грам- мотъ) Помѣщикъ села Кручика, статскій совѣтникъ и кавалеръ Василій Каразинъ (іюля 10-е 1809 г.).	—	15	—	—
	Продолжается вѣрная записка съ іюля мѣсяца т. е. во время небытности въ селѣ Кручикѣ священника въ іюль мѣсяцъ:	—	—	—	—
12	За одну бутылку краснаго вина семдесятъ пять коп.	—	—	75	—
	Итого въ іюль мѣсяцъ	—	—	75	75
	Въ августъ мѣсяцъ:	—	—	—	—
16	За купленной на Харьковской ярмонкѣ большій подсвѣчникъ изъ желтой мѣди для ставленія предъ царскими врата и предъ храмовою иконою, десять руб.	—	10	—	—
18	За заказной въ церкву камодъ съ разными ящичка- ми для храненія денегъ и свѣчей въ задатокъ столя- ру дано три рубля	—	3	—	—
	Итого въ августъ мѣсяцъ	—	13	—	13
	Въ сентябръ мѣсяцъ:	—	—	—	—
11	За упомянутый выше камодъ дано послѣдніе десять р.	—	10	—	—
	За пять хорошихъ внутр. замковъ къ оному, пять р.	—	5	—	—
12	За 13 фунтовъ готовыхъ свѣчей къ храмовому празд- нику, купленныхъ за каждый фунтъ по семидесяти копѣекъ, десять рублей сорокъ копѣекъ	10 40	—	—	—
	За передѣлку 12 фунтовъ церковнаго оску на свѣ- чи къ сему же дню семдесятъ двѣ копѣйки	—	72	—	—
13	За одну бутылку вина семдесятъ коп.	—	—	75	—
	Итого въ сентябръ мѣсяцъ	11 12	15 75	—	26 87
	Въ октябръ мѣсяцъ:	—	—	—	—
	За одну бутылку краснаго вина семдесятъ пять коп.	—	—	75	—
	Итого въ октябръ мѣсяцъ	—	—	75	75

Письмо М. М. Сперанскому.

(18-го апрѣля 1810 года).

Христосъ Воскресе! Подъ симъ заглавіемъ, всякой пишущій можетъ почитать себя равнымъ съ тѣмъ, кому онъ пишетъ. И для того я смѣшу пользоваться столь благопріятнымъ временемъ, дабы не быть въ необходимости употреблять титуловъ милостиваго государя и превосходительства, которые, не знаю почему, дикі для моего сердца писавши къ вамъ Михайло Михайловичъ!

Мы были друзья нѣкогда. Не одно письмо отъ васъ я храню: гдѣ вы меня... и единственнымъ, душевнымъ другомъ называете. Отъ чего все это перемѣнилось, и до такой крайности? (я разумѣю здѣсь не молчаніе ваше на какое-нибудь одно или два мои письма, между вами и Магницкими я умѣю дѣлать различіе; но напоминаю себѣ обѣдъ въ домѣ вашемъ, при которомъ я только у стола былъ, и при которомъ я увидѣлъ впервые, что вы меня изъ остатка лишь пристойности у себя терпите). Отчего?... видно надобно искать тому причины въ обстоятельствахъ. Тщегно я ищу ея въ самомъ себѣ. Я могъ быть легкомысленъ, затѣйливъ, и пр. и пр. Но чоренъ, или съ другой какой стороны недостойнъ прежнихъ чувствованій вашихъ!... никогда.

Было время, въ которое чрезъ меня же о васъ, т. е. о истинныхъ вашихъ достоинствахъ ¹⁾ едва-ль не впервые свѣдали: ибо я смѣлъ говорить о васъ съ тѣмъ жаромъ, къ которому дружба лишь способна, когда меня спрашивали о связяхъ моихъ. Это впротчемъ, какъ было до нынѣ, такъ и будетъ только одному Богу извѣстно.

Теперь дѣло не о томъ. Вы многомогущи; я имѣю прямую нужду въ пособіи.

Почестей и значенія мнѣ не надобно. До нынѣ, какъ вы видите, бывъ на свободѣ, и имѣя способности сдѣлать себѣ имя, я и тѣмъ не занимаюсь. Я ищу только безопасность семейственной жизни: и ея имѣть я не могу съ моими тяжкими долгами. Нажилъ я ихъ, не картами, не позорною жизнью, но предпріятіями въ пользу края моего рожденія и другими, вамъ извѣстными: такими, скажу опять кои могутъ быть необходимы, маловозможны и пр. и пр., но злонамѣренны, или низки!.. никогда. Меня бросили на площади безъ всякаго милосердія! я издерживалъ на все, про все собственныя деньги, нахватывая ихъ гдѣ только могъ. Но послѣ моей отставки, насилу, изъ милости, выпросилъ мнѣ до-

¹⁾ Не о лицѣ, которое конечно было уже извѣстно.

брой князь Чарторыскій столько, чтобъ я могъ выѣхать изъ Петербурга, и къ тому, въ дополненіе, принужденъ я былъ еще заложить послѣдній перстень.

„До тебя-ли теперь?“ слышу. Вы не даете мнѣ договорить. Все знаю! но я вѣдь не подаенія прошу. Я представилъ проектъ технической, полезной государству, можетъ быть полезнѣе всѣхъ тѣхъ, которые представлены были когда-нибудь. Вы можете узнать о немъ отъ Ив. Ив. Бахтина. Прося помощи не чрезвычайной, общей, изъ суммъ на этотъ предметъ нарочно назначенныхъ, я даю въ залогъ мое имѣніе, втрое стоящее сей суммъ. Доказываю, что это вѣроятно. Вижу, что не сомнѣваюсь: но... хотять, требуютъ, чтобъ я открылъ весь мой секретъ. Какъ мнѣ рисковать имъ? Какъ мнѣ, не въ состояніи бывши надѣяться, что тѣже люди, до окончанія сего дѣла усидятъ на мѣстахъ, рисковать послѣднимъ средствомъ, которое мнѣ (въ случаѣ отказа) помощь отъ частныхъ людей доставить обѣщаетъ?

Можетъ быть довольно одного только вашего слова. Заставьте ихъ не искать затрудненія тамъ, гдѣ быть его не должно.

Ради Бога! позовите къ себѣ добраго моего Ивана Ивановича нарочно для меня. Поговорите съ нимъ съ четверть часа: отъ него вы узнаете и это,—и болѣе. Вѣроятно найдутся и другія средства, столько-жъ благородныя, помочь мнѣ. Лишь бы не служба, для которой я не гожусь, и которая для меня не надобна. (Исключая развѣ со временемъ одна ученая часть, и въ томъ мѣстѣ, которое я основалъ; и для того только, чтобы сколько-нибудь поправить испорченное).

Я васъ не убѣждаю. Да и что помогло-бы тутъ мое убѣжденіе!

Вы знаете исторію аглицкой Елисаветы и графа д'Ессекса. Елисавета—вы, Ессексъ—я; а письмо это то кольцо, которымъ онъ бы могъ спасти себя, еслибы послалъ его. Я его посылаю.

Если я писалъ только къ тайному совѣтнику, etc. etc. etc., а не къ человѣку... Богъ съ вами!

18 апрѣля, 1810 г. Москва.

Письмо Губернскому предводителю дворянства
Андрею Федоровичу Квиткѣ.

(12-го мая 1811 года).

*„Милостивый Государь
Андрей Федоровичъ!*

Имѣя честь поздравить васъ съ Высочайшимъ утвержденіемъ Филотехническаго Общества и его правилъ, долгомъ поставлю препроводить къ вамъ у сего одинъ экземпляръ напечатаннаго мною „Извѣстія“ о нашемъ Обществѣ, которое между прочимъ содержитъ и Указъ Его Императорскаго Величества 10 марта, къ господину Слободско-Украинскому губернатору послѣдовавшій и существованіе Общества утверждающій.

Сверхъ сего назначеннаго для васъ собственно экземпляра, препровождаю еще сорокъ, покорнѣйше прося васъ милостивый государь, какъ предводителя дворянства нашей губерніи, адресовать по четыре оныхъ въ каждый уѣздъ. Излишне было бы убѣждать васъ исполнить сію просьбу. Независимо отъ участія, которое вамъ слѣдуетъ принять яко сочлену, я не знаю усерднѣйшаго гражданина нашего края.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою

Василій Каразинъ.

Мая 12-го 1811. Село Кручакъ № 1^а.

(„Дѣло объ учрежденіи Филотехническаго Общества и о разсылѣ къ уѣзднымъ предводителямъ дворянства по 4 экземпляра Филотехническаго Общества правилъ 1811 года на 15 листахъ“. По „Описи дѣлъ Харьк. Деп. Собр. и губ. предв. дворян. 1783—1827 гг. № 10).

В. Г. Анастасевичу.

Москва (22-го іюля 1813 года).

Вотъ отъ куда, послѣ долговременнаго молчанія моего получаете вы письмо, любезнѣйшій Василій Григоріевичъ! Судьба моя гонитъ меня безпрестанно, не давая мнѣ мѣста подъ собою согрѣть. Мнѣ уже сорокъ первый годъ, четверо уже дѣтей у меня (пятого я потерялъ); а еще жителство мое есть временная куца странственника! Занятъ бывши до самой послѣдней крайности хлопотами въ моей деревнѣ, воображалъ-ли я, что ни кончивъ ничего, должно мнѣ будетъ тащиться въ сію столицу,

какъ будто для того только, чтобъ поплакать на ея пожарищѣ и развалинахъ. Смерть моего тестя заставила насъ, т. е. меня и жену съ дѣтьми, брося нашъ домъ и украинское хозяйство, прѣхать сюда учреждать новое наслѣдіе, не менѣ запутанное, какъ и прежнее. Три дни еще только какъ мы въ Москвѣ: и уже плачемъ отъ тоски и досады. Но я забываю, что я хотѣлъ извѣстить васъ, а не заставлять раздѣлять наше горе. Прощайте болѣе писать нѣкогда. Адресъ наш: оставить въ почтамтѣ до востребованія, или въ бывшій домъ г. Бланкенгагена у кузнецкаго моста. Разстояніе противъ украинскаго только въ половину. Вашъ истинный другъ и почитатель Василій Каразинъ.

Р. S. Пожалуйте скажите любезному Ивану Ивановичу, что слѣдующую почтою получить онъ отъ меня письмо съ приложеніями.

Въ С. Петербургъ.

Его Высокоблагородію Милостивому Государю моему Василю Григоріевичу Анастасевичу. Въ малой подъяческой, въ домѣ г-на Яблочкина, придворнаго музыканта.

Письмо къ графу А. А. Аракчееву.

12-го декабря 1813 года.

*Сіятельныйшій графъ,
почтеннѣйшій сочленъ.*

Мила намъ вѣсть о родной сторонѣ, сказали одинъ изъ первыхъ русскіихъ поэтовъ. По сей причинѣ осмѣливаюсь предполагать, что полученіе вами справочника дѣнь Московскихъ, или прейскуранта, какъ называютъ извѣстія сего рода иностранцы, не неприятно будетъ вашему сіятельству. Нынѣшній разъ препровождаю мое письмо чрезъ г. министра внутреннихъ дѣлъ ¹⁾ и надѣюсь, что оно должно дойти къ вамъ.

Да порадуетъ сердце ваше, любящее отечество, при сличеніи дѣнь главнѣйшихъ продовольствій челоѣка въ опустошенной предъ симъ Москвѣ съ цѣнами всѣхъ прочихъ мѣстъ, чрезъ которыя проходятъ побѣдоносныя войска наши. Не повѣрять, можетъ быть, германцы, что фунтъ

¹⁾ Осипа Петровича Козодавлева.

хлѣба стоитъ въ столицѣ нашей менѣ одной копѣйки на серебро, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ.

Пріймите душевное мое поздравленіе съ преселеніемъ на Рейнъ торжества Россіи, торжества не честолюбія или алчности, но истиннаго человеколюбія. Дабы намъ совершенно быть благополучными, не достаетъ только радости той, чтобъ лично въ слезахъ, обнявъ колѣна любезнѣйшаго Монарха нашего, воскликнуть: блажены миротворцы, яко тии Бога узрять.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и таковою же преданностію

вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга:

Василій Каразинъ, правитель дѣлъ Ф. О.

Москва. 12 декабря 1813 г.

P. S. Въ письмѣ, которое буду имѣть честь писать непосредственно за симъ, донесу я о адресѣ моемъ, такъ какъ теперь еще не извѣстно мнѣ, долго ли долженъ здѣсь прожить. Предметъ моего пріѣзда есть особливо учрежденіе въ столицѣ конторы филотехническаго общества, которую благоулите, милостивый государь, ими же вѣсте средствами, поручить въ покровительство мѣстнаго начальства.

Письмо къ графу А. А. Аракчееву.

12 января 1814 года.

*Сіятельнѣйшій графъ,
милостивый государь!*

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ имѣлъ я честь препроводить къ вашему сіятельству справочникъ филотехническаго общества о Московскихъ цѣнахъ за ноябрь мѣсяцъ. Теперь слѣдуетъ оный за декабрь О доставленіи упомянутого письма просилъ я г. министра внутреннихъ дѣлъ, яко вашего сочлена; но, не имѣвъ чести получить отвѣта его, не могу увѣриться въ отправленіи. Нынѣшній разъ прибѣгаю къ его сіятельству князю Алексѣю Ивановичу ¹⁾. Сношенія на такомъ великомъ разстояніи довольно трудны. Но Богъ да благословитъ вамъ удалиться и еще болѣе! Спокойствіе цѣлой Европы и слава нашего отечества утѣшать насъ въ сей временной непріятности.

¹⁾ Горчакову, управлявшему военнымъ министерствомъ.

Къ справочнику долгомъ поставилъ я приобщить для васъ, сіятельнѣйшій графъ, яко надежды филотехническаго общества, списокъ съ отчета моего общества за прошедшій годъ. Зная благороднѣйшія чувствованія ваши, я смѣю быть увѣреннымъ, что вы съ удовольствіемъ его прочтете. А можетъ быть, захотите сдѣлать мнѣ благодѣяніе сообщеніемъ его Августѣйшему Покровителю нашего общества, Покровителю нѣкогда и моему, удостоивавшему меня милостей болѣе нежели обыкновенныхъ,—пока на послѣдокъ несчастное для меня стеченіе клеветы и собственной неосторожности.... Не продолжаю, сіятельнѣйшій графъ, опасаясь залить слезами бумагу, на которой я пишу. Но, и въ нынѣшнемъ положеніи моемъ, я продолжаю то же самое стремленіе, которое Имъ однажды было одобрено: „Часть отъ часу болѣе удостовѣряюсь, что Мы съ вами согласуемся въ образѣ нашихъ мыслей и чувствованій. Продолжайте и будьте увѣрены, что Я умѣю цѣнить подвигъ, влекущій васъ“. Вотъ драгоценныя (подлинныя) слова одного изъ Его писемъ ко мнѣ, маловажному Его подданному! Дѣйствіе ихъ продолжается донинѣ въ моемъ сердцѣ. Я иду впередъ съ малыми надеждами, безо всякой донинѣ подпоры, подвигаюсь медленно по путямъ, наполненнымъ стремнинами и терніями заросшимъ. Я лѣхусь принести нѣкогда, можетъ быть, не прежде какъ уже ко смерти моей, пользу дрожащему отечеству. И тогда уповаю быть оправданнымъ! Никто не вообразить, чего мнѣ, человѣку безъ случая, безъ большого имени, безъ богатства, безъ всякой подпоры, стоило учрежденіе Харьковскаго университета и предварившее оный пожертвованіе, на которое должно было соглашать дворянство многихъ губерній. Я увѣренъ, что не многіе рѣшились бы получать ленты, если-бъ онѣ доставались такимъ только образомъ! Когда сей важный проектъ испорченъ былъ иностранцами при самомъ его началѣ, когда найдено даже средство замарать и дворянство, предложившее его, а учрежденіе это, которому положены были начала великія, единственно Россія свойственныя, превратить въ обыкновенный университетъ нѣмецкій; то я въ отчаяніи вышелъ въ отставку, и... чтобъ поправить эту неудачу, принялся думать о филотехническомъ обществѣ. Это стоило новыхъ, можно сказать, невѣроятныхъ усилій и вмѣстѣ новыхъ непріятностей, которыя надобно было перенести. Наконецъ это общество существуетъ и имѣетъ уже слишкомъ восемьдесятъ членовъ. Умъ дальновидный, не на однихъ буквахъ останавливающийся, однимъ словомъ, умъ прямаго сына отечества, просвѣщеннаго Аракчеева, обниметъ всѣ послѣдствія сего учрежденія! Онъ и подобные умы, которыхъ у насъ (какъ и вездѣ) не много, отдадутъ справедливость системѣ идей, приложенныхъ во время къ общественному благу. Но другіе или презираютъ, или преслѣдуютъ гоненіями. Вообразите, сіятель-

нѣйшій графъ, что я нахожу безчисленныя препятствія даже въ напечатаніи нынѣшняго моего отчета. И вотъ причина, для чего я опоздалъ съ доставленіемъ вамъ копій оного! Однако, если успѣю умолить здѣшнюю полицію, то чрезъ двѣ недѣли послѣ сего письма вы изволите получить нѣсколько экземпляровъ для любителей своей отчины, которая теперь по мѣрѣ отдаленія, должна имъ быть еще милѣе.

Отъѣзжая въ началѣ слѣдующаго мѣсяца въ украинское мое жилище, осмѣливаюсь приложить у сего адресъ мой.

Будьте моимъ покровителемъ, сіятельнѣйшій графъ, будьте моею подпорою! Я никого болѣе не имѣю и имѣть не забочусь. Вѣрьте, что взаимно, съ чувствованіями глубочайшаго почтенія, душевной преданности и благодарности, я на весь вѣкъ мой пребуду

вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою,

Василій Каразинъ.

Москва. 12 января 1814 г.

Р. S. Осмѣливаюсь приложить у сего также экспромтъ, который мнѣ случилось сказать 30 декабря въ дворянскомъ собраніи. Многіе его затвердили, каждый сдѣлавъ свои перемѣны въ нѣкоторыхъ словахъ. Но это подлинникъ.

Письмо помѣчено графомъ Аракчеевымъ: „во Франціи 7 февраля“.

Письмо В. Г. Анастасевичу.

Москва (5-го марта 1814 г.).

Не успѣлъ я къ вамъ писать, почтенный и любезнѣйшій Василій Григоріевичъ, съ прошедшею почтою! Попытаюсь теперь написать по больше.

Прежде всего скажу вамъ съ чувствомъ искренней благодарности, что я получилъ и послѣднее ваше письмо отъ 24-го февраля, по тяжелой почтѣ отправленное. Спасибо вамъ! девяти экземпляровъ предовольно!

Каталогъ арх. Библіотеки похожъ на все прочее подобное: что дѣлать! будемъ дожидаться: а ось подъ старость нашу увидимъ зарю и лучшаго чего нибудь. Знаете-ли вы, что рѣдчайшіе манускрипты такъ называемой Патріаршей разницы, которые ничто иное (по заключенію моему) какъ остатки Библіотеки привезенной изъ Греціи послѣднею

дщерію Палеологовъ въ XV вѣкѣ, что манускрипты эти ваялись по лещедному помосту одного закаулка бывшихъ патріаршихъ келій, почти до временъ нашихъ, что Профессоръ Маттей (покойнику не въ осуду будь сказано) прибралъ изъ нихъ, что только заблагоразсудилъ, изъ чего иное благополучно продалъ въ Германіи, остальному же кое-какъ сдѣлалъ описаніе, и что имъ по нынѣ нѣтъ порядочнаго каталога? Знаете-ли, какъ укладывана и везена была изъ Варшавы славная Залусская Библіотека? я еще видѣлъ нѣкоторые ящики, О Господи! прости многое множество беззаконій нашихъ: ей-бо не вѣмы, что творимъ! А библіотека Князя Таврическаго, стоившая великихъ денегъ! Ету ужъ и я видѣлъ, какъ описывали, укладывали, и отправляли въ Казань, вмѣстѣ съ драгоценнымъ собраніемъ разныхъ естественныхъ вещей въ 1794 году. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, не явившихся и по таковой описи, сказано, что вѣроятно де крысы съѣли. Не почитайте его шуткою *à la lettre*, такъ было отвѣтствовано до открытія Казанскаго Округа, кажется въ 1802-мъ году. Въ числѣ съѣденныхъ крысами вещей была необыкновенной величины и красоты змѣя въ спиртѣ.

На щетъ знака, на вашей акціи появившагося скажу вамъ, что это такъ быть должно: ибо я безчисленными опытами доходилъ дѣлать чернило, которое послѣ опредѣленнаго времени должно оказываться, дабы симъ заставлять хозяина акціи представлять ея въ срокъ; я хотѣлъ сдѣлать акціи во что-бы то ни стало ходячею монетою. Но (ваши 100 не пропали!) все это сотворено не для настоящаго но для отдаленнаго будущаго времени, когда акцій пустится нѣсколько тысячъ въ мірѣ, и когда слѣдовательно до истинныхъ хозяевъ ихъ добратся не возможно. Это у меня сказано въ объявленіи Ф. О. № 1. Но видно, что вы его не читали.

Ко мнѣ пришли гости, которые столько интересны, что не надѣюсь кончить, какъ бы желалось. Прощайте! Мой усерднѣйшій поклонъ П. И. Вукотичу.

Вашъ преданнѣйшій слуга и другъ В. Каразинъ.

Жена моя и дѣти всеусердно вамъ благодарятъ за ласковый воспоминъ; и кланяются взаимно. Какъ жаль, что я не могу показать вамъ дѣтей моихъ! вы бы увидѣли, что я ими очень счастливъ ¹⁾.

¹⁾ Подлинникъ на листѣ почтовой бумаги большого формата съ воднымъ знакомъ: „А. Гончаровъ“. Принадлежитъ П. Я. Дашкову. Въ началѣ письма помѣтка: „Получ. 13 Маръ“.

Письмо къ графу А. А. Аракчееву.

(29-го марта 1814 года).

„Христосъ воскресъ!

*Сіятельныйшій графъ,
милостивый государь!*

Пріймите отъ сердца, исполненнаго преданности къ отечеству, слѣдовательно и къ тѣмъ, кои подобно вамъ суть истинные его доброжелатели, поздравленіе со всѣми славными для него событіями!.. событіями, которымъ мы едва вѣримъ, погружаясь въ восторги, предаваясь благодарности Богу и Тому, Кто достойнѣйшій образъ Его на земли!

Нисколько не удивляюсь, сіятельнѣйшій графъ, не имѣвъ чести получить отвѣта на письма мои. Вы пользуетесь полною довѣренностію Государя, вы Его любите: все время ваше слѣдовательно должно быть занято. Между тѣмъ вижу я, что вы не забываете филотехническое общество: отвѣтъ г. Фелленберга полученъ мною на сихъ дняхъ. Надѣюсь, что и прочимъ иностраннымъ почетнымъ членамъ вы уже разослали, или непременно изволите разослать ихъ дипломы. Меня особливо занимаетъ въ мысляхъ сенаторъ и химикъ Шапталъ ¹⁾. Какъ русскій, я почитаю родомъ торжества доставить ему сей дипломъ среди ужаснѣйшей военной бури. „Такъ-де поступаютъ именнованные отъ насъ варварами“!

Беру смѣлость приобщить къ сему письму нѣсколько нашихъ бумагъ. Оставя печатныя для самаго свободнѣйшаго времени, удостойте, милостивый государь, прочесть письменныя, особливо изложеніе мое о новомъ способѣ составленія селитры. Оно непосредственно принадлежитъ къ любимой вами части, которая толикимъ совершенствомъ въ отечествѣ нашемъ единственно вамъ обязана. Исходатайствуйте мнѣ просимое пособіе, сіятельнѣйшій графъ, или дайте его изъ вашихъ собственныхъ способовъ. И то, и другое будетъ мнѣ равно приятно; ибо первое удостовѣритъ меня въ милости Государя моего, послѣднее дастъ мнѣ способъ прославить имя ваше произведеніемъ въ дѣйствіе такого открытія, которое къ важнѣйшимъ принадлежать можетъ. Деньги въ обоихъ случаяхъ можно препроводить чрезъ посредство Слободско-Украинскаго губернатора и всѣ мои операціи подчинить его надзору, меня же строжайшему отчету въ употребленіи ихъ.

Я спѣшу кончить и заключаю увѣреніемъ, что я по жизнь мою пребуду съ глубочайшимъ почтеніемъ, преданностію и благодарностію вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Василій Каразинъ“.

Москва. 29 марта 1814 г.

¹⁾ Chaptal (1756—1832).

В. Г. Анастасевичу.

Москва. (7-го апрѣля 1814 года).

Какъ ни далеко еще до почты, почтеннѣйшій и любезнѣйшій нашъ Василій Григоріевичъ! но я напишу къ вамъ, нѣсколько строкъ завременно, дабы не забыть одной важной прозбы, которую всегда выпускаю изъ памяти писавъ къ вамъ въ почтовой день. Вы въ одномъ письмѣ, отъ 12-го сентябрю еще прошедшаго года, увѣдомляли меня о какой-то бумагѣ графа Кочубея, писанной въ 1802-мъ году, содержащей идею о миролюбивой системѣ Россіи. У васъ же она списана. Сдѣлайте милость, слышите, или лучше отдайте списать для меня сію бумагу, и послѣ посмотрите, чтобъ былъ вѣренъ списокъ! Одолжите меня симъ. Къ статѣ жъ у васъ теперь и деньжонки мои есть на за плату писцу. 2-е каталогъ библіотеки здѣшняго архива постарайтесь возвратить сюда поскорѣ, дабы я не остался виноватымъ: ибо мы немедленно по просухѣ ѣдемъ. 3-е. Напрасно вы мечете наше объявленіе № 3, на право и на лѣво, можетъ быть таковымъ людямъ, которые употребятъ его на... А что жъ вы отдадите разсылать при академическихъ газетахъ, и при Сѣверной почтѣ, когда Ос. Петр. расположится въ пользу конторы нашей, чего я со дня на день ожидаю. При академическихъ же можно бы кажется и безъ того разослать. Не повѣрите, какъ дорого печатать для газетъ подобныя листочки! Почему я весьма дорожу экземплярами оныхъ, и жалѣю когда они попусту идутъ. Вотъ вы сколько раздали, а изъ Петербурга еще понынѣ не было ни одного требованія. Изъ полуденныхъ же губерній начали уже проскакивать. Я поменьку обмогаюсь; и коль скоро голова будетъ еще свободнѣе, то примусь за правила для конторы. Этихъ я вамъ пришлю съ полсотни. 4-е. Коль скоро выйдетъ (или выдетъ) новый Адресъ-Календарь, купите и пришлите оной сюда когда еще успѣете, или въ Украину, буде опоздаете. Апполлона Пушкина о селитрѣ прошу не забыть, котораго сочиненія, боюсь вамъ ей, ей! не видалъ. Оно видно встрѣтись съ 3-мъ томомъ Линдеева словаря, завернуло въ кабачекъ, гдѣ и спились обое съ круга. Но я обѣщаю вамъ еще разъ всю мою библіотеку перешарить, по возвращеніи.

5-е вчера имѣлъ я удовольствіе получить письмо ваше отъ 24 и 27-го прошедшаго мѣсяца, относительное почти все до поваренка Савки. Благодарю васъ всеусердѣйше за дружескій вашъ подвигъ! хотя я жалѣю, что одѣтъ этого мальчика поручили вы негодяю, плуту можно сказать его учителю. Позвольте прочесть прилагаемая при семъ подлин-

ныя письма. Ихъ было два, одно помѣщика Новоторжскаго Лаврова, другое самаго Савки, который слезно просилъ о взятіи его обратно; но послѣдняго не отыщу между бумагами (которыхъ уже не возвращайте, ибо онѣ того не стоятъ). Сколько изъ нихъ прочетши еще разъ, и изъ вашего судить могу, да и развратъ Петербургской припомня, ничего лучшаго (вздумать) не могу, какъ отобрать Савку, и возвратить его въ Москву, пока мы еще здѣсь. Какое ученье! помилуйте! самъ хозяинъ подѣ собою мѣста не нагрѣетъ. Словяется изъ дому въ домъ. Мы отдали етого мальчика, предполагая, что отдаемъ въ великолѣпной домъ графини Мусиной-Пушкиной, гдѣ повару ежедневно случай, и притомъ наилучшій, заниматься своимъ дѣломъ. Но онъ очутился то у Марты, то у Торжковскаго Городничаго, то у Кусова, то у Урусова, и опять новое мѣсто принужденъ искать! Блѣзновство и потеря времени! не говоря о потерѣ денегъ, что меньше всего. И такъ дабы васъ любезнѣйшій другъ не дѣлать настоящимъ повѣреннымъ въ нашихъ дѣлахъ, я съ нынѣшнею почтою пишу прямо къ оберъ-полицеймейстеру, и прошу его официально, отыскавъ моего человѣка, снабдить его пропускомъ до Москвы. По справкѣ Савва не Сѣренко, но Тарасенко. Васъ же только покорнѣйше прошу дать ему сколько-нибудь денегъ, дабы онъ могъ найти попутчиковъ, и приказать ему не зѣвать въ управѣ Благочинія или куда велѣно ему будетъ явиться, а спѣшить выхлопотать папспартъ. Въ етомъ буде разсудите одолжить насъ, то и вы помочь можете побывавъ лично и подмазавъ дѣльцовъ и писцовъ. Въ Москвѣ долженъ онъ отыскать у Кузнецкаго домъ бывшій Бланкеннагеля, который у самаго мосту на право суть первой угольной. Тамъ о насъ спроситъ нанимающаго оный купца Александра Михайловича Прево. Я устаю писать, да и время проходить. И такъ *per complexu idearum* попрошу васъ, навѣдайтесь къ проф. Московскаго университета статскому совѣтнику Николаю Николаевичу Сандунову, который теперь въ Петербургѣ (а гдѣ присталъ должны знать въ почтамтѣ или у о. п. Козодавлева). А ось онъ не поможетъ-ли вамъ отправить экземпляровъ объявленія № 3 при Сѣверной почтѣ? или можетъ быть скажетъ, что не у прійде время: ибо онъ въ сношеніи съ Его Высочайшествомъ; въ семъ послѣднемъ случаѣ мы и подождемъ. Между тѣмъ подумывайте помаленьку какъ бы вамъ устроить Петербургскую контору, коль скоро наша поидетъ. Ето должно быть дѣломъ вашимъ. Жалѣю, что не могу еще прислать вамъ обещаной тетрадки, ибо она и ненаписана даже по болѣзни моей. Но вы увидите, что всѣ ваши сомнѣнія какъ дымъ исчезнутъ. Дѣло сіе основано не на шутку, лишь бы только съ выше не помѣшали. Но и въ семъ кажется, теперь не вижу болѣе опасности. Съ почтеннымъ

г. Торнелемъ я не вижусь со времени моего переезда въ сіе отдаленное мѣсто, подъ Донской монастырь, гдѣ я лѣчусь воздухомъ, и свѣтомъ. Письмо ваше я ему послалъ. Вы ко мнѣ надписываете просто: ибо почт-амтъ знаетъ куда доставлять. О поваренкѣ писать нѣкогда болѣе. Былъ бы онъ только не внуждѣ, и не въ явномъ бездѣльствѣ, что отвратить, сдѣлайте милость поспѣшите. Испытать его я придумаю средства. Но не въ семь преимущественно смѣлъ я вамъ дать порученіе, а въ выше сказанномъ. Учуть-ли его или нѣтъ, въ столѣ и на оди его собственныя (разумѣется не на хозяйвы) слова положится можно. Обнимая васъ душевно, пребуду съ искреннымъ почтеніемъ и преданностію вашимъ усердѣйшимъ слугой.

В. Каразинъ.

Все мое семейство васъ цѣдуетъ.

20 августа, Павловскъ.

Простите, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Василій Григоріевичъ, что пишу на лоскутѣ. Я не дома и спѣшу вамъ послать прилагаемое, ибо здѣшняя придворная почта сію минуту отходитъ. Сдѣлайте милость поспѣшите отослать въ типографію Греча къ фактору г. Грефу, и позаботьтесь, чтобъ все точнѣе было исправлено, посмотрите сами корректуру и потомъ велите моимъ именемъ печатать, чтобъ не было остановки вашъ преданнѣйшій В. Каразинъ.

В. Г. Анастасевичу.

Москва (9-го апрѣля 1814 года).

Боюсь любезнѣйшій Василій Григоріевичъ! чтобъ етѣ письма (т. е. вчера, и по тяжелой сегодня, написанныя) не были послѣдними къ вамъ изъ Москвы. Что-то смертная охота писать: и это не даромъ! по крайней мѣрѣ я вамъ даю честное слово постараюсь, чтобъ это предчувствіе или предвѣстіе сдѣлать лживымъ, не взира на то, что мы около 20 сего мѣсяца ѣдимъ въ подмосковную. Хотѣлось мнѣ съ вами еще побесѣдовать о петербургской конторѣ комиссій ф. о. право! ни кому не должна принадлежать честь ея устройства, какъ вамъ. Подумайте-ка хорошенько! Способы мы вамъ дадимъ. Начать надобно съ изданія справочника: и на сей конецъ пришлемъ къ вамъ сотни двѣ печатныхъ экземпляровъ, а тамъ осмотрѣвшись, какія статьи выбросить, какія вновь вставить надобно, начнете сами печатать вмѣстѣ съ цѣнами вещей какъ и мы здѣсь

примемъ: ибо число экземпляровъ въ разсылку и раздачу простирается уже до ста. Вотъ и пойдеть дѣло не на шутку. Зиновьевъ берется за контору и за справочникъ въ Казани, въ Харьковѣ непременно я сыщу кого-нибудь. И такъ будетъ уже четыре конторы, и четыре цѣно-указателя. Довольно для начала! Но все это еще по нынѣ зависить отъ ожидаемаго мною послѣдняго, рѣшительнаго отзыва Его высокопревосходительства О. П. который обѣщалъ выходить у комитета министровъ всему сему дѣлу твердое основаніе (собственныя слова его). При учрежденіи конторы, вы (не яко азъ, обремененный всею машиною филотехническаго общества) можете взять на себя комиссіи относительно до литературы и художествъ, и прочее, что вамъ съ руки. Предполагаю, что въ годъ тысячъ на двадцать порейдетъ чрезъ ваши руки, вотъ уже тысячка. рублей честнаго пріобрѣтенія! Если удастся выслужить доверенность публики, то конечно не двадцать тысячъ должно перейти. Постарайтесь однако залучить въ сочлены бойкихъ и извѣстныхъ торговцевъ. Издержки изданія справочника слѣдовательно и собиранія справокъ о цѣнахъ въ томъ числѣ, будутъ производятся на шестъ канцелярскихъ доходовъ конторы т. е. также справочника. А во ожиданіи мы вамъ изъ общественной суммы отпустимъ сотъ пять рублей въ займы. Вотъ вамъ екскизъ! Дѣло еще не къ спѣху, подумайте!... Чуть ли труды сего рода не прибльыѣ изданій, и дѣла съ цыганами книгопродавцами. Вашъ характеръ, яко перваго члена конторы, извѣстенъ: надобно только имѣть глаза для выбору прочихъ, дабы не испортить славнаго сего дѣла въ самомъ началѣ. Въ бухгалтерѣ, кажется, на первой случай вы нужды имѣть не будите. Со временемъ же какъ позволить сумма, можно пріобрѣсть хорошаго въ конторахъ купеческихъ. Всему мы отсюда пришлемъ образцы и правила (нарочно беру маленькую бумагу, чтобъ не писать много: ибо ей Богу не досугъ)! Одному изъ членовъ можно поручить отправленія. У насъ сіе дѣлаеть бухгалтеръ. Такимъ образомъ, то что сказалъ я на стр. 1-й объявленій ф. о. № 2 начнеть исполняться на самомъ дѣлѣ. Милліоны потекутъ чрезъ наши конторы, чуть-чуть не задѣвая за нось гг. перекупщиковъ: *à la barbe des monopolistes!* все же возможно и збыточно со временемъ. Мнѣ 42 года, а вамъ не менѣе-ли? Обратитъ вниманіе на ф. о. слѣдовательно и на конторы его, вы мнѣ предоставте. Въ семъ же году съ помощію гр. А. блеснуть и глянуть изобрѣтенія, которыя на него невольнo обратять глаза. Для того я и поспѣшаю въ Украину.

Пожалуйте къ статѣ съ адресъ-календаремъ и разсудимъ о селитрѣ, пришлите мнѣ похожденія (или приключенія) Артемія Араратскаго, книгу недавно вышедшую, о которой раза два упоминали въ „Сынѣ Отече-

ства". Здѣсь ея нѣтъ въ продажѣ. Вотъ идетъ съ кухмистеромъ. Бѣловосымъ: за 30 мѣсяцевъ слѣдуетъ ему 450, что выдать за 21, то есть по 24-е апрѣля сего 1814 года? Онъ получилъ 240 не считая денегъ ему посланныхъ на одѣяніе Савки, котораго онъ вѣсилъ голымъ. Вамъ хотѣлось имѣть нѣсколько экземпляровъ объявленія ф. о. № 2 для чего же не взять у Глазунова подъ вашу расписку? а при томъ кстати навѣдаться сколько продано, послѣ я буду писать къ нему чтобъ онъ высилъ цѣну. Прощайте! обнимаю васъ душевно, вашъ В. Карзиннѣ.

Письмо къ графу А. А. Аракчееву

(9-го апрѣля 1814 года).

„Сіятельныйшій графъ,
милостивый государь!

Нынѣшнее мое письмо считайте, ваше сіятельство, продолженіемъ только того, которое имѣлъ я честь писать въ вамъ въ первый день Пасхи. Недостатокъ силъ послѣ продолжительной болѣзни, самый праздникъ и другія причины, по необходимости, сдѣлали его короткимъ. А такъ какъ сіе письмо есть уже вѣроятно послѣднее изъ внутренней столицы Россіи, то я позволю себѣ нѣкоторое пространство въ объясненіяхъ, тѣмъ болѣе, что онѣ всѣ имѣютъ ту же цѣль.

Открытіе о составленіи селитры посредствомъ облачной электрической силы назвалъ я принадлежащимъ къ числу важнѣйшихъ. Не притите, милостивый государь, къ самолюбію сего выраженія. Если опытъ, какъ надѣюсь я совершенно, утвердитъ мое предположеніе о низведеніи электричества съ верхнихъ слоевъ атмосферы, то будетъ приобрѣтено новое орудіе, которымъ человѣкъ донинѣ еще не владѣлъ. Вода, воздухъ, огонь, мышцы животныхъ, тяжесть и разширеніе нѣкоторыхъ тѣлъ суть до сихъ поръ тѣ силы, которыми управляя мы дѣйствуемъ въ нашихъ машинахъ. Разсудите, ваше сіятельство, какія новыя послѣдствія окажутся, если мы завладѣемъ массою электрической силы, въ атмосферѣ разсѣянной, если мы будемъ въ состояніи ея располагать по своей волѣ!.. Не одну селитру станемъ тогда созидать. Электричества, которое безспорно есть вещество сложное, главнѣйшая составная часть есть свѣтъ. Какъ, по мнѣнію умнѣйшихъ наблюдателей природы, свѣтъ есть главною причиною цвѣтовъ, запаховъ, пряностей и сладкихъ соковъ, производимыхъ теплыми странами, то я увѣренъ, что содѣйствіемъ элек-

трической силы мы будемъ въ состояніи сдѣлать перемѣны, которыя дондѣй тщетно были исканы химиками и за невозможныя ими признаны. Теперь же даю я вамъ слово, сіятельнѣйшій графъ, обращать нашъ русскій медъ, равно какъ изъ крахмалу производимую патоку, въ сахаръ (Удостоите нѣкоторое время сохранить тайну мою). На это я имѣю уже опыты. Но въ воображеніи я еще гораздо болѣе предвижу. Поелику электричество употребляется природою первымъ орудіемъ къ произведенію метеоровъ; то не достигнетъ-ли когда-нибудь посредствомъ онаго человѣкъ до возможности располагать, по крайней мѣрѣ на нѣкоторомъ пространствѣ, состояніемъ атмосферы, производить дождь и ведро по своему производу?.. Вы столько просвѣщены, милостивый государь, что не станете смѣяться надъ симъ предположеніемъ, сколько оно ни дерзко. Когда еще не было кораблей, кто бы не остановился повѣрить, если-бъ сказали ему, что люди пустятся тысячами по хребтамъ валовъ морскихъ въ домахъ, движимыхъ вѣтрами, и, не имѣя другихъ руководителей, кромѣ звѣздъ и желѣзнаго на булавку навѣшеннаго прутика, преплывутъ десятки тысячъ верстъ, безошибочно достигая назначеннаго мѣста? Пока не былъ изобрѣтенъ порохъ, кто бы повѣрилъ чудесамъ, которыя онъ производитъ? Не осмѣянь-ли былъ бы тотъ ученый, который бы въ половинѣ XVIII-го столѣтія сталъ предсказывать, что въ концѣ онаго люди будутъ очень удобно плавать посреди облаковъ? Предѣловъ наукъ, особливо же естествовѣдѣнія, никакъ не возможно опредѣлить. Разумъ человѣческій безпрерывно подвигается впередъ, не взирая на всѣ препятствія. Посмотрите теперь на открытія Гумфрія Деви! Что было бы уже доселѣ, еслибы правительства хотя половину тѣхъ чрезвычайныхъ способовъ употребляли на усовершеніе человѣческихъ познаній, которыя онѣ истощаютъ, увы! на пріобрѣтеніе такъ называемой славы, на удовлетвореніе страстей, гибельныхъ роду человѣческому?

Оставляя сіе, я перехожу къ другому моему предмету, продовольствію войска въ чужихъ краяхъ изъ Россіи, предмету, который по общимъ слухамъ здѣсь получаетъ сугубую важность. Прочтите, милостивый государь, бумагу, которую я посылаю въ армію въ мартѣ 1813 года. Я препровождаю ее къ вамъ въ подлинникъ. Ручаюсь имѣніемъ, семействомъ, жизнью, честію за исполненіе обѣщаннаго въ ней. Предлагаемое мною столь легко испытать, я въ такой степени зависимъ отъ моего правительства, что по истинѣ не возможно, кажется, отказать мнѣ при семъ вторичномъ предложеніи! И я тѣмъ болѣе удивляться буду, что въ глазахъ моихъ издерживаются суммы съ очевидно меньшею пользою. Можете-ли вообразить, напримѣръ, что отсюда изъ Москвы везутъ въ чужіе края къ арміи вещи, платя отъ 30—70 рублей съ пуда, кото-

рия гораздо дешевле въ Германіи, нежели онѣ на мѣстѣ въ Москвѣ стоять, имѣть можно. Всѣ мы здѣсьжимаемъ плечами (я пишу смѣло истину), поелику пишу едва-ль не единственному патріоту, котораго мы имѣемъ!).

На одинъ вопросъ однако я долженъ отвѣтствовать вашему сіятельству. „Ты-де не богатъ; но для чего бы тебѣ не уговорить сочленовъ твоихъ составить сумму и сдѣлать опытъ безъ пособія казны?“ Ахъ, милостивый государь, не такъ то легко уговаривать людей на пожертвованія, особливо въ нынѣшнее время, когда и неминуемыя пожертвованія сдѣлались частыми. Малѣйшее сомнѣніе въ успѣхѣ вещи останавливаетъ людей. Богу извѣстно, чего мнѣ стоило въ 1811 году согласиться дать по той бездѣлицѣ (100 р.), которая должна была положиться въ основаніе филотехническаго общества! Но, всконечно, коль скоро узнають, что правительствомъ сдѣлано опытъ, что оно нашло его выгоднымъ, то всѣ двинутся. Дороги чрезъ Кіевъ и Вильно будутъ покрыты фурами, везущими продовольствіе арміи въ сгущенномъ видѣ.

Нѣтъ! никогда я не прошу знакомцу моему, князю В., презрѣнія, которое онъ показалъ къ офиціальному предложенію филотехническаго общества. Давно бы уже важная сія задача была рѣшена!

Здѣсь долженъ я кончить мое письмо, дабы сберечь увѣренность, что ваше сіятельство прочтете его со вниманіемъ, равно какъ и прилагаемую при немъ бумагу. Но повторяю еще разъ: буде я изобличусь въ шарлатанствѣ, не жалѣйте меня! Передайте гнѣву моего Государя презрѣнію и осмѣянію моихъ современниковъ и потомства.

Издержанная сумма да взыщется съ моего имѣнія. Его, пріобрѣтенное мною до сихъ поръ имя и трехъ сыновъ, которыхъ я воспитываю на пользу отечества, и которые въ посрамленіи своего отца необходимо будутъ участвовать, приношу и въ залогъ; но прошу, ради Бога, не отказывать мнѣ въ средствахъ сдѣлать сей опытъ быть полезнымъ!

Отвѣтъ вашъ, если благоволите имъ удостоить вашего истиннаго почитателя, найдетъ меня Слободско-Украинской губерніи въ Богодуховѣ. Пребываю съ глубочайшею преданностію

вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга

Василій Каразинъ“.

Москва. 9-го апрѣля 1814 г.

В. Г. Анастасевичу.

Харьковъ (26-го декабря 1814 года).

Почтенный и любезнѣйшій Василій Григоріевичъ! Не вините насъ одичавшихъ деревенскихъ жителей. Мы отвлечены были родомъ нашихъ упражненій отъ письма, рѣдко находимъ въ себѣ расположеніе приняться за перо. Между тѣмъ во извиненіе свое скажу и то, что грудная болѣзнь, которая доброе себѣ основаніе получила въ Петербургѣ, усиливаясь, то лѣжится заставляя, то ѣздить изъ дому для движенія, то напоследокъ иногда и не возможными, или по крайней мѣрѣ тягостными дѣлаетъ присѣсты. Я теперь на многія, (вѣрте всегда пріятнѣйшія) ваши письма буду отвѣчать однимъ разомъ. Донесу вамъ, что переводъ вашъ о правѣ природномъ, я получилъ въ свое время отъ г-на Ванновскаго исправно. Я былъ тогда боленъ, т. е. болѣе нынѣшняго. У друга нашего здѣшняго губернатора, умеръ старшій сынъ юноша лѣтъ 18-ти общавшій много для отчества, и къ увеличенію прискорбія моего бывшій у меня на рукахъ съ 807-го года. Слѣдовательно ставшій такъ сказать и моимъ ближнимъ. Я долженъ былъ, успокоя сколько-нибудь родителей, ѣхать и самъ съ семействомъ въ Сорочинцы, мѣстопробываніе старѣйшины врачей нашего полуденнаго края, г-на Трофимовскаго: и сіе сколько для разсѣянія, столько и для испрошенія отъ него въ колеблющемся моемъ здоровьи совѣта. Вотъ причины для чего я не отвѣчалъ: или лучше сказать потерялъ изъ виду обязанность отвѣчать до полученія уже послѣдняго письма вашего отъ 1-го ноября. Донесу вамъ, что въ экземплярахъ (не знаю во всѣхъ ли чрезъ мои руки въ Украину шедшихъ, но по крайней мѣрѣ во многихъ) прир. права въ 3-й части не достаётъ, съ 12-й страницы начиная, цѣлой тетради. Извольте вы справиться у переплетчика, и снабдите насъ. Донесу еще, что по послѣднему въ Успенскую здѣсь ярмонку счету моему съ здѣшнимъ книгопродавцомъ, я отъ него получилъ книгами, и слѣдовательно въ вашу пользу за мной считаю за десять экземпляровъ одного изъ прежнихъ трудовъ вашихъ, ко мнѣ присланныхъ и ему книгопродавцу данныхъ. Я думаю Сафъ? Не имѣя теперь предъ глазами подлиннаго щета, не могу сказать навѣрное. При первомъ письмѣ я доставляю сіи деньги, можетъ быть и еще какіе по сношенію съ упомянутымъ книгопродавцемъ въ наступающую Крещенскую ярмонку. О дороговизнѣ вашей С.-Петербургской скорбимъ: но мы ея здѣсь отъ части съ вами раздѣляемъ; особенно-жъ въ томъ что принадлежить до иностранныхъ товаровъ, и до хлѣба, который здѣсь въ прошломъ 1809 году чрезвычайно плохо родился.

Письмо длится; и я съ удовольствіемъ беру другой листочекъ; скажите при случаѣ пристойному благодѣтельному вашему и моему князю Адаму Адамовичу мое глубочайшее почтеніе; и донесите ему, что я скоро (если только здоровье позволитъ мнѣ) доставлю ему въ числѣ двухъ или трехъ вельможей, которыхъ я душевно—почитаю, экземпляръ моихъ опытовъ по примѣру извѣстныхъ Essays графа Румфорда писанныхъ. Скажите ему, что онъ и не министромъ бывши глубоко уважается въ нашемъ краю. Онъ конечно изъ числа тѣхъ, у которыхъ политическое, затмѣніе стольже мало отнимаетъ истиннаго бытія, какъ и смерть. Къ статѣ сказать, ибо легко забудется. Онъ я думаю еще не знаетъ, что у меня съ 1804-го году для него заготовленъ прекрасный мраморный памятникъ свидѣтельство благодарности нашего дворянства за содѣйствіе къ основанію у насъ университета. Я имѣлъ тогда намѣреніе вдѣлать етоѣ барельефъ въ стѣну нашей соборной церкви. Но съ тѣхъ поръ не оставляю еще надежды при одномъ изъ дворянскихъ собраній преклонить нашу братію на ето теперь, когда онъ не при дворѣ ни при мѣстѣ, конечно благороднѣйшее для сего, время. Къ статѣ объ университетѣ нашемъ; вы удивитесь неблагодарности ко мнѣ етаго сословія. До нынѣ не разсудили они внести меня въ число почетныхъ своихъ членовъ. Я не говорю о частной неблагодарности г-дъ профессоровъ (вы знаете происшествія, которыя меня ото всего удалили) она отъ части вамъ извѣстна. Я говорю только, но Ей Богу! не чувствую. Какъ мѣлко все подобное тому, у котораго грудь болитъ: смерть и все приготавливающее къ ней имѣетъ то дѣйствіе надъ страстями нашими, какое усыпительное лѣкарство надъ тѣломъ. Я благодарю Бога за нынѣшнее мое состояніе, чѣмъ оно ни кончится, но оно много добра мнѣ здѣлало. Въ прочемъ не думайте, что я въ самомъ дѣлѣ отчаевался въ моей жизни, теперь когда сіе пишу, я почти здоровъ и даже готовъ выѣхать изъ дому обѣдать. Но надобно быть ко всѣму готову, въ нынѣшнемъ состояніи искреннѣе и равнодушнѣе, нежели въ здоровомъ. Мои домашніе, т. е. добрая моя жена и дѣти, теперь рѣзвящіеся около меня здоровы. Александра Васильевна васъ съ искреннимъ удовольствіемъ вспоминаетъ. Мы на зиму именно же до 1-го марта переѣхали въ Харьковъ, куда и прошу васъ надписать вашъ отвѣтъ, если обстоятельства позволятъ вамъ отвѣчать въ сіе время. А тамъ адресъ мой Богодуховъ, гдѣ я всегда вѣрно получаю мои письма, хотя не всегда бываю правъ предъ моими корреспондентами. Въ Вильну я до нынѣ еще не писалъ можетъ быть и отъ лѣни: но вѣроятно болѣе отъ разсѣянія. Время течетъ для меня быстро, предоставляю вамъ и Его Сіятельству хлопотать или не хлопотать о моемъ членствѣ. Большою честью себя сочту, мун-

диръ, какъ теперь припасы къ нему ни дороги, сошью и празднымъ членомъ не буду. Въ прочемъ все предоставляю времени, какъ и себя самого вашъ вѣрный В. Каразинъ.

Р. С. Съ Новымъ годомъ васъ отъ всей души поздравляю.

В. Г. Анастасевичу.

(21-го марта 1815 года).

Пишу въ постелѣ, любезнѣйшій Василій Григоріевичъ! и потому совершенно безъ всякой перемони буду отвѣчать на письмо ваше. Сообщенныя вами мнѣ мысли на бумагѣ, останутся мнѣ одному извѣстны: въ томъ васъ увѣряю всѣмъ, что есть свято! Но для чего нужно, чтобъ я имѣлъ и дополненіе къ тому, что уже вы мнѣ дали: дополненіе конечное въ тѣхъ началахъ точно, которыя вы мнѣ объясняли на словахъ, безъ малѣйшей перемѣны. А это вотъ на какой конецъ: я хочу убѣдить васъ въ той великой для меня самого истинѣ, что дабы созидать планъ государственныхъ перемѣнъ, мало еще доброй воли и порядочнаго умозрѣнія, а надобно многое видѣть на самомъ дѣлѣ, надобно самому, на себѣ такъ сказать искутиться.

„L'homme est un, je l'avoue, mais l'homme modifie par les religions, par les gouvernemens, par les lois, par les coutumes, par les préjugés, par les climats, devient si différent de lui même, qu'il ne faut plus chercher parmi nous ce qui est bon aux hommes en général, mais ce qui leur est bon dans tel tems ou dans un tel pays“.

Вотъ собственныя слова первѣйшаго изъ демократическихъ учителей, Руссо! въ письмѣ его къ д'Аламберту вы отыщете ихъ. Любя и почитая васъ искренно, желая вамъ успѣховъ и добра, я хочу убѣдить васъ (и вотъ на какой конецъ единственно, безъ возраженій васъ выслушивалъ) что произведеніе въ дѣйство вашего предположенія произвело бы (при всей возможности и при особливомъ покровѣ Божіи!) такое замѣшательство въ частномъ и государственномъ домоводствѣ, которое ничѣмъ бы уже поправить нельзя было. Напишите-ка все; но все! безъ отгѣны: и я съ вами поговорю. Только чуръ слушать! За книги покорнѣйше благодарю. Я ихъ не читалъ. Всего и хорошаго читать не возможно, такъ какъ нельзя быть знакому со всѣми хорошими людьми.

Письмо къ графу А. А. Аракчееву.

С-Петербургъ (12-го апрѣля 1815 года).

*Сіяте́льнѣйшій графъ,
милостивый государь!*

По благосклоннѣйшему позволенію, которое я получилъ отъ вашего Сіятельства утруждать васъ иногда, яко члена Филотехническаго общества просьбами о содѣйствіи въ пользу онаго, честь имѣю донести: 1-е, что я представлялся лично его сіятельству, господину управляющему военнымъ министерствомъ по поводу отзыва его (отъ 4-го августа прошедшаго 1814-го года) о сгущенныхъ произведеніяхъ для продовольствія арміи; и милостивый пріемъ сего просвѣщеннаго государственнаго чиновника, равно какъ участіе, которое онъ въ семъ дѣлѣ изволилъ мнѣ изъяснить, не оставляютъ мнѣ уже никакихъ причинъ беспокоить васъ, сіятельнѣйшій графъ, прошеніемъ о особливомъ предствательствѣ. Но второе, какъ общество Филотехническое поручило мнѣ протоколомъ собранія своего 19-го генваря сего года (копію котораго я имѣю честь вамъ поднести) представить и въ морской департаментъ о упомянутыхъ сгущенныхъ произведеніяхъ, поелику онѣ не менѣе выгодно могутъ служить и для снабженія флотовъ, то осмѣливаюсь всепокорнѣйше испрашивать вашего, сіятельнѣйшій графъ, руководства и пособія въ семъ случаѣ. Какъ цѣль моего пріѣзда въ С.-Петербургъ, послѣ важной для меня необходимости пріобрѣсть счастье личнаго знакомства съ вами, есть удостовѣрить оба оные департамента опытами самаго приуготовленія сгущенныхъ произведеній, въ его удобности, и слѣдовательно въ несомнительной возможности продовольствовать заграничныя арміи и флотъ, или, по крайней мѣрѣ, въ весьма значительной степени содѣйствовать къ продовольствію ихъ симъ образомъ изъ нѣдръ плодороднаго нашего Отечества. Коль скоро оный и приглашеніе къ нему будутъ обнародованы, то я желалъ бы, чтобъ таковые опыты произведены были совмѣстно, при надзорѣ ученыхъ мужей, заслуживающихъ полное довѣріе обоихъ департаментовъ военнаго и морскихъ силъ.

Въ томъ, что мое желаніе и самая идея о семъ дѣлѣ не принадлежитъ къ числу проэктовъ, затрудняющихъ токмо правительство, какъ нѣкоторый доводъ подношу у сего свидѣтельство, полученное мною въ Москвѣ въ прошедшемъ году, прежде нежели отважился я отнестись къ вамъ, сіятельнѣйшій графъ, въ чужіе края. Да будетъ оно нѣкоторымъ

оправданіемъ смѣлости моей просьбы о рѣшительномъ, патріотическомъ вашемъ содѣйствіи!

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ, совершеннѣйшими преданностію и довѣренностію, вашего сіятельства, всепокорнѣйшій слуга Василій Каразинъ, правитель дѣлъ Филотехническаго общества.

Князю Н. И. Салтыкову.

(мая 1815 года).

„Адресъ-календарь,—едва занимавшій при Екатеринѣ II 200 страницъ, наполняетъ теперь 700 слишкомъ, безъ включенія губернскихъ чиновниковъ, и то многіе еще не помѣщены въ ономъ. Сколько людей праздныхъ, бесполезныхъ, умножающихъ только дороговизну въ столицѣ! Не только молодые шалуны, рыщущіе по бульварамъ, но дѣти, учащіяся въ школахъ, внесены въ канцелярскіе списки и получаютъ жалованье. Можно смѣло сказать, что двѣ-трети служащихъ совсѣмъ не несутъ службы“.

Письмо къ графу А. А. Аракчееву.

(18-го іюня 1815 года).

Сіятельнѣйшій графъ,

милостивый государь!

И нѣсколько разъ былъ у вашего Сіятельства, чтобъ имѣть честь лично пригласить васъ въ устроенный вами комитетъ на завтрашній день. Завтра т. е. 19-го числа въ шестое наше собраніе будетъ довольно любопытный опытъ. Солдаты и матросы приглашаются къ обѣденному столу; и имѣютъ быть накормлены и напоены такъ, какъ Филотехническое общество предполагаетъ кормить ихъ за границею или на морѣ. Удостоите, милостивый государь! взглянуть на это сами. Осчастливьте сямъ вашего почитателя, которой кромѣ пользы Отечества желаетъ пріобрѣсти и доброе мнѣніе ваше. Кромѣ членовъ никого я не приглашалъ. Въ десять часовъ утра мы соберемся: но солдатской обѣды не будетъ, я думаю готовъ не прежде двѣнадцатаго часа.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ вашего Сіятельства, всепокорнѣйшій и преданнѣйшій слуга В. Каразинъ.

Р. С. Собрание Комитета въ квартирѣ моей, Кабинетской улицы за Владимірской церковью, въ домѣ Сладковского, Московской части, третьяго квартала № 343.

Харьковскому Губернскому предвод. дворянства
Андрею Федоровичу Квиткѣ.

(25-го марта 1816 года).

„Милостивый Государь

Андрей Федоровичъ!

По извѣстному вамъ моему уваженію, и къ личнымъ вашимъ достоинствамъ и къ званію, которое вы носите, долгомъ почитаю поспѣшить сообщить вамъ о маленькомъ дополненіи, которое я, въ деревнѣ и больной, отважился сдѣлать къ Харьковскимъ операціямъ послѣдняго дворянскаго съѣзда. Вы здѣсь на оборотѣ найдете надпись, которую я учинилъ на повѣсткѣ вопросной: есть-ли у кого изъ дворянъ въ продажу провіантъ или фуражъ?“ Обдумавши весь вечеръ и послѣдовавшую за нимъ ночь сіе дѣло, я рѣшился выполнить на себѣ слова Каіафы, сказанныя въ одномъ мѣстѣ Евангелія ¹⁾. Воля ваша! Когда я вообразу, сколько разъ мы безвинно подпадали негодованію Монаршему, то за покойниковъ Хорватовъ и Альховскихъ, то за пасквили, то въ ужасъ прихожу, что сей разъ обвинять насъ нѣкоторымъ образомъ справедливо. Надобно кому нибудь отважиться сказать всю правду: иначе, общее такое упорство войти въ намѣренія Государя, покажется Богъ вѣсть чемъ! Неужели серьезно мы полагаемъ увѣрить Его въ томъ, что у насъ нѣтъ ни провіанта ни фуража въ продажѣ? Губернія наша не въ числѣ невѣдомыхъ странъ земнаго шара. Саранчи и другихъ особливыхъ золъ природы не было въ прошедшемъ году: и это знаютъ...

Откровенно скажите мнѣ, почтеннѣйшій Андрей Федоровичъ! какъ вы о моей надписи думаете, и поддержите ли ея смыслъ, хотя приватно? (ибо и я не вижу нужды въ томъ чтобы вы завели ссору съ Господами А., или В., или С. и такъ далѣе). На всякій случай я заготовлю бумагу, гдѣ фигурировать будутъ и Харьковскія и Ахтырскія лошади и овесъ Калужской.

¹⁾ Отъ Іоанна, Глава XI, стихъ 50-й.

Вы помните, что у меня съ 1813-го году еще запасъ есть, печатной, пущенной при газетахъ во всю Имперію, котораго экземпляръ, во время оно посланъ былъ и въ собственныя руки графа Алексѣя Андреевича (я разумѣю отчетъ мой, въ которомъ безъ околичностей выведено, что четверть сухарей обошлась доставителямъ до двухъ сотъ рублей). А какъ помочь этому? „пускай спросятъ васъ или меня, или всякаго изъ благомыслящихъ людей, вѣдущихъ свое Отечество“.

Съ симъ человѣкомъ, вѣрнѣйшимъ изъ моихъ сельскихъ воспитанниковъ, ожидаю вашего отвѣта; и съсьмъ.

Письмо къ графу А. А. Аракчееву.

(14-го іюня 1816 года).

*Сіятельнѣйшій графъ
милостивый государь*

Примите подносимую у сего копію донесенія оканчивающаго известное вамъ дѣло, съ тою же благосклонностію, съ каковою ваше сіятельство участвовали въ его началѣ, и съ каковою (увѣренъ я) вы будете участвовать въ его послѣдствіяхъ.

Въ пріятной надеждѣ видѣть еще васъ, здѣсь въ С.-Петербургѣ, или въ уединеніи вашемъ, которое я непремѣнно посѣщу при возвращеніи моемъ домой, я не распространяюсь болѣе. Скажу только, милостивый государь, что вы приобрѣли себѣ на вѣкъ сердце, умѣющее чувствовать ваши достоинства.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и такою же благодарностію вашего сіятельства, всепокорнѣйшій и преданнѣйшій слуга
Василій Каразинъ.

Письмо къ графу А. А. Аракчееву.

(16-го іюня 1816 года).

Анекдотъ, къ Исторіи судопроизводства въ Губерніяхъ.

Примѣчаніе. Дабы ваше Сіятельство не затруднить справками изъ отдаленныхъ мѣстъ, вмѣсто описанія, предпочелъ я помѣстить здѣсь выписку изъ подлиннаго прошенія къ Министру Юстиціи, адресованнаго 27-го Октября 1815-го года. Каждая зна-

чительная статья сего прошенія была засвидѣтельствована документами, которые означены въ прошеніи и въ сей выпискѣ лите-рами А, В, С. и такъ далѣе. Всѣ сіи бумаги находятся въ Департаментѣ Министра, а проситель, доведенный до крайности, уѣхалъ по совѣту моему въ первыхъ числахъ апрѣля мѣсяца сего году въ С.-Петербургъ, съ тѣмъ чтобы представится вашему Сіятельству. Онъ есть помѣщикъ здѣшней Губерніи, и одного со мною уѣзда, поручикъ Графъ Егоръ Подгоричани—Петровичъ.

„Всепокорнѣйшее мое прошеніе въ дѣлѣ, которое долгомъ я почелъ засвидѣтельствовать приложеніями, состоитъ въ слѣдующемъ: Дѣдъ мой по матери умершій 6-го марта 1814-го году надворный совѣтникъ Иванъ Куликовскій, помѣщикъ Слободско-Украинской Губерніи Богодуховскаго уѣзда, не имѣя дѣтей, и любя меня съ младенческихъ лѣтъ, завѣщаль мнѣ все свое движимое и недвижимое имѣніе надлежащимъ актомъ, который на основаніи законовъ утвержденъ за годъ и восемь мѣсяцевъ до его кончины (А.) Къ нещастію моему сія кончина послѣдовала въ мое отсутствіе за четыреста верстъ, въ Херсонскую Губернію, гдѣ я имѣю другое небольшое имѣніе. Симъ воспользовались люди неблагомыслящіе. Огставной Федоръ Павловъ (бывшій въ то время уѣзднымъ судьей, а нынѣ предводитель дворянства!) сдѣлавши прежде надъ дѣдомъ моимъ безуспѣшную попытку оклеветать меня, и лишить всего наслѣдства, пріѣхалъ къ нему по увѣдомленію подкупленныхъ имъ дворовыхъ людей въ то время, когда онъ лишился уже языка и чувствъ (В.) ¹⁾. Самопроизвольно, не бывъ прежде болѣе одного разу у моего дѣда, съ которымъ онъ едва былъ знакомъ, вступилъ онъ въ распоряженіе домомъ, и овладѣлъ деньгами и бумагами. Потомъ, составивъ лживую духовную запись (С), далъ знать земскому суду о умертвіи покойнаго ²⁾. Въ сей

¹⁾ Документъ сей (В) есть офиціальныи рапортъ чиновника земскаго суда, который случайно былъ отряженъ къ Куликовскому для вопрошенія его по особому дѣлу. Изъ оного видно, что уже 3-го марта Куликовскій былъ безовсякихъ чувствъ, а духовная въ пользу Павлова писана 6-го марта. Партикулярныя письма отъ людей посѣщавшихъ покойнаго за нѣсколько дней до его смерти, тоже доказываютъ.

²⁾ По дѣлу, если-бы оно когда нибудь началось, какъ должно, откроется что Павловъ пріѣхалъ 6-го числа, уже къ умершему, и завершись въ покояхъ писалъ духовную. Суду-же далъ онъ знать 7-го числа.

записи, не отваживаясь уже отнимать у меня все, дабы сохранить некоторой видъ истины, присвоилъ онъ себѣ движимаго имѣнія на „43000“ рублей въ обязательствахъ ¹⁾ сверхъ наличныхъ денегъ, безъ всякаго счету исчезнувшихъ въ то время (о которыхъ я по недостатку доказательствъ долженъ молчать) ²⁾. Запись подписана не дѣдомъ моимъ, но приходскимъ священникомъ, которой, какъ ваше высокопревосходительство изволите увидѣть изъ приложенія подѣ литерою Д, былъ по его простотѣ обманутъ. А писана она однимъ изъ двухъ подписавшихся свидѣтелей, отставнымъ уѣзднымъ приказнымъ порочнаго поведенія. Другой свидѣтель извѣстенъ также въ уѣздѣ по нетрезвой его жизни. Г-нъ уѣздный судья послѣ подвига своего, возвратился въ Богодуховъ, изъ котораго онъ самовольно за 25 верстъ отлучался, и предъявилъ у себя же въ судѣ запись для внесенія въ крѣпостную книгу. Коль скоро мнѣ сдѣлались извѣстны сіи происшествія, то я подаль о нихъ явку по принадлежности въ уѣздный судъ: но оная мнѣ возвращена съ надписью (Г). Послѣ чего оставалось мнѣ только обратиться къ Губернскому Правленію; что и сдѣлалъ я въ іюнѣ мѣсяцѣ 1814-го года. Правленіе препроводило прошеніе мое въ тотъ же уѣздный судъ „для поступленія по законамъ“. Извѣстенъ вашему высокопревосходительству много заключающій смыслъ сего выраженія, болѣе всѣхъ другихъ злоупотребляемаго въ нашемъ Отечествѣ!.. Я доволенъ былъ уже и тѣмъ, что Правленіе устранило г. Павлова отъ присутствія по сему дѣлу. Однако, по прошествіи пяти мѣсяцевъ видя, что уѣздный судъ не сдѣлалъ еще и приступа, что онъ считалъ не нужнымъ спрашивать свидѣтелей, и намѣревался повести дѣло сіе, не слѣдственнымъ, а вотчиннымъ порядкомъ (дабы изъ инстанціи въ инстанцію протянуть оное на столѣтіе); притомъ опасаясь, чтобы священникъ, которой занемогъ, не умеръ, а одинъ изъ свидѣтелей переселяющійся въ другую губернію, не ушелъ изъ виду, принужденъ я былъ

1) Въ числѣ сихъ обязательствъ находится и моя собственная закладная на 30 тыс. рублей. Предваряя всякую тѣнь подозрѣнія, которое рано или поздно могло-бы быть введено противною стороною, я упросилъ Графа Подгоричани-Петровича, чтобы онъ сію самую сумму подарилъ филатехническому обществу. Послѣ чего, я рѣшился воспользоваться исторіею сего дѣла, внеся его въ число моихъ математическихъ такъ сказать доказательствъ, что нынѣшняя наша система Финансовъ и по гражданской части, равно какъ и по военной, раззорительна въ высочайшей степени для частныхъ людей, и пагубна для нравственности народной, не принося казніи никакой пользы.

В. К.

2) Куликовскій продавъ не задолго до кончины своей одну деревню за 200 тыс. слѣшкомъ, не могъ успѣть раздать сихъ денегъ. Наличными Павловъ отдалъ заемскому суду семь тысячъ руб. съ небольшимъ.

В. К.

прибѣгнуть опять съ настоятельною просьбою въ Губернское Правленіе. Оное въ декабрѣ прошлаго (1814-го) года предписало земскому исправнику и уѣздному стряпчему отобрать на мѣстѣ показанія, которыя у сего и приложены (въ копіяхъ) подъ литерами Д. и Е. въ слѣдствіе чего я опять ходатайствовалъ о предписаніи уѣздному суду. Оное послѣдовало. Но судъ, не взирая ни на что, въ сентябрѣ уже настоящаго 1815-го года рапортуетъ, что какъ дѣло имъ начато вотчиннымъ порядкомъ, то онъ и будетъ ожидать новаго разрѣшенія Губернскаго Правленія и пр.^а.

По сему прошенію, Министръ Юстиціи немедленно предписалъ Губернскому Прокурору, требуя отъ него свѣденій. Теперь, въ іюнѣ 1816-го года т. е. по прошествіи полныхъ шести мѣсяцевъ г-нъ Прокуроръ не послалъ еще отвѣта. Между тѣмъ просителя обираютъ; и страшатъ его, (въ доказательство и объясненіе я прилагаю подлинное письмо, которое носитъ на себѣ несомнительную печать истины). Однимъ словомъ присутственныя мѣста, большія и малыя открыто играютъ предъ публикою роли скапновы. Чиновникъ, нарушившій первѣйшіе законы, къ соблазну всѣхъ честныхъ людей пользуется уваженіемъ Губернатора, котораго одно сомнѣніе должно-бы было тотчасъ заставить войти въ разсмотрѣніе дѣла, и по сему учредить свое обращеніе. Но онъ, подшывая бумаги въ Правленіи, въ публикѣ будто бы ничего не вѣдаетъ. Дѣло чистое и малосложное, которое допросомъ участвующихъ, можно-бы рѣшить въ двѣ недѣли, длится уже болѣе двухъ лѣтъ. Графу Подгоричани—Петровичу стоитъ оно около десяти-тысячъ рублей, другой же сторонѣ вѣроятно гораздо болѣе. Казна выиграла на гербовой бумагѣ рублей около двадцати! Это, и нѣкоторое сбереженіе недодачею чиновникамъ, слѣдующаго по званіямъ и трудамъ ихъ содержанія составляетъ всю цѣну, за которую пожертвовано и совѣстію многихъ людей и общественною пристойностію!.. Конечно четвертая или пятая доля издерживаемаго тяжущимися для посрамленія законовъ, достаточно бѣ было для поддержанія ихъ въ уваженіи. И кто-бы изъ тяжущихся дать сей доли не согласился.

Письмо къ Графу А. А. Аракчееву.

(26-го іюня 1816 года), при отправленіи 19-го августа.

Третья бумага, о которой упомянулъ я въ концѣ письма моего, теперь прилагается. Повторяю, Сіятељнѣйшій графъ! то, что сказалъ я уже въ письмѣ, что за каждое слово сказаннаго мною отвѣтствую я головою. Это не бездѣлица! у меня жена и шестеро дѣтей... Кажется стоитъ, чтобъ взглянуть на это прилѣжно. Притомъ, не частной случай тутъ представляется, но только образчикъ того, что вообще дѣлается въ Царствѣ. Не донось, которой слѣдуетъ разыскать: отъ этаго сохрани Богъ!.. И вообще изъ всѣхъ доносовъ и всѣхъ разысканій какъ-бы онѣ строги не были, ничего не выдетъ, если не будетъ переменено основаніе. Противу первѣйшихъ человѣческихъ нуждъ и страстей безсильна всякая власть ¹⁾.

Буде-бы угодно было Его Императорскому Величеству чтобъ я написалъ мои мысли о системѣ финансовъ; я напишу ихъ. Именно: я ихъ только займу изъ большаго соченія: Опытъ безпристрастнаго политическаго обозрѣнія моего Отечества, въ славнѣйшую Его эпоху, которое я на основаніи десятилѣтнихъ примѣчаній и цѣлой библіотеки выправокъ изъ разныхъ мѣстъ, готовлю, не для нынѣшней публики, но единственно для потомства, и... для моего возлюбленнаго Государя, котораго я почитаю довольно великимъ, чтобъ поставить Его съ потомствомъ на ряду. Но чтобъ поднести эту книгу, чтобъ ея даже обработать, мнѣ нужно также приказаніе. Безъ того руки не подымутся.

Всего ближе къ цѣли было-бы, если-бъ я получилъ повелѣніе пріѣхать для личнаго объясненія съ вашимъ Сіятельствомъ по сему важному предмету моего письма. Но въ послѣднемъ случаѣ, надѣюсь на благороднѣйшее сердце ваше, что вы зная мое небогатое состояніе, чрезвычайно уже разстроенное и послѣднюю мою поѣздкою въ С.-Петербургъ, испросите мнѣ съ семействомъ, безъ коего я ѣхать не могу, маленькое пособіе.

Почтеннѣйшій вельможа! дайте ны цѣну человѣку, которой жертвовалъ и жертвуетъ собою теперь, не менѣе тѣхъ, кои несутъ лбы и груди на штурмъ. Опытность удостовѣрила уже васъ конечно, что Россія не богата еще дѣловыми людьми, и что представляющихся отвергать не должно. Не вы-ли изволили обласкать меня? Не вы-ли изъ Парижа сказали въ письмѣ (которое храню я, какъ драгоценность вмѣстѣ съ соб-

¹⁾ Много-ли вышло изъ Кадужскаго сѣдствія 1802-го года, и прочихъ? Тоже будетъ и изъ нынѣшнихъ Тульскаго и Курскаго; повѣрьте!

ственноручными письмами Государя), что вы отдаете справедливость и познаніямъ моимъ, и наипаче трудамъ, цѣль которыхъ безкорыстна и обращена къ единой только пользѣ любезнаго Отечества?

Я пишу теперь къ единственной надеждѣ честныхъ людей въ нашемъ Отеествѣ. Послѣ этого, надобно замолчать... и быть только земледѣльцомъ и филотехникомъ подъ рукою вашею. Это и будетъ моимъ утѣшеніемъ! Вашъ вѣрнѣйшій почитатель и слуга на вѣкъ:

Василій Каразинъ.

Корреспонденція изъ сел. Кручика.

(24-го апрѣля 1817 года).

Въ слѣдствіе достовѣрныхъ извѣстій почтеннѣйшій помѣщикъ Богдоховскаго уѣзда господинъ тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ Захаръ Яковлевичъ Карнѣевъ, Всемиловѣйше опредѣленъ попечителемъ Харьковскаго университета и его учебнаго округа на мѣсто уволеннаго отъ сей должности графа Северина Осиповича Потоцкаго. Кто, имѣя честь знать нашего добродѣтельнаго Патриція, его долготѣнее служеніе отечеству, его достоинства, его просвѣщеніе, истинное просвѣщеніе въ христіанскихъ началахъ, не порадуется сему Монаршему выбору?

В. К.

Издателю Сына Отечества.

(1817 годъ).

Имѣю честь сообщить вамъ нѣчто о томъ самомъ предметѣ, о которомъ вы въ 32 номерѣ 1815 года журнала вашего (по поводу сообщеннаго вамъ донесенія Господину Управлявшему тогда Военнымъ Министерствомъ отъ Комитета, разсматривавшаго предположенія Филотехническаго Общества о продовольствіи арміи и флота и пр.) отозвались столь лестнымъ образомъ. По обыкновенному моему развлеченію, я бы можетъ быть сего не сдѣлалъ, еслибъ не былъ возбужденъ извѣстіемъ, напечатаннымъ въ № 232 Русскаго Инвалида нынѣшняго года и тою привязанностію къ Россійскимъ трудникамъ на поприщѣ наукъ, которую вы обнаружили въ №№ 17, 25, 34, 38 и 39 нынѣшняго же года.

Имена Кулибиныхъ, Старовыхъ, Власовыхъ, Калашниковыхъ и Кукиныхъ прейдутъ въ потомство, конечно вмѣстѣ съ именами тѣхъ, кто о нихъ сообщалъ своимъ соотечественникамъ.

Предметъ, о коемъ рѣчь идетъ, будетъ въ большей полнотѣ представленъ публикѣ въ Актахъ Филотехническаго Общества, о заготовляемомъ изданіи которыхъ прилагаю у сего и объявленіе, покорнѣйше прося оное напечатать въ вашемъ журналѣ.

Выписка изъ письма къ господину Слободско-Украинскому гражданскому губернатору Василью Гавриловичу Муратову.

(3-ю Ноября 1817 года).

Вашему Превосходительству угодно, чтобъ я изъяснилъ на бумагѣ содержаніе послѣдняго нашего разговора, т. е. мысли мои касательно атмосферной электрической силы и Метеорологіи вообще. Исполняю желаніе ваше съ истиннымъ удовольствіемъ.

Продолжая въ 1809 году и далѣе мои, извѣстные предмѣстнику вашему, испытанія средствъ облегчить произведеніе селитры, которой умноженіе въ государствѣ было тогда не послѣднимъ предметомъ, я уклонился совсѣмъ отъ обыкновеннаго производства, употребительнаго у насъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ, то есть отъ составленія буртъ или стѣнъ селитряныхъ, въ которыхъ селитряная кислота образуется вліяніемъ атмосферы въ продолженіе нарочитаго времени, а искалъ произвести сію кислоту, или по крайней мѣрѣ, такъ называемый химиками селитряный газъ (*Gaz nitreux*) посредствомъ электрическихъ искръ. Руководствомъ къ сему были для меня опыты Пристлея и Лавоазье, учиненные ими лѣтъ почти за сорокъ, но какъ будто забытые и неимѣвшіе никакихъ послѣдствій для Технологіи. Сии великіе учителя нынѣшнихъ химиковъ также и Г. Квиндайтъ (*Cavendish*) пропускали электрическія искры свѣзъ смѣшеніе двухъ газовъ, составляющихъ нашу атмосферу (*Gaz azigène, gaz asote*) и получали селитряной газъ. Но количество оного было всегда малозначительно и произведеніе его трудно. Я (по причинамъ, которыя здѣсь излагать было бы излишествомъ) для большаго успѣха въ семъ дѣлѣ, вмѣсто атмосфернаго воздуха или составныхъ его частей въ разныхъ пропорціяхъ, вздумалъ употребить пары, отдѣляющіеся отъ гнилой винокуренной барды, и увидѣлъ, что оныя отъ пропущенія электрическихъ искръ обращались по большой

части въ селитрянную кислоту, такъ что холстина, смоченная щелокомъ и свѣщенная въ кадку, служившую для опыта, мгновенно покрывалась мѣлкими кристаллами чистой селитры. Когда я сталъ размышлять, какимъ бы образомъ сіе открытіе (по изобилію въ Россіи барды, которой большая часть пропадаетъ безполезно) приспособить къ производству въ большихъ мѣрахъ, и искалъ идею о устройствѣ электрическихъ машинъ, долженствовавшихъ быть необъятной величины, замѣнить другою, то вспомнилъ важное примѣчаніе перваго изъ нынѣшнихъ Естествоиспытателей Гумбольда: „Поднимаясь на верхи Андовъ, говоритъ онъ, усматриваешь, что электрическая сила въ воздухѣ въ той же мѣрѣ прибываетъ, какъ теплота и влажность уменьшаются“. Вспомнилъ тогда же и опыты Г. Рома (Romas) сдѣланные еще въ 1752 году, привлекающія изъ облакъ электрическую силу посредствомъ бумажнаго змѣя, пущеннаго на снурѣ ¹⁾. Стеченіе сихъ мыслей привело меня на предположеніе, что употребивъ вмѣсто сей ребяческой игрушки (змѣя) яко средства слабаго, да и недостаточнаго, по причинѣ надобности въ вѣтрѣ, большіе воздушные шары, въ приличныхъ мѣстахъ убранные фольгою и удерживаемые на шнурахъ, металлическою проволокою обвитыхъ, можно во всякое время извлекать изъ верхнихъ слоевъ атмосферы электрическую силу въ чрезвычайномъ количествѣ. Сего послѣдняго опыта я не дѣлалъ по недостатку способовъ: малое мое состояніе не позволяетъ мнѣ предпринять столь значительной издержки. Но конечно никто изъ физиковъ не усомнится въ успѣхѣ, еслибъ когда нибудь Правительству или богатому какому частному человѣку разсудилось соорудить таковыя шары съ принадлежащимъ къ нимъ приборомъ. Если бумажные змѣи Рома и Франклина, имѣвшіе не болѣе 18 квадратныхъ футовъ плоскости и поднятые вѣтромъ не выше девяности Россійскихъ сажени, давали искры ужасной величины, которыхъ трескъ, близкой къ грому, былъ слышенъ на великомъ разстояніи, то чего должно ожидать отъ Аэростата, котораго поверхность можетъ быть больше тысячи и двухъ тысячъ квадратныхъ футовъ, плавающего на высотѣ двухъ тысячъ сажени въ родимой, такъ сказать, области электрическаго вещества. Польза отъ важныхъ и блистательныхъ сихъ для наукъ опытовъ, не ограничилась бы моимъ селитровареніемъ. Это наименьшая польза!... Приобрѣтется новое орудіе, которымъ человѣкъ до нынѣ еще не владелъ. Вода, воздухъ, огонь, мышцы животныхъ, тяжесть всѣхъ тѣлъ и упругость нѣкоторыхъ, суть до сихъ поръ тѣ шесть силъ, которыми управляя, мы дѣйствуемъ въ нашихъ машинахъ. Посредствомъ присое-

¹⁾ De l'électricité des météores par Bertholon. Paris 1787. Tome I. p. 34. &

нія огромнѣйшей массы электричества, скрытаго особливо въ верхнихъ слояхъ атмосферы, прибудетъ седьмая сила, могуществомъ едва ли не превосходящая всѣ прочія. Человѣкъ, вооруженный ею, станетъ производить если не всѣ, то по крайней мѣрѣ великую часть тѣхъ чудесъ, которыя до сихъ поръ природа предоставляетъ себѣ одной.

— Напримѣръ: свѣтъ есть главнѣйшею причиною цвѣтовъ, запаховъ, пряности и сладости соковъ растѣній, производимыхъ теплыми странами. Я изыскалъ еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1814 года (въ письмѣ, писанномъ въ Парижѣ, одному почтенному нашему вельможѣ, который можетъ сіе засвидѣтельствовать) самое то, что теперь подтверждается опытомъ, общародованнымъ въ Октябрѣ нынѣшняго году въ № 232-мъ Русскаго Инвалида; именно, что вещество свѣта входитъ въ составъ электрической силы, и что искуснымъ приспособленіемъ сей силы мы можемъ производить свѣтъ, изливаемый природою въ солнечныхъ лучахъ. Слѣдовательно посредствомъ электричества и искусственной теплоты мы можемъ замѣнять климатъ странъ тропическихъ, этого мало! Природа изливаетъ солнечный свѣтъ постепенно, и въ продолженіе лишь времени производить имъ удивительныя оныя перемѣны въ цвѣтахъ, запахахъ и вкусахъ. Въ слѣдствіе же моего предположенія, большая часть сихъ перемѣнъ вѣроятнѣе можетъ сдѣлаться въ одно мгновеніе отъ химическаго соединенія свѣта, въ электричествѣ сокрытаго, съ другими составными частями вещества растѣній. Я ни мало не сомнѣваюсь, М. Г., что преобразованіе, напримѣръ, мучныхъ веществъ и меду, въ сахаръ и подобныя тому преобразованія, въ которыхъ отчаялись Химики, сдѣлаются возможными и весьма удобными, притомъ въ самыхъ большихъ количествахъ.

Но я иду еще далѣе. Поелику электричество есть главнѣйшимъ орудіемъ природы для произведенія метеоровъ, то употребивъ предлагаемые мною способы для овладѣнія имъ, не достигнеть ли когда нибудь человѣкъ до возможности располагать, по крайней мѣрѣ на нѣкоторомъ пространствѣ и до нѣкоторой ограниченной степени, состояніемъ атмосферы: т. е. до возможности производить дождь и ведро по своему произволу?... Вы столько просвѣщены, М. Г., что не станете смѣяться надъ симъ чаяніемъ, какъ оное ни дерзко. Когда еще не было кораблей, кто бы не остановился повѣрить, еслибъ сказали ему, что люди пустятся тысячами по хребтамъ валовъ морскихъ, въ домахъ, движимыхъ вѣтрами, не имѣя другихъ путеvodителей, кромѣ звѣздъ и желѣзнаго на булавкѣ навѣшеннаго прутика; что они таковымъ образомъ станутъ переплывать десятки тысячъ верстъ, безошибочно достигая назна-

ченнаго мѣста? Пока не былъ изобрѣтенъ порохъ, кто бы повѣрилъ дѣйствіямъ, которыя онъ производитъ? Не осмѣявъ ли бы былъ и тотъ ученый, который бы въ половинѣ даже XVIII столѣтія сталъ предсказывать, что въ концѣ онаго, люди будутъ очень удобно плавать посреди облаковъ? Примѣните это и къ моему смѣлому предположенію. М. Г. Предѣловъ Наукамъ, особливо же Естестводѣнію никакъ невозможно назначить. Разумъ человѣческій безпрестанно подвигается впередъ не взирая на всѣ препятствія..... И что было бы уже доселѣ, еслибъ люди, хотя половину тѣхъ чрезвычайныхъ способовъ употребляли на усовершенствованіе своихъ познаній, которые они истощаютъ, увы! на удовлетвореніе своихъ часто гибельныхъ для нихъ страстей!.... По крайней мѣрѣ можно лстить себя надеждою, что нѣчто подобное сдѣлается въ нынѣшнемъ мирномъ вѣкѣ, сотворенномъ для Европы нашимъ Великимъ Государемъ. О дай то Богъ!.... и дай Богъ еще, какъ добрый Россіянинъ прибавлю, чтобы сіе произошло именно въ Россіи! Можетъ статься нынѣшнему нашему Отцу Отечества, предоставлено сдѣлать тоже самое въ пользу наукъ, что онъ уже учинилъ для благосостоянія человѣчества по другимъ отношеніямъ.

О мысляхъ моихъ относительно Метеорологіи не стану распространяться: Ваше превосходительство найдете почти все то, что я о семъ предметѣ сказать имѣю, въ приложенномъ у сего разсужденіи моемъ, которое Марта 15 1810 года было читано въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Естество-испытателей, и по единогласному приговору назначено къ доведенію до свѣдѣнія Правительства. Я непосредственно затѣмъ началъ метеорологическія наблюденія, но началъ ихъ одинъ, въ моей деревнѣ. Продолжая оныя до сихъ поръ, я не перестаю желать, чтобы предложенными мною въ то время удобнѣйшими къ произведенію способами, положено было въ отечествѣ нашемъ начало къ повсемѣстнымъ постояннымъ наблюденіямъ. Сіи метеорологическія наблюденія принесутъ конечно величайшую пользу. И Россійскому Правительству будутъ принадлежать и слава и всеобщая благодарность въ той же степени, какъ Россіи принадлежитъ, по ея единственному въ Царствахъ земныхъ пространству, можно сказать, обязанность положить начало сему дѣлу. Описывать подробно все то, что къ нему слѣдуетъ, было бы во зло употреблять ваше вниманіе, М. Г. Только то въ короткихъ словахъ я вамъ донесу, что по совершенной моей глубокой увѣренности, не болѣе двадцати лѣтъ постоянныхъ и другъ другу соотвѣствующихъ въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара наблюденій достаточно, дабы Метеорологію содѣлать Наукою столь же точною, какъ и Астрономія. И

тогда первая, конечно не менѣ послѣдней, бывъ съ нею въ постоянной связи, принесетъ пользы человѣческому роду ¹⁾.

Въ числѣ орудій для наблюденія непременно должны имѣть мѣсто и предполагаемые мною воздушные шары при нѣкоторыхъ однако же немногихъ обсерваторіяхъ и гораздо меньшей мѣры, дабы только опредѣлить, въ какой степени положеніе земли нашей относительно до прочихъ небесныхъ тѣлъ имѣетъ вліяніе на усиленіе или умаленіе электрическаго вещества въ верхнихъ слояхъ атмосферы; ибо сіе вещество, какъ сказалъ я выше, есть главнѣйшимъ орудіемъ, употребляемымъ природою для тѣхъ перемѣнъ погоды, которыя въ точности не зависятъ отъ годового времени, то есть отъ эклиптического положенія земли. Повторяю и оканчиваю симъ повтореніемъ, что Россіи по вѣсѣмъ причинамъ принадлежитъ сдѣлать сей важный шагъ въ пользу Наукъ; и имъ непосредственно поравняться съ подвигами прочихъ народовъ на пути просвѣщенія.

Письмо къ графу А. А. Аракчееву.

Село Крутикъ (25-го декабря 1817 года).

Совѣсть мучить меня безъ пощаты за васъ, мой почтенный и любезнѣйшій Василій Григоріевичъ! Не имѣю покою ни днемъ, ни ночью: Богъ вамъ въ томъ свидѣтель! Какимъ ето образомъ дѣлается, что я къ вамъ не пишу, не могу не только вамъ, самому себѣ отдать въ томъ отчета. Правда, что я вообще чрезвычайно лѣнивъ. Истинные друзья мои и тамъ и сямъ въ пространной Россіи писали ко мнѣ, писали, да и перестали. Ваше только ангельское терпѣніе и снисхожденіе не имѣетъ предѣловъ. Часто Александра Василювна вамъ въ томъ свидѣтель, я при полученіи письма вашего со стыдомъ и почти со слезами говорю, долго-ли етотъ доброй человѣкъ будетъ меня любить?.. Стою-ли я этого?..

¹⁾ «Une science, qui guiderait l'agriculture dans ses bienfaisants travaux, qui préviendrait bien de mauvaises récoltes. une science dont le commerce, la navigation et la tactique peuvent tirer le plus grand parti dans leurs opérations, une science enfin, qui mettrait les Gouvernemens à même de prévenir la disette, ou du moins à obvier en tous cas qu'elle ne dégénère en famine, une telle science, si jamais la météorologie obtiens ce nom, est au dessus d'un éloge étendu et détaillé... Memoire lû à la Société Impériale des Naturalistes de Moscou dans la séance du 15 Mars 1810. Сказавъ, что и двадцати лѣтъ наблюденій достаточно и проч. имѣлъ я въ мысляхъ сладкую увѣренность, что сіе конечно можетъ совершиться въ царствованіе нашего Августѣйшаго Государя.

В. К.

Мнѣ кажется, по мѣрѣ умноженія моей вины, за перо мнѣ принимается труднѣе и я теперь началъ писать, можно сказать зазжмуривши глаза. Простите меня добрый любезнѣйшій Василій Григоріевичъ! я буду продолжать не говоря уже болѣе о моей винѣ, дабы не умножать моего замѣшательства. Его можетъ быть одно средство возобновить и продолжать дружескія наши сношенія. Поздравляю васъ отъ всего, всегда преданнаго вамъ сердца, нынѣшнимъ праздникомъ и Новымъ Годомъ, въ которомъ застанетъ васъ мое письмо. Ваше послѣднее (отъ 4-го сего мѣсяца) получилъ я на сихъ дняхъ. Благодарю васъ и тысячекратно благодарю за него и за всѣ прежнія, вѣрите, что я знаю ихъ цѣнить равно какъ и непоколебимую пріязнь вашу. И какъ я вѣрю, что добрыя дѣла вообще не остаются безъ награжденія, то и о чувствахъ вашихъ ко мнѣ думаю, что провидѣніе употребитъ меня когда-нибудь на воздаянія за нихъ. Ежели вы помѣстили старинный анекдотъ о нищихъ, о которомъ писали ко мнѣ отъ 25-го октября, въ журналѣ челоуѣколюбиваго общества, то помѣстите и новой, которой у сего прилагаю. Я за подлинность его ручаюсь, и вы можете смѣло въ случаѣ нужды на меня сослаться. Въ примѣчаніи можете сказать, что получили его изъ Слободско-Украинской губерніи, хотя впрочемъ не знаете, проектъ ли его только или уже состоявшаяся и до правительства доведеная бумага. Что принадлежитъ до работы моей о лѣсахъ, о которой съ одолжительнымъ для меня замѣчаніемъ писалъ къ вамъ преосвященный Евгеній, то это рѣчь, которую я было изготавилъ для произнесенія въ собраніи ф. о. Ей дѣлаю честь четыре періодическія сочиненія, что кажется рѣдко бывать.

Р. В. Марченко.

Москва (11-го февраля 1818 года).

Вашему превосходительству угодно было спросить меня въ послѣднее свиданіе о мнѣніи моемъ, изъ какихъ бы именно особъ состоять *метеорологическому предполагаемому мной комитету*, на случай еслибъ Высочайшей волѣ благоугодно было его учрежденіе? Обдумавши сіе точнѣе, нежели могъ въ минуту моего вамъ отвѣта, донесу вамъ, милостивый государь, и представляю на разсужденіе вамъ доложить о семъ и Его Императорскому Величеству, что избраніе членовъ комитета зависить отъ мѣста, гдѣ оному быть. Въ Москвѣ есть ученые, равно какъ и въ С.-Петербургѣ. Въ пользу же Москвы говоритъ то, что она ближе къ средоточію Имперіи для сношеній. Здѣсь есть отличный профессоръ

химіи, подобно какъ въ С.-Петербургѣ. Но какъ именно *метеорологическія наблюденія* должны составлять предметъ комитета, то очень бы полезно вызвать въ оный изъ Веймара г. *Габерле*, человека отличнаго, который давно уже занимается по сей части, и который, я думаю, за честь поставитъ участвовать въ столь важномъ для наукъ учрежденіи. Его сочиненіе „*Meteorologisch Jahrbuch 1810*“—общаетъ въ немъ для меня самаго приверженнаго и самаго дѣятельнаго сотрудника, какого только желать можно. Такимъ образомъ весьма бы было достаточно въ ономъ комитетѣ насъ трехъ, т. е. меня, г. Габерле и одного изъ профессоровъ химіи, судя потому въ Москвѣ-ли или въ С.-Петербургѣ благоугодно будетъ Государю Императору назначить ему мѣстопробываніе. Большее число особъ произведетъ вмѣсто пользы замѣшательство и останковки, подобно какъ и вездѣ это бываетъ, гдѣ много членовъ.

П. П. Головачеву.

(6-го іюня 1819 года).

*Милостивый государь мой
Петръ Ивановичь!*

Узнавъ о прибытіи вашемъ въ слободу Козацкую, она жъ и Вольное, официально, по поводу пріѣзда въ оную отпавленнаго изъ московской межевой канцеляріи старшаго землемера господина Федорова, обязанностію поставляю сообщить для свѣдѣнія вашего въ подлинникъ и въ засвидѣтельствованной подписаніемъ моимъ копіи, вѣрующее письмо, полученное мною отъ однодворцевъ упомянутой слободы Казацкой. Последнюю благоволите у себя удержать, а подлинникъ мнѣ возвратить. За симъ поручая себя въ доброе ваше расположеніе, честь имѣю быть съ искреннимъ почтеніемъ вашимъ, милостивый государь мой покорнымъ слугою Василій Каразинъ.

1819-го іюня 6-го Вольное, Его Благородію П. П. Головачеву, Ахтырскому г-ну землемѣру.

Собственноручное прошеніе статскаго совѣтника Василя
Каразина въ С.-Петербургскую цензуру.

(29-го октября 1819 года).

Въ журналѣ, издаваемомъ въ Харьковѣ подъ названіемъ „Украинскій Вѣстникъ“, именно въ 5 книжкѣ онаго 1818 г. на стр. 231—242 подъ заглавіемъ „Смѣсь“, напечатанъ былъ присланный отъ меня временный уставъ сельца Анашкина съ деревнями. Находясь нынѣ въ здѣшней столицѣ, желаю я издать сіе неважное сочиненіе особою книжечкою подъ заглавіемъ, съ предисловіемъ и съ примѣчаніями, которыя у сего здѣсь имѣю честь представить цензурѣ, вмѣстѣ съ экземпляромъ вышеупомянутой книжки «Украинскаго Вѣстника» и покорнѣйше испрашиваю на то разрѣшеніе.

В. Г. Анастасевичу.

(15-го февраля 1820 г.).

Предполагая, что вамъ нужно будетъ оставить у себя копію съ письма Стр-го и пр. посылаю къ вамъ для сего скоросписца. Удержите его сколь долго заблагоразсудите. Онъ можетъ остаться у васъ и до глубокой ночи. Это мой бывший камерденеръ и библіотекаръ, которой пріѣхалъ сюда на дняхъ. Онъ теперь совсѣмъ праздень, а вамъ пригодится. Отдѣлавши ваше дѣло, пріуготовляйте къ завтраму библіографію, ибо пора печатать 2-ю книжку журнала.

Вашъ преданнѣйшій *Василій Каразинъ*.

В. Г. Анастасевичу.

(12-го марта 1820 г.).

Прилагаемый экземпляръ отправте пожалуйста къ преосвященнѣйшему. Я вамъ послѣ скажу для чего я самъ не отправляю. Графъ Д. П. сейчасъ у меня былъ и далъ мнѣ къ вамъ прилагаемое. Нельзя-ли во 2-ю книжку успѣть? вамъ стоитъ только взять изъ вашего улья Болѣе недосугъ!

Вашъ преданнѣйшій *Василій Каразинъ*.

Графу В. П. Кочубею.

(27-го марта 1820 г.).

Сіяте́льнѣйшій графъ, Милостивый государь! Ваше сіятельство изволите вспомнить, что за нѣсколько времени предъ симъ поручали вы мнѣ сдѣлать записку о злоупотребленіяхъ при продажѣ людей. Я въ ней упомянулъ нѣкоторые законы, давно уже вышедшіе на сей случай. Не знаю, въ какомъ положеніи теперь сіе дѣло: но долгомъ поставлю донести вамъ, сіятельнѣйшій графъ, что сегодня въ бумагахъ моихъ, нечаянно отыскалъ я, что таковая продажа по одиначкѣ, запрещена была еще Петромъ Великимъ, при которомъ она въ первые вышла въ употребленіе. Именно: въ дополненіяхъ къ дѣяніямъ сего Государя, изданныхъ Голицынымъ, въ томъ XIII, на страницѣ 178-й, подъ числомъ 15-го апрѣля 1721 года сказано слѣдующее: „И сего же числа Великій Государь писалъ паки къ преждеупомянутому оберъ—секретарю (Позднякову), повелѣвая изъяснить Сенату, чтобъ при сочиненіи Уложенія продажу крестьянъ, въ рознь, перестъ“.

Не разсудите-ли ваше Сіятельство изъ сего сдѣлать употребленіе?.. По крайней мѣрѣ простите мнѣ, если я только обезпокоилъ васъ безполезно. Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почитаніемъ и вѣчною преданостію вашего сіятельства, всепокорнѣйшій слуга. *В. Каразинъ.*

На Сергіевской, домъ Висконта.

Графу В. П. Кочубею.

(16-го апрѣля 1820 г.).

Письмо о божественной философіи Дютюа.

*Сіятельнѣйшій графъ,
Милостивый государь!*

Исполняя волю Вашего Сіятельства, я вчера хотѣлъ имѣть честь лично вручить предложеніе г-на Карнѣва, къ коему я приобщилъ и выписку изъ рекомендуемой имъ всѣмъ воспитанникамъ училищъ и вообще всѣмъ упражняющимся въ просвѣщеніи себя и другихъ книги Философіи Божественной. А такъ какъ пробѣгая мою выписку, Ваше Сіятельство, можетъ статься, не повѣрили бы съ строгой сообразности съ книгою, то я приносилъ и сію послѣднюю печатную, въ подлинникѣ. Выписки сдѣлалъ я не болѣе одного листа умышленно, дабы не отяготить Васъ. Но уже сей листъ, сдѣлайте милость, прочтите! Я взялъ

только изъ первыхъ двухъ частей, которыя одиѣ читаль я мѣстами, ибо на прочтеніе всѣхъ шести потребно желѣзное терпѣніе. Неудбно ли взглянуть еще на двѣ прилагаемыя картинки, заимствованныя изъ другой подобной книжки, также рекомендуемой попечителемъ, подъ заглавіемъ: Зеркало внутренняго человѣка, напечатанной здѣсь въ С.-Петербургѣ, въ прошедшемъ году...

Словомъ, мы переселяемся добровольно и всѣми силами въ вѣка самаго мрачнаго суевѣрія и невѣжества. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ это все не можетъ имѣть другого дѣйствія, какъ сдѣлавъ Религію и Правительство смѣшными, умножить вольнодумцевъ и развратныхъ людей. Ради Бога войдите въ это!... Если иначе нельзя обратиться на столь важный предметъ вниманіе Государя, конечно самаго благомыслящаго, самаго усерднаго любителя отечества и общаго добра, то не пожалѣйте меня: представьте мои бумаги, сказавъ только, что онѣ къ Вамъ доставлены вслѣдствіе разговоровъ въ разное время, которыхъ Вы меня удостоили. Прибавьте къ этому слова два, которыя бы показали Его Величеству, что Вы меня дурнымъ человѣкомъ не разумѣете, хотя нѣкогда могли почитать легкомысленнымъ, пылкимъ. За благодареніе и гнѣвъ я иначе не умѣю и никогда не умѣлъ платить Ему, къ которому (со слезами пишу это, графъ!) я душевно привязанъ, какъ жертвуя собою для общаго добра совершенно, безъ всякихъ оглядокъ. Простите!... Въ субботу вѣроятно представлюсь Вашему Сіятельству, пребывая по жизнь съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностью Вашимъ и проч.

16-го апрѣля 1820 года.

Въ семь предложеніи Харьковскому университету г. попечителя З. Я. Карнѣева, разосланномъ (какъ изъ окончанія онаго видно) во всѣ гимназіи округа, повелѣно и прилежнѣйше наблюдать, чтобы всѣ науки имѣли его основаніемъ, какъ первый краеугольный камень. Въ немъ яко вспомогательное средство къ образованію учащагося юношества предлагается сочиненіе подъ названіемъ Божественной Философіи въ шести частяхъ въ осьмую долю листа, переведенное и изданное на собственномъ издѣваніи племянникомъ г-на попечителя Е. В. Карнѣвымъ въ Москвѣ, которое, по словамъ Его Императорскаго Высочества, соразмѣрно понятію учащихся и учащихся, и высокому и посредственному. Чтобы судить о семъ сочиненіи, не употребляя времени сколько онаго нужно на прочтеніе двухъ тысячъ страницъ, по крайней мѣрѣ довольно привести изъ него нѣсколько мѣстъ. Подъ симъ онѣ выписаны съ строжайшею точностію изъ литературы въ literу.

Томъ I-го въ главѣ третьей „О происхожденіи разума?“ и проч., на страницѣ 79-й находится слѣдующее опредѣленіе разума: „Разумъ есть добрый смыслъ человѣка: онъ есть приливъ обыкновенныхъ мыслей въ слѣдствіе того, что передали ему чувства, воспламенившія, возбудившія, приведшія въ движеніе внутреннюю его плодотворность въ отношеніе къ тому, что они ему передали; сія же внутренняя плодотворность есть звѣздная, есть звѣздный духъ или воспламененіе его, то есть свѣтъ, подобный свѣту, освѣщающему звѣзды и дѣлающими ихъ свѣтлыми, свѣтъ освѣщающій тончайшую точку ума“... Послѣ сего, кто не согласится, что такое изложеніе, соразмѣрное понятію учащихся и учащихся, должно замѣнить обыкновенную философію, которую г. попечитель желалъ вовсе уничтожить, называя ее ложною и недостаточною?...

Въ главѣ седьмой о различныхъ родахъ магіи и о притягательныхъ силахъ святыхъ, злыхъ и смѣшныхъ (!!) на стр. 116 опредѣленіе магіи: „Слово магія въ самомъ общемъ своемъ значеніи можетъ принято быть въ добромъ и зломъ смыслѣ. Она есть притягательная сила, пружина, приводящая въ движеніе или сверхъестественную или нижнюю область: сила или власть сокровенная, дѣйствующая или на духовъ или на тѣла и слѣдственно на всѣ“слои воздуха, отъ самаго первоначальнаго, дѣйствующаго съ наибольшею силою, до грубѣйшаго, дѣйствующаго съ наименьшею силою“.... Далѣе на стран. 120-й: „И такъ есть магія божественная, магія ангельская, чистая безъ примѣси магія естественная, магія плотская, и магія единственно дѣвольская; но во второй и въ послѣдней, а равно и въ естественной и плотской магіи, могутъ быть смѣшенія“. Тоже перваго тома во второй книгѣ, въ главѣ 4-й, на стр. 192-й, говоря о истинной нравственности, „Христіанину нужно нѣчто совсѣмъ другое, нежели сія низшая нравственность, нужно таинство Іисуса Христа и сила Его, въ Немъ пресуществившаяся: нуженъ Духъ Его, которой бы измогилъ, распялъ ветхаго человѣка и на развалинахъ его поставилъ бы человѣка новаго, какъ то въ послѣдствіи видно будетъ. Къ достиженію сего что могутъ разсужденія логики, измѣренія математическія или астрономическіе телескопы“?... Авторъ занимается три главы въ семь мѣстѣ, кромѣ другихъ, о злоупотребленіяхъ или опасностяхъ, отъ наукъ происходящихъ. Тѣмъ неменѣе, далѣе, въ главѣ пятой, покушается изяснить, какъ дѣлаются чудеса по крайней мѣрѣ нынѣшнія (о которыхъ мы не знаемъ) помощію наукъ. Вотъ какъ онъ глубокомысленно разсуждаетъ; и чтоже касается до чудесъ, то онъ производитъ не посредствомъ высочайшей, превыспренней и побѣдоносной силы чистаго духа Божія, но посредствомъ невѣроятной силы кореннаго воздуха Эфира. Ибо всякому извѣстно, что чѣмъ болѣе воз-

духъ первоначаленъ, тѣмъ болѣе онъ упругъ и можетъ дѣйствовать и имѣть вліяніе на всѣ нестолько тонкіе и движущіеся слои воздуха, дѣйствуя чрезъ таковое сотрясеніе и на самую физику". (!) См. стр. 305.

Но довольно о сумасбродствѣ сего сочиненія. Скажемъ нѣчто о противности его религіи, исповѣдуемой въ нашемъ отечествѣ. Въ предувѣдомленіи сочинитель онаго швейцарецъ Дютоа (Du tou?) представляется не только святымъ, но праведникомъ, превышающимъ всѣхъ чтимыхъ нашею церковью угодниковъ Божіихъ. Ибо кто изъ нихъ могъ спасти умершихъ уже грѣшниковъ. А сіе ему, сверхъ другихъ чудесъ, о которыхъ издатель повѣствуетъ, приписывается на стр. 12 и 13. Какая то знатная женщина, большая грѣшница, умерла де въ Лозаннѣ. Тѣло ея было вынесено въ церковь. (Отсюда начинаются подлинные слова книги:) „Дю-тоа возымѣлъ непреодолимое желаніе увидѣть усопшую. По настоятельной просьбѣ его, открытъ ему былъ гробъ ея. При возвращеніи на бездыханное тѣло, сердце его возрыдало о томъ состояніи, въ какомъ находилась душа отъ него отлучившаяся. Онъ представилъ себя за нее жертвою, возжелалъ возвратить на себя грѣхи ея и удовлетворить за нее Божіему правосудію. И рука вышняго на немъ отяготѣла. Милосердіе отступило отъ него: онъ вверженъ былъ въ сѣть смертнѣю, въ болѣзнь адovy. Неизобразимое страданіе его продолжалось три дня. Исчезая отъ гнѣва Божія онъ воззвалъ къ Богу живому, къ Богу милосердія, и изведенъ былъ изъ печи горящей, съ утѣшительнымъ удостовѣреніемъ, что страдавшая душа вкусила отъ сладости райскія"... То есть, святой Дю-тоа безъ оцѣнокъ сравненъ съ Иисусомъ Христомъ, которому доселѣ Единому принадлежало страдать за грѣшниковъ и спасти изъ нихъ умершихъ, уже переселенныхъ въ адъ!... Для большого, еще дерзновеннѣйшаго и еще соблазнительнѣйшаго сравненія со Христомъ новаго чудотворца Дю-тоа, рассказывается о его смерти изъ слова въ слово слѣдующее: „Онъ умеръ на крестѣ, окруженный нѣкоторыми изъ своихъ друзей. За два или за три дни до его смерти, онъ намъ сказалъ: Я имѣлъ нѣкоторое удовольствіе пить шоколадъ; за то я умру задохнувшись. Да будетъ воля Божія! Въ самомъ дѣлѣ съ того самаго вечера онъ не могъ уже ничего глотать. Онъ сохранилъ присутствіе духа до конца, бесѣдуя о истинѣ съ одинаковою силою до самой той минуты, когда умеръ. Наконецъ наступилъ его часъ, и онъ, возведши очи къ небу и сказалъ громко: „О любви!“ преклонилъ главу и предалъ духъ... Прошу замѣтить, что образъ предложенія тотъ самый, какъ въ Евангеліи, и что имѣли дерзость употребить тѣ же слова. Вся разность только въ томъ, что Спасителю подносили на крестѣ укусы, съ желчью смѣшанный, а г. Дю-тоа шоколадъ.

Подобное безуміе или лучше сказать бредъ наполняетъ всю книгу, назначенную преимущественно и предпочтительно для наставленія юношества (?). Напр. во второмъ т., на стр. 192—229 преподается о крестѣ, начертанномъ во всей натурѣ. Вотъ нѣсколько строкъ для образца (стр. 197): „Крестъ производитъ истинное добро и метафизическое зло, то есть предѣлы конечнаго существа, фигуру его, связи, качества, размѣры, окружность, способность, цвѣтъ, запахъ, прямыя его движенія, косвенныя направленія, и вообще всѣ феномены, во вселенной являющіеся и исчезающіе, и все сіе совершается чрезъ крестъ, смотря по числамъ и по сдѣленію причинъ и средствъ и т. д... Тутъ можно бы было видѣть, какимъ образомъ на физической матеріи и въ законахъ существъ звѣздныхъ и вещественныхъ начертываются: Святая Дѣва (первородное основаніе существъ), зачатіе—образъ перваго начальнаго зародыша существъ“ и проч. и проч.

В. Г. Анастасевичу.

(10-го мая 1820 года).

Я хотѣлъ было, почтенѣйшій Василій Григоріевичъ! поздравить васъ добрымъ утромъ лично; но остановился на пути и теперь заочно поздравляю. Когда удосужитесь заверните ко мнѣ около 12 часовъ. Но не домой ко мнѣ, а въ мою временную рабочую, у Моисея Григоріевича Ушинскаго, перешедши отъ васъ Аничковъ мостъ, въ домъ № въ верхнемъ этажѣ надъ мебельною лавкою. Но лучше всего вамъ человѣкъ скажетъ. Приходите пожалуйста; ибо дѣло!

Весь вашъ В. Каразинъ.

В. Г. Анастасевичу.

(23-го мая 1820 г.).

Угодно-ли вамъ, любезнѣйшій Василій Григоріевичъ, завтра проѣздится съ нами въ Кронштадтъ? Если рѣшится, то будьте у г-на Берга не позже IX часовъ утра: ибо ровно въ IX отходитъ паровое судно. Но нѣтъ, не лучше-ли чтобъ мы къ вамъ заѣхали? ибо можетъ статься, что благоприятный будетъ вѣтръ и мы на пассажъ—богъ можемъ ѣхать, а обратно уже на пароходъ, дабы испытать оба рода путешествія.

Вашъ преданнѣйшій В. Каразинъ.

Графу В. П. Кочубею.

(24-го іюня 1820 г.)

*Сіятельныйшій графъ,
милостивый іосударь!*

Я имѣлъ честь поднести вашему Сіятельству два листа моей статистической таблицы. Какъ оныхъ остается напечатать еще пять и работа по причинѣ недостатка цыфръ и трудности набора идетъ очень медленно, то я почитаю обязанностію (по нынѣшнимъ обстоятельствамъ) поспѣшить, не ожидая окончанія моего труда представить результатъ онаго, который и составлялъ главнѣйшій его предметъ. Результатъ сей можетъ быть почти столько же вѣренъ, какъ и тотъ, которой бы я извлекъ изъ всѣхъ семи листовъ. До селѣ принято въ соображенія уже сто семнадцать селеній: число достаточное для всякаго статистическаго заключенія, тѣмъ паче, что онѣ представляются не по выбору, или по географическому какому-либо порядку, но по алфавиту. Во первыхъ открывается наибольшая смертность именно въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ большее содержаніе рожденій. Что неоспоримо доказываетъ крайнее невѣденіе нашего народа сохранять здоровье дѣтей и его о семъ небреженіе; слѣдовательно правительству пренадлежитъ обратить на это вниманіе; и умноженіемъ-ли медиковъ, или другими мѣрами содѣйствовать къ сохраненію бѣдныхъ младенцовъ, бесполезно для государства рождаемыхъ, бесполезно изнуряющихъ своихъ матерей въ бременности, въ родахъ и въ продолжительномъ (большою частію) питаніи грудью.

По сравненію съ таблицами Зюсьмилха, составленными имъ изъ росписей Прускихъ владѣній (in der Kür-Markt) не взирая на то, что въ его время полицейская медицина въ Пруссіи была несравненно недостаточнѣе противу нынѣшняго, я нашелъ что у насъ умираетъ младенцовъ до 10-ти лѣтъ, 1685, вмѣсто 1000 умирающихъ въ Пруссіи. Почти семью стами на тысячу болѣе: теперь конечно будетъ цѣлою тысячею на тысячу болѣе. Это ужасно! Далѣе, сравнивая селенія казенныя съ принадлежащими помѣщикамъ, открывается, что изъ шести-десяти послѣднихъ нѣтъ ни одного, которое бы представляло смертность столь чрезвычайную, какъ многія изъ казенныхъ. № 90 заслуживаетъ замѣчаніе правительства и—смѣю полагать, грозное слово отъ него помѣщику майору Познанскому. Изнуренія на конномъ заводѣ есть кажется сему причиною. Но за всѣмъ тѣмъ приращеніе народа примѣчается въ ономъ еще такъ большее противу казенныхъ селеній, №№ 11-го, 38-го, 56-го, и 104-го.

Первое изъ нихъ есть къ сожалѣнію уѣздный городъ и притомъ непослѣдній въ губерніи по населенію, торговлѣ и другимъ обстоятельствамъ (Ахтырка). Въ немъ оказывается даже перевѣсъ умирающихъ, чего нѣтъ у насъ и въ многолюдномъ С.-Петербургѣ! во второмъ смертность такъ велика, что превышаетъ все извѣстное до сихъ поръ статистикамъ о мѣстахъ незараженныхъ въ цѣлой Европѣ; изъ шестнадцати человѣкъ ежегодно умираетъ одинъ!

Наименьшая смертность оказывается въ № 8, которой есть помѣщичье селеніе. Щастливѣйшее содержаніе раждающихся (1:16) оказывается также въ помѣщичьемъ селеніи, № 45, а браковъ (1:57) въ казенномъ, нынѣ военномъ селеніи № 13, которое (до 1817-го года по крайнѣй мѣрѣ) представляетъ примѣръ благоденствія и по другимъ обстоятельствамъ. Въ прочемъ, за исключеніемъ сего селенія и еще двухъ или трехъ, №№ при которыхъ открывается наибольшее приращеніе народа, суть села принадлежаніе помѣщикамъ. „Le pays qui peuplé le plus infailiblement le mieux gouverné—истина, сказанная Руссо, сама собою представляется уму въ семь случаевъ... и я не могу воспретить себѣ повторить здѣсь, то, что я въ 1809-мъ году сказалъ въ письмѣ къ Слободско-Украинскому губернатору, покойному П. П. Бахтину, описывая ему мои сельскія учрежденія. Правительство наше, по свойству своему и по личнымъ качествамъ возлюбленнаго нашего Самодержавца подлинно благотворное, вліяніемъ, каковое оно можетъ имѣть на помѣщиковъ, направленіемъ, каковое въ силахъ дать всѣмъ поступкамъ ихъ, едва-ли не болѣе можетъ сдѣлать для пользы народа руссійскаго нежели освобожденіемъ его тѣмъ или другимъ образомъ изъ мнимой неволи. „И—“ легче вразумить и ввести въ правила не многія тысячи лицъ, болѣе или менѣе приготовленныхъ воспитаніемъ, нежели ввести въ новой политической порядокъ двадцать милліоновъ человѣкъ. „Странно бы было спѣшить сокрушать драгоцѣнное и другимъ незамѣняемое орудіе, прежде нежели испытано его употребленіе рукою искусною. Такое орудіе есть до сихъ поръ власть помѣщиковъ для исполненія державной воли. Уничтоживъ собственно такъ называемое рабство, которое есть злоупотребленіе только, по смыслу законовъ нашихъ, полезно бы оставить наслѣдственную зависимость! Съ сими мыслями, вашему сіятельству уже извѣстными, и слгубочайшимъ почитаніемъ имѣю честь быть всепокорнѣйшимъ слугою

Василій Каразинъ.

В. Г. Анастасевичу.

(Павловскъ 5-го августа 1820 года.)

Кланяюсь вамъ отъ сюда покорнѣйше и усерднѣйше, почтенный Василий Григоріевичъ! вамъ вѣроятно сказывали, что я заходилъ къ вамъ прощаться и жалѣлъ, что не засталъ. Теперь вы имѣете болѣе удобства погулять въ Павловскѣ, буде разсудите сюда проѣздиться. Обѣдъ чай и ночлегъ будутъ у васъ не куплены. Милости просимъ! А искать насъ на Конюшенной улицѣ (т. е. первый на право при въѣздѣ въ заставу) въ домѣ хлѣбника Мейера на углу площади, проѣхавъ сію послѣднюю. Можетъ статься мы и доѣхать сюда случай вамъ доставимъ. Именно, скоро должны мы послать за нашею каретою; а обратно легко можете возвратится по милости услужливыхъ здѣшнихъ питалмейстеровъ, ежедневно отправляющихъ свои коляски въ Петербургъ. Увѣдомте насъ, есть-ли охота? Писать всегда легко можете къ намъ, употребивъ адресъ Гг. придворныхъ здѣшнихъ моихъ знакомыхъ, Федора Павловича Адельунга, или Ивана Павловича Шамбо. Ежедневно отправляется изъ половины Императрицы коляска сюда: стоитъ только отдать въ комнатахъ камерлакею. Увѣдомте: скоро-ли уѣзжаетъ Заріянъ Яковлевичъ¹⁾? Я просилъ бы васъ сказать ему мое почитаніе, пожеланіе счастливаго пути и если онъ что намѣренъ ко мнѣ адресовать пока мы здѣсь въ Павловскѣ, то вручилъ-бы вамъ. Напишите преосвященнѣйшему Евгенію, что по русскому замѣчанію, вчера т. е. 4-го числа должно было ему икнуться, ибо мы съ Федоромъ Павловичемъ, сидя въ библіотекѣ Императрицы вспоминали о немъ, т. е. оба на перехватъ Его хвалили отъ чистѣйшаго сердца. Я обрадовался, что есть и нѣмцы, исполненные къ сему мужу истиннаго почтенія. Простите! ибо боюсь заставить ждать мое письмо г-на Кеппена, которой вамъ оное доставить. Вашъ преданнѣйшій другъ и слуга В. Каразинъ.

Его Высокоблагородію Милостивому Государю моему Василю Григоріевичу Анастасевичу. На большой мѣщанской въ домъ Іолима.

¹⁾ Извѣстный археологъ Доленга-Ходаковский.

В. Г. Анастасевичу.

(14-го августа 1820 года).

Успокойтесь почтеннѣйшій Василій Григоріевич! пропадавшія книги при семъ къ вамъ возвращаются. Онѣ посланы были отъ гр. ко мнѣ въ Петербургъ и наконецъ послѣ свиданія моего здѣсь съ нимъ, сюда выписаны. Все цѣло, даже и вашъ карандашъ, который я въ торопяхъ и при томъ предполагая лично только показать не стертымъ оставилъ во время оно. Приказано камердинеру отнестъ гр. и—конецъ! Надѣюсь скоро съ вами увидится: ибо на будущей недѣли завернемъ въ городъ, посмотрѣть квартиры нашей, поторопить изъ ней жильца и взять нѣсколько теплаго платья, въ которомъ крайнюю надобность начинаемъ чувствовать: ибо здѣшніе дома прозрачны какъ фонари и для теплаго времени только здѣланы. Вообразите если намъ жить по неволѣ до 20 октября! Дворъ уѣзжаетъ дней черезъ двенадцать, прежде въ Петербургъ, а потомъ проводя великаго князя и княгиню съ братцомъ въ Берлинъ, остатокъ осени Императрица изволитъ прожить въ Гатчинѣ. Книжки ваши доставлены. Аделунгъ покорнѣйше васъ благодаритъ, а о исторіографъ ничего сказать не могу, ибо онъ по рюматизму своему (какъ сказала его супруга) лежа въ постелѣ, меня не принялъ. Выпросите мнѣ у А. А. Яковлева извиненіе относительно Revue. Вѣрно она осталась въ Петербургѣ, а другія его книги я при отъѣздѣ велѣлъ отнести; словарь г-ну Лобейку доставлю лично въ сей пріѣздъ съ моею усердною благодарностію. Съ С-мъ Канцлеромъ надѣюсь также увидится. Въ статьѣ вашей, адресованной Гречу, вы, кажется погорячились. Я думаю преосвященный Е. будетъ въ семъ со мною согласенъ. Можно-бы здѣлать этому господину коротенькое напоминаніе только pour le mettre à l'ordre.

Простите—до пріятнаго свиданія. Буду пригонять время такъ, чтобъ у васъ провести вечеръ вторника. Но вы себя не разстраивайте: ибо я на вѣрное ручатся не могу. Только старатся буду увидѣться непременно. Вашъ преданнѣйшій В. Каразинъ.

Р. S. Прилагаемое пожалуйста доставте поскорѣе въ угольный домъ на Невскомъ и Литейной, прошедъ сію послѣднюю у. Надъ меб. магазиномъ въ четвертомъ этажѣ.

В. Г. Анастасевичу.

(27-го августа 1820 года).

Долгомъ поставляю васъ успокоить мой почтенный Василій Григоріевичъ! изъ письма вашего видно, что вы побоялись чтобъ я не взвалилъ на васъ корректуры моихъ таблицъ. Совсѣмъ нѣтъ! Я просилъ васъ только посмотрѣть, чтобъ шестой листъ оныхъ былъ отпечатанъ вѣрно противъ посланной къ вамъ моей послѣдней корректуры. Тамъ кажется немного было поправокъ въ цифрахъ, а главнѣйшее состояло въ примѣчаніяхъ (въ низу). Теперь вѣроятно тотъ шестой листъ отпечатанъ и уже набранъ, или скоро набранъ будетъ послѣдній, седмой. Обремененія моего вамъ я не простираю далѣе, какъ только до покорной просьбы: выправится объ етомъ въ типографіи и, поторопить Г. Грефа (не Греча) просьбой. На все это можете вы употребить моего Степана, которой къ вамъ явится и послѣ долженъ будетъ прислать мнѣ листъ для корректуры. Если онъ не прійдетъ или не приходилъ уже къ вамъ, то пошлите пожалуйста отыскать его у Ивана Антоновича Пупкалова, за Симіоновымъ мостомъ, въ домѣ Гиладшевой, гдѣ у людей можетъ о немъ спросить вашъ человѣкъ. Простите будьте здоровы и веселы! Вашъ преданный почитатель и слуга В. Каразинъ.

Павловскъ.

В. Г. Анастасевичу.

Павловскъ (28-го Августа 1820 года).

Спѣшу отвѣчать на письмо ваше, почтенный и любезнѣйшій Василій Григоріевичъ, полученное мною вчера. Отвѣтъ Грефу у сего прилагаю, а васъ покорнѣйше прошу дружески поторопить г-на Грефа, чтобъ онъ работалъ и присылалъ бы мнѣ отписки седмаго листа для корректуры. Я ужасно скучаю продолженіемъ сего дѣла. Оно многіе мѣсяцы тянется; а пора бы уже писать и результатъ который я умышленно до конца тисненія отложилъ: ибо у меня нѣтъ ничего готового въ мысли; а должна быть извлечена? Чистая математическая истинна предвижу только много любопытнаго и увѣренъ, что какъ преосвященнѣйшій Е., такъ и вы довольны будете симъ первымъ опытомъ статистической Ариѳметикѣ въ Россіи—Nota bene если цензура не изуродуетъ

его. Буде шестой листъ до вставки и справки, о Рападенсидровой отпечатанъ, бѣда не велика; можно помѣстить объ этомъ въ примѣчаніи седьмого, чему уже и былъ примѣръ на первомъ листѣ, ибо какъ ни гляди въ оба, нѣтъ возможности избѣжать оглядокъ въ столь сложной работѣ.

В. Г. Анастасевичу.

(23-го Ноября 1820 года).

Не угодно-ли вамъ почтеннѣйшій Василій Григоріевичъ, у насъ въ пятницу борщу покушать, чтобъ послѣ итти или ѣхать вмѣстѣ на Михайловское собраніе? Я просилъ графа Ст. Обоина, которой радъ конечно будетъ васъ встрѣтить, ибо сказывалъ мнѣ сегодня, что давно съ вами не видался. Между тѣмъ пожайте приплите..... что-то: право забылъ! что-то мнѣ слѣдующее у васъ находится.

Дабы вы видѣли, какія приуготовленія! посылаю при семъ. Вашъ покорнѣйшій В. Каразинъ.

Его Высокоблагородію Василю Григоріевичу Анастасевичу.

В. Г. Анастасевичу.

(25-го іюня 1821 года).

Благодарю васъ, добрый благороднѣйшій Василій Григоріевичъ! за участіе которое вы принимали въ положеніи моего семейства. Довершите ваши одолженія исполнивъ обѣщаніе ваше о доставленіи намъ учителя. Дабы избавить васъ отъ труда сыскивать его, жена моя рѣшила меня настоять о семъ у извѣстнаго пастора Реформатской церкви и содержателя пенсіона, г-на Муральта, который вмѣстѣ съ дѣвицею Каламъ, живущею въ домѣ попечителя Университетскаго Округа г-на Уварова, дали ей слово употребить свой досугъ знакомства на сей предметъ. Побывайте у нихъ, или у одного Муральта (онъ ожидалъ къ себѣ нѣсколькихъ достойныхъ людей по сей части изъ Швейцаріи). Деньги къ нему же мы адресовали: ибо вы сами колебались, найдеть-ли васъ письмо наше въ С.-Петербургѣ. Если сіе случится, то потрудитесь только, какъ русской дѣлечь и какъ законникъ о написаніи контракта, для котораго здѣсь прилагаю условія съ нашей стороны. Потрудитесь ради Бога и

объ отправленіи учителя и увѣдомленіи насъ! Болѣе писать не могу ибо я еще очень слабъ и отъ тяжкаго пути разстроень. Вѣрте, что сердце мое умѣетъ чувствовать и нынѣ, что чувствовало всегда, то есть истинную къ вамъ привязанность и безлестное почтенія. Вашъ преданный слуга В. Каразинъ.

Р. S. Очень хорошо здѣлаете если письмо ваше адресуете прямо на имя достойнаго нашего губернатора, именно, Его Превосходительства Василя Гавриловича Муратова въ Харьковъ для доставкѣ В. Н. Каразину.

В. Г. Анастасевичу.

Село Крутикъ. (26-го августа 1821 года).

И паки здравствуйте почтенный Василий Григоріевичъ! Мы, т. е. я и жена писали къ вамъ отъ сюда, помните въ концѣ іюня мѣсяца. Пора бы уже быть и отвѣту. Его нѣтъ; по чему и считаетъ нужнымъ опять написать, чтобы напомнить и повторить усерднѣйшую просьбу нашу о учителѣ для милыхъ дѣтей. Употребляемъ теперь избранный вами адресъ: дабы еще болѣе быть увѣреннымъ, что получимъ вашъ отвѣтъ. Тысяча рублей назначенная на предметъ сей, въ тоже время была отправлена имя г-на Муральта, извѣстнаго вамъ пенсіона-содержателя и священника протестантскаго. По той причинѣ (что) вы предполагали на время выѣхать изъ Петербурга: к(акъ) ¹⁾ Л. В. сказывала. Но и отъ него нѣтъ отвѣта. Въ прочемъ мы со дня на день ожидаемъ: ибо по взятымъ нами мѣрамъ, нѣтъ ни малѣйшей причины сомнѣваться, чтобъ наши письма не дошли. Къ вамъ препроводили мы условія на русскомъ языкѣ. Слѣдовательно ни за чемъ кажется не можетъ быть остановки, коль скоро вы господинъ Муральтъ и г-жа Каломъ, согласитесь въ вашемъ выборѣ. Ради Бога, одолжите насъ добрый Василий Григоріевичъ! А между тѣмъ поспѣшите къ намъ написать. Увѣдомте насъ и о себѣ, въ которомъ мы привыкли принимать живѣйшее участіе! мы благодаримъ Бога? Да будетъ благодать Господа нашего со всѣми вами, друзья наши Аминь!

Его Высокоблагородію Милостивому Государю моему Василию Григоріевичу Анастасевичу.

¹⁾ Кусочекъ вырванъ, но по смыслу должно быть именно такъ.

В. Г. Анастасевичу.

(29-го октября 1821 года).

Почтенный и Любезнѣйшій Василій Григоріевичъ! Не вините меня за то, что я къ вамъ давно не пишу, не отвѣчалъ даже (до сихъ поръ)! На дружескія письма ваши. Есть на все причины. Будетъ время, что я стану занимать собою друзей моихъ. Теперь, примите только мою глубокую совершенную благодарность, за все, за все доброе мнѣ и моему семейству мыслимое и оказываемое... и за господина Геннигофа, о которомъ въ одну изъ слѣдующихъ почтъ буду къ вамъ писать, приведя въ порядокъ мои бумаги и мои письменные инструменты. Теперь въ моемъ кабинетѣ и библіотекѣ все такъ завалено, отъ переломки печей такъ покрыто пылью, что я не отыскалъ даже приличнаго листочка для письма къ вамъ, а оторвалъ отъ чего попало этотъ лоскутъ и пользуюсь столомъ и чернильницей моего камердинера. Но добрая къ вамъ моя Александра Василенна, уже нѣсколько почтъ мнѣ не даетъ покою, и браня за васъ, велитъ мнѣ взять перо въ руки. Она поручила мнѣ между прочимъ, переслать къ вамъ прилагаемой при семъ ломбардной билетъ, которой уже нѣсколько и просроченъ. Но по милости Матушки Царицы конечно можно еще отсрочить. Заплатите проценты и отсрочите еще на полгода, при семъ прилагаются 35 руб. Таково изобиліе наше и общее обиліе украинны нынѣшней годъ, что дай Боже прокормить себя съ дѣтьми и людей до все—оживляющей весны!.. Горе намъ! но утѣшаемся, что будетъ нѣкогда и лучше будетъ! быть должно: ибо все на всѣхъ идетъ къ лучшему и творецъ милосердъ. Относительно господина Геннигофа, какъ бы мнѣ о немъ писать ни не хотѣлось теперь, жена вѣлитъ мнѣ прибавить (прочитавъ написанное до селѣ), что мы виноваты: именно мы! У семи нянекъ дитя безъ глазу, говорила намъ бесполезно русская пословица. Для чего-бы намъ, вамъ одному не поручить етаго дѣла? но г. Муралыъ положился на г. Фуса, а г. Фусъ слѣдовалъ, кажется, старинной своей ко мнѣ нипріязни, что видно даже изъ письма его къ почтенному пастору. Въ прочемъ поведеніе гг. до сихъ поръ хорошо. Ето утѣшаетъ. Обнимаю васъ мысленно, какъ истинный вашъ почитатель и другъ

В. Каразинъ.

Харьковскому губернатору В. Г. Муратову.

(17-го декабря 1821 года).

Милостивый государь
Василій Гаврилович!

Позвольте мнѣ быть увѣреннымъ, что Ваше Превосходительство при свиданіи Вашемъ съ Его Сіятельствомъ Графомъ Викторомъ Павловичемъ, изволите ему вручить прилагаемое при семъ письмо. Мое положеніе достаточно оправдаетъ предъ нимъ, какъ мою смѣлость къ нему относиться, такъ и вашу подвижъ въ мою пользу. Еще покорнѣйше прошу васъ м. г., при удобномъ случаѣ изустно донести Его Сіятельству отъ меня, что разобравъ присланныя ко мнѣ чрезъ посредство ваше четыре тюка бумагъ моихъ, я не нахожу нѣкоторыхъ изъ нихъ, весьма для меня цѣнныхъ, кои, сколько вспомнить могу были въ С.-Петербургѣ. Всѣ онѣ, я думаю, невинны, и для Правительства не могутъ понадобится. Почему я и беру смѣлость умолять о ихъ мнѣ возвращеніи. Большая часть оныхъ относятся или къ Статистикѣ или къ Химіи и другимъ наукамъ, составляющимъ предметъ моихъ упражненій. Дневная моя записка, которую я веду съ дѣтскихъ лѣтъ, и которой 10 или 12 тетрадей были со мною въ С.-Петербургѣ сего послѣдняго рода.

Въ протчемъ вѣруя все его снисходительному вашему ко мнѣ расположенію, равно какъ и извѣстной мнѣ просвѣщенной справедливости графа, имѣю честь быть съ совершенною преданностію и глубокимъ почитеніемъ Вашего Превосходительства, покорнѣйшимъ слугою,

Василій Каразинъ.

Село Кручики, 17-го декабря 1821 года.

Р. С. Извѣстный уже Вашему Превосходительству, г. Генигсгофъ, благородный австріецъ, присланный къ дѣтямъ моимъ изъ С.-Петербурга, всепокорнѣйше просить васъ М. Г., взять на себя приложенное здѣсь его письмо доставить Австрійско-Императорскому посланику, чрезъ вѣрныя руки, или буде возможнымъ сочтете то и лично.

Графу В. П. Кочубею.

(17-го декабря 1821 г.).

*Сіятељныйшій графъ,
милостивый государь!*

Человѣколюбіе ваше конечно не взыщетъ на мнѣ за то, что я пользуюсь случаемъ, какой мнѣ теперь представляется, чтобы писать къ вамъ. Оно сдѣлаетъ еще болѣе. Я увѣренъ, что Ваше Сіятельство захотите довести мое письмо до свѣдѣнія Всемиловѣйшаго Государя Императора: ибо никакой нѣтъ возможности мнѣ миновать, чтобы не занять собою еще нѣсколькихъ минутъ у Его Величества. Вѣрите, Сіятельныйшій графъ, что необходимость такового дерзновенія сокрушаетъ меня болѣе, нежели самое положеніе, которое къ тому понуждаетъ. Конечно, еслибъ я былъ одинъ то отъ всего сердца желалъ бы на всегда быть забытымъ, но я имѣю жену, съ которою участь моя еще тѣснѣе стала связана со времени нашего несчастія и дѣтей, которыхъ воспитаніе давно уже начато: преступленіемъ предъ Богомъ и Отечествомъ было бы перестать о нихъ заботиться, оставляя и ихъ на волю судьбы, такъ какъ себя самаго я всеохотно бы оставилъ.

Подноситель сего можетъ сказать Вашему Сіятельству, что молва дошедшая въ здѣшній край о моемъ заключеніи, прежде всего привела въ движеніе нашихъ (съ женою) кредиторовъ. Едва ли кто изъ нихъ остался, кто бы не предъявилъ своихъ бумагъ. Между тѣмъ безвыѣздное мое пребываніе въ деревнѣ лишаетъ меня способовъ защищать свои дѣла, или приводить ихъ въ порядокъ. Тѣ-же обстоятельства совсѣмъ разстроиваютъ воспитаніе нашихъ бѣдныхъ дѣтей. Какой то заразительный страхъ объялъ всѣхъ знакомыхъ нашихъ. Не многіе у насъ были! Иные избѣгаютъ даже отвѣтовъ на письма наши... Благодареніе Провидѣнію милующему Россію! Гнѣвъ Самодержца есть до селѣ нѣчто весьма важное въ областяхъ отдаленныхъ: онъ наполняетъ души народа *ужасомъ* въ полномъ смыслѣ слова.

Дѣти мои, имѣя маленькое независимое отъ меня состояніе въ Московской губерніи, могли бы ѣхать туда съ матерью. Но изъ поступковъ моей жены, и вамъ лично извѣстныхъ, и тѣхъ, которые можетъ вамъ рассказать знающій ея коротко почтенный и любезный намъ вручитель письма, Ваше Сіятельство сами будете судить, что эта нѣжная, рѣдкая супруга, эта добрая христіанка никогда не рѣшится меня оставить, а тѣмъ менѣе предать меня на жертву злымъ людямъ и моимъ горестнымъ

обстоятельствамъ. Я даже не могу за нею и слѣдовать, буде бѣ и было мнѣ ею изходатайствовано позволеніе промѣнять ссылку здѣшнюю, на другую въ подмосковной деревни. Надобно для сего продать помѣстье, въ которомъ мы теперь живемъ, гдѣ кости отца моего погребены. Не имѣя никакого права преклонять на жалость *личными мнѣ* причинами, которыя сдѣлають сіе лишеніе самымъ горькимъ, я спрошу только у сострадательнаго сердца Вашего Сіятельства, каково будетъ моимъ поселянамъ достаться въ безпредѣльную власть не извѣстнаго имъ помѣщика, послѣ того, какъ они вѣкъ изжили щастливо и какъ 16 лѣтъ имѣють правила, отличающія ихъ отъ казенныхъ поселянъ только тѣмъ, что у нихъ есть *безсмысленный* начальникъ и защитникъ? Самая ета привычка ихъ къ нѣкоторой свободѣ и чувство развившіеся особливо въ грамотныхъ изъ нихъ, не могутъ привлекать и покушьяковъ, напр. винокуренныхъ заводчиковъ, которые одни только въ нашемъ краю имѣють капиталы.

Въ такомъ положеніи не остается ничего другаго дѣлать, какъ прибѣгнуть къ Государю наказавшему насъ. Я сіе дѣлаю съ полною довѣренностію. Я прибѣгаю къ нему, въ которомъ я всегда видѣлъ олицетворенное великодушіе. Да насладится доброе Его сердце симъ торжествомъ!..

Повергаюсь къ стопамъ Сомодержца благодѣтельнаго, котораго я оскорбилъ, но къ которому есть и буду, какъ искони былъ привержень, и умоляю Его *или* дать мнѣ займообразно подъ залогъ моего имѣнія пособіе въ настоящей моей скудости, пособіе, за которое я потщусь платить доводя день ото дня въ большее совершенство всѣ мои заведенія въ пользу простого народа сдѣланныя, особливо училище, бывшее уже предметомъ благовоительнаго вниманія Правительства. Я обязываюсь его распространить и облечь въ классическій видъ для здѣшней и прилежащихъ губерній, подобно Фелленбергову и Песталоціеву, но въ системѣ болѣе приличной положенію Россіи, духу ея народа и намѣреніямъ великаго ея Государа.

Ета мысль была уже мною представлена на благоусмотрѣніе вдовствующей Государыни Императрицѣ въ лѣтнее наше пребываніе въ Павловскѣ въ прошедшемъ году. Симъ образомъ будетъ сохранено достоиніе шестерыхъ моихъ сыновъ, даръ Царскій за службы дѣда ихъ; и мнѣ до конца моей жизни будетъ дано пристойное упражненіе. — *Или* благоволить принять сіе мое имѣніе (340 душъ муж. пола и 2660 дес. угодьевъ) въ казну, съ тѣмъ, чтобъ сохранивъ учрежденія въ немъ существующія, сдѣлать опытъ къ приобрѣтенію изъ казенныхъ имѣній дохода, не сравненно большаго, нежели каковой онныя теперь доставляютъ, именно *дохода основаннаго на платежѣ съ земли*, къ коему поселяне мои привыкли и

будутъ продолжать его доставлять *всякому другому Начальству и во всякомъ другомъ состояніи*. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, избытокъ за удовлетвореніемъ кредиторовъ, я могу оставить въ казнѣ по смерти моею, съ тѣмъ, чтобы только проценты ко мнѣ пересылались въ чужіе края, гдѣ—если позволено будетъ—я стану оканчивать воспитаніе моихъ дѣтей.

Въ протчемъ, какъ заблагоразсудить съ нами поступить Высочайшее Милосердіе!.. Повторяю, что себѣ собственно я не испрашиваю ни какой пощады. Но заключеніе мое тяжело для моего безвиннаго семейства. Оно его приводитъ въ уныніе, въ ужасъ и удручаетъ въ всѣхъ отношеніяхъ.

Я долженъ еще обратить вниманіе Ваше Сіятельства на то отношеніе къ публикѣ, въ которое меня ставятъ званіе правителя дѣлъ Высочайше утвержденного въ 1811 году Филотехническаго Общества и *объявленіе*, напечатанное въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ прошедшемъ году о изданіи сего Общества Актовъ. Получивъ обратно большую часть изъ моихъ бумагъ, я въ числѣ ихъ нашелъ почти все то, что я назначалъ для Актовъ. Почему и осмѣливаюсь думать, что мнѣ будетъ позволено заняться симъ трудомъ. Но я конечно не приступлю ни къ такому, ниже ко всякому другому публичному литературному занятію безъ позволенія. Долженъ бывши на сихъ дняхъ писать обыкновенной въ концѣ года отчетъ мой Обществу, я послѣ отъѣзда господина губернатора осмѣлюсь препроводить его прямо на имя Вашего Сіятельства дабы совершенно отъ васъ зависѣло поступить съ нимъ по благоусмотрѣнію.

Простите Милостивый Государь! вѣрте, что я вѣчно съ глубочайшимъ къ вамъ почтеніемъ пребуду вешего Сіятельства, всепокорнѣйшій и преданнѣйшій слуга:
В. Каразинъ.

Село Кручикъ, 17-го декабря 1821 года.

П. И. Кеппену. ¹⁾.

Село Кручикъ. (16-го октября 1826 года).

За что вы меня такъ любите, почтенный, достойнѣйшій уваженія и любви Петръ Ивановичъ?.. Вотъ уже дошли ко мнѣ и послѣднія страницы вашихъ библиографическихъ листовъ, и ваши замѣчанія о нарѣчіяхъ венгерскихъ. Все прежде посланное вами, въ свое время также

¹⁾ На обложкѣ, въ которой хранятся письма, рукою П. И. Кеппена послѣ имени Каразина и краткихъ о немъ свѣдѣній приписано: ему „Харьковъ обязанъ университетомъ“.

получено съ чувствомъ усердной къ вамъ благодарности. Я не писалъ къ вамъ—по извѣстнымъ причинамъ, по которымъ давно ни къ кому не пишу. Ожидаю со дня на день, что мои обстоятельства переменятся; и тогда, вѣрѣе, что тѣмъ или другимъ образомъ постараюсь вамъ доказать, сколько я цѣню ваше, столь постоянное ко мнѣ благорасположеніе. Надѣюсь служить вамъ между прочимъ и нѣсколькими матеріалами для трудовъ вашихъ. Сіи труды почтенны въ моихъ глазахъ! вы прямой ученый, каковыхъ у насъ еще мало: избравшій въ необъятной массѣ человѣческихъ познаній опредѣленную часть и полюбившій ея всѣмъ сердцемъ не изъ видовъ какихъ, или по легкомыслію перепархивающій изъ вѣтви на вѣтвь. Вы оставите по себѣ сокровища, ихъ же (простите мнѣ славенщику) тля не тлитъ и татіе не окрадываютъ.

Оканчиваю письмо на сей разъ, которое и не написалъ бы я, еслибъ не долженъ былъ облегчить свою совѣсть, давно уже меня за васъ укоряющую. Простите! Скажите мое истинное и совершенное почитаніе Милостивому Государю Федору Павловичу, и увѣрены будьте сами, что я по жизнь сохранию къ вамъ тоже чувствованіе.

Вашъ преданный слуга Василій Каразинъ.

О б ъ я в л е н і е

(1828 года). ¹⁾

Ежели настоящее предпріятіе будетъ подкрѣплено публикою, то непосредственно послѣ сочиненія Г. Кирилова стануть выходить, если не равныя достоинствомъ, то по крайней мѣрѣ подобныя свѣдѣнія, томъ за томомъ, подъ заглавіемъ:

Отечественный, статистико-историческій Архивъ и сіе не по подпискѣ и въ урочное время, но по мѣрѣ готовности къ напечатанію и расхода. Цѣна каждаго тома назначена будетъ таже, т. е. десять рублей за томъ до 400 страницъ и болѣе въ большую осьмушку листа, съ картами, портретами и пр. Въ семъ изданіи помѣстится все въ семъ родѣ достойное любопытства просвѣщенныхъ современниковъ и сохраненія для потомства, что не было еще никогда напечатано, или сдѣлалось уже рѣдкимъ. Драгоцѣннѣйшее собраніе рукописей И. И. Голикова соединенное

¹⁾ Повидямому, объявленіе приготовленное къ печати во время выхода первыхъ листовъ „Статистики Петрова времени“ Кирилова, изданіе которой предпріято было Каразиннымъ и Погодиннымъ въ серединѣ 1828 г.

съ таковымъ же одного изъ издателей, послужить нашему Архиву (коего въ семь случаевъ вышеупомянутое важное статистическое сочиненіе составить первые томы) надежнымъ основаніемъ. Въ прочемъ и все, вновь представляющееся, идущее къ цѣли, достойное того же уваженія, будетъ принято.

Помѣтка цензора: „Печатать позволяется. 1828, августа 4. Въ долж. Пред. С. Аксаковъ“.

На верху написано неизвѣстною рукою: „Послѣ посланнаго поутру объявленія набирать слѣдующее“.

Бумага (полулистъ писчей) съ водянымъ знакомъ: „1827“.

Дополненія и поправки В. Н. Каразина въ матеріалахъ для „Біографическаго Словаря Украинскихъ писателей и ревнителѣй просвѣщенія“, собранныхъ К. И. Кеппеномъ.

О проф. *Т. Θ. Осиповскомъ*: „Перевелъ Лапласову механику вселенной (La mecanique celeste en Vvol.). Представилъ главному Правленію училищъ, но князь Шихматовъ именемъ министра отвѣчалъ ему, что такихъ книгъ у насъ уже много (!)“.

О проф. *І. М. Лантъ*: „Обширное сочиненіе по сему предмету ¹⁾ достойное вниманіе Европы, осталось въ рукописи. Оно не только понимаетъ науку сію иначе, но и представляетъ тысячу новыхъ идей о пользахъ государственныхъ. Гдѣ рукопись? не знаю“.

О проф. *В. Θ. Дрейсигъ* „Гораздо болѣе ²⁾. Достойнѣйшій примѣчанія человѣкъ, какъ по преподаванію и сочиненіямъ, такъ еще болѣе по нравственности“.

О проф. *Л. О. Ванотти*: „Der Feld-Arzt. Превосходное мало оффенное сочиненіе. Напеч. въ П-гѣ или Харьковѣ. Могу оно доставить“.

О протоіерѣ *Михаилѣ Шванскомъ*: „Онъ знаетъ языки лат. нѣмецкій и французскій и писалъ на первомъ первую въ Россіи священную исторію. Продолжилъ Богословію Прокоповича. Былъ уважаемъ многими значительными особами, въ томъ числѣ графомъ Румянцовымъ-Задунайскимъ, который въ обѣ бытности свои въ Харьковѣ посѣтилъ его до семи разъ въ его домѣ“.

¹⁾ „О политической арифметикѣ“.

²⁾ Рѣчь идетъ о синекѣ трудовъ Дрейсига.

О *И. Θ. Ольденбургеръ*: „Можно бы сказать и объ отцѣ его, одномъ изъ первыхъ пенсіоно-содержателей“.

О *Г. С. Сковородѣ*: „Я могу сообщить о его сочиненіяхъ, о которыхъ многое сказать можно. Истинный философ!“.

О протоіерей *Иванъ Гилевскомъ*: „Человѣкъ отличный по сочиненіямъ нравственнымъ, руководствовавшимъ множество юношей, хотя и не были напечатаны. Особливый имѣлъ даръ возбуждать охоту къ наукамъ, тогда мало еще извѣстнымъ въ семъ краю“.

О *Вилихъ*: „Писалъ много въ Англіи и Гамбургѣ: напр. Технологическую Энциклопедію въ IV частяхъ, подъ названіемъ Domestic Encyclop. Гигіену, приведеную съ англ. на французскій языкъ, не помню какимъ то знаменитымъ врачомъ“.

О *Гедеоитъ Антонскомъ*: „Есть болѣе ¹⁾—если это извѣстный проповѣдникъ Гедеоитъ“.

О *П. И. Кенненъ*: „Собиратель долженъ бы былъ ввести и свое имя“.

О *Хористъ*: „Кончина его описана въ газетахъ“.

О протоіерей *Василіи Фотіевъ*: „О семъ могу послѣ сообщить, равно и о другомъ протоіерей *Василіѣ Сяѣсаревѣ*; котораго я готовилъ въ профессору по богословскому отдѣленію: именно для греческаго языка и герменевтики“.

О *Барендтъ*: „Множество прекраснѣйшихъ проповѣдей, Историческій церковный Словарь, на лат. языкъ напеч. въ Англіи (?). Оріенталистъ“.

О *М. Т. Каченовскомъ*: „Можно многое дополнить къ его особенной чести. Сынъ рѣдкой“.

Въ „алфавитной росписи“ *Украинскихъ писателей*: „*Александръ Башинскій* протоіерей. Компедіи его христіанскаго ученія превосходны, равно какъ и проповѣди.“

Колмаковъ, уроженецъ Курскій г. Обоянецъ, извѣстный переводчикъ Алкорана съ англійскаго и математикъ.

Короставцовъ (Иванъ?). Есть его рѣчи. Человѣкъ въ прочемъ отличной честности. Былъ предсѣдателемъ въ Курской гражд. палатѣ.

Яновскій (NN) отличный врачъ и профессоръ уроженецъ сей же губерніи“.

¹⁾ Рѣчь идетъ о печатныхъ трудахъ Антонскаго.

П. И. Кеппену.

Москва (14-го января 1829 г.) ¹⁾.

Самъ я удивляюсь, Милостивый Государь, почтенный мой Петръ Ивановичъ, какъ я до сихъ поръ къ вамъ не писалъ, не могли ни по-чему винить васъ въ этомъ грѣхѣ: ибо вы и квартиры моей здѣсь не знаете.

Позвольте же поздравить васъ съ Новымъ годомъ! Удостойте передать и маминькѣ вашей и сестрицамъ это поздравленіе.

Въ сосѣдствѣ вашемъ, т. е. въ Севастополѣ теперь мой старшій сынъ. По жестокой ранѣ своей, полученной 3-го октября за Варною, онъ былъ привезенъ въ тамошніе госпитали. Слава Богу теперь онъ вышелъ изъ бѣды! Скоро долженъ будетъ возвращаться въ полкъ. Утѣшьте, обласкайте его на перепутьѣ. Поручаю его, какъ молодого человѣка достойнаго благорасположенія друга моего Каролины Ивановны и почтеннаго ея сына, передаю его вмѣсто своихъ въ ваши объятія. Можетъ быть, нужно вамъ будетъ его предупредить въ Севастополь, чтобы онъ не миновалъ вашего дома. А къ любезнѣйшему Карлу Ивановичу я уже писалъ въ Одессу, равно просилъ о немъ и достойнаго вашего Генераль-Губернатора.

Не упустите увѣдомить о вашихъ упражненіяхъ и образѣ жизни, приятномъ безъ сомнѣнія! также и о испрошеніи чего либо въ пользу бѣднаго Іерусалимскаго Патріарха не забудьте.

Вашъ драгоценный для меня отзывъ найдетъ меня въ Москвѣ, на углу Поварской и Молчановки въ домѣ Генераль-Маіора Базилевича. Простите! Душевно васъ обнимая, съ истиннымъ почтеніемъ къ вамъ пребуду по жизнь мою вашъ преданный слуга: Василій Каразинъ.

Скоро пришлю вамъ экз. вступительной моей рѣчи въ Обществѣ Исторіи и Древностей, которая однако еще не написана.

Столько заботъ, хлопотъ и разсѣянія въ огромной Москвѣ!

¹⁾ На конвертѣ надпись: Петру Ивановичу Кеппену въ С.-Петербургѣ. По неизвѣстности мнѣ его квартиры, покорнѣйше прошу доставить его родителямъ. М. Г. Каролинѣ Ивановѣ Кеппенъ въ Харьковѣ. О чемъ и беру смѣлость ее просить.

Министру юстиціи, кн. А. А. Долгорукову.

(6-го іюля 1829 года).

Сіятельныйшій князь,
милостивый государь!

Не излишнимъ, вѣроятно, будетъ и приватное, собственно для васъ назначенное письмо, при моемъ официальномъ прошеніи. Дѣло мое не изъ числа обыкновенныхъ; и оно вашему Сіятельству совсѣмъ неизвѣстно. Почему я счелъ необходимостію приложить при семъ письмѣ (не при Прошеніи) то, что можетъ служить къ объясненію онаго-ибо понятіемъ, которое о просителѣ будетъ имѣть вашъ просвѣщенный разумъ и ваше чистое сердце (такъ разумѣютъ о нихъ вообще въ Россіи) я дорожу, весьма мало дорожа предстоящимъ мѣстомъ. Оно, признаюсь не можетъ быть для меня лестнымъ послѣ всего со мною случившагося и утраченнаго въ продолженіи пятидесяти шести лѣтъ. Но выполнять свято его обязанности, я тѣмъ не менѣе почту моею славою, равно какъ и зависимость отъ такого начальника, какъ вы, милостивый государь, большое честію. Это не слова одиѣ: будьте въ томъ увѣрены. Я не льстилъ и Царямъ. И вотъ единственная причина, что я при самыхъ счастливейшихъ обстоятельствахъ, каковыя вѣроятно не возобновятся ни для кого въ мірѣ, не пошелъ далеко!

Позвольте надѣяться, Сіятельнѣйшій князь, что вы сами удостоите прочесть мои бумаги, не удовольствуясь выпискою изъ оныхъ по обыкновенію вельможъ и вотъ единственная моя просьба! Прочее все представляю Богу и собственному чувству вашему, которое Онъ же вамъ внушить, пребывая съ глубочайшимъ почитаніемъ, преданностію и довѣренностію вашего Сіятельства, всепокорнѣйшій слуга, Василій Каразинъ.

Богодуховъ. Іюля 6-го дня 1829-го года.

Р. С. Подлинное письмо почтеннаго графа Кововницына, которое одно позволилъ я себѣ приложить изъ числа упомянутыхъ въ прошеніи, и при томъ собственно для свѣденія вашего Сіятельства (ибо я рѣшительно сослался на живое свидѣтельство) благоволите мнѣ возвратить: такъ какъ драгоцѣнна для меня память благороднѣйшаго сего человѣка.

Министру юстиціи кн. А. А. Долгорукову.

(8-го іюля 1829 года).

*Сіятельныйшій князь,
милостивый государь!*

Послѣ отправления (6-го числа сего мѣсяца) къ вашему Сіятельству конверта моего относительнаго до представленія меня въ кандидаты Предсѣдателя уголовной Палаты Слободско-Украинской губерніи и моего послужнаго списка по сему поводу, я нашелъ еще одну бумагу, которую долготъ ставлю препроводить, также приватно, для свѣденія вашего. Это прошеніе мое послѣ отставки, блаженной памяти Государю Императору: и я предпочитаю представить и его въ оригиналѣ того самаго времени, ¹⁾ дабы отвратить всякое сомнѣніе. Оно содержитъ въ сокращеніи всю исторію предпріятія моего о Харьковскомъ Университетѣ. Ваше Сіятельство изволите согласится, что ложь не могла имѣть мѣсто въ таковомъ, послѣднемъ объясненіи подданнаго съ Государемъ! не приказный это документъ, конечно. Онъ передается отъ совѣсти къ совѣсти. И просвѣщенный умъ вашъ дастъ ему полную вѣру!

Официальнымъ доказательствомъ, если бы оно было нужно въ томъ, что я былъ первоначальною причиною не только упоминаемаго Университета, но и всего Департамента Народнаго Просвѣщенія, можетъ служить высочайшій Указъ Правительствующему Сенату отъ 8-го сентября 1802-го года, въ которомъ я одинъ (въ лицѣ правителя дѣлъ комиссіи объ училищахъ) именованъ на ряду съ членами ея и министрами назначенными въ тотъ же день. Воля Государя въ семъ случаѣ не могла быть безъ особливой причины, всего меньше по представленію тѣхъ лицъ, кои сами въ тотъ же день назначены, слѣдовательно не успѣли еще ни о чемъ докладывать. И я думаю, что это единственный примѣръ въ своемъ родѣ. Назначенію директоровъ департаментовъ и правителей канцелярій свойственно быть не иначе, какъ по докладу, подносимому завѣдывающими части министрами. Въ дѣлахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія есть еще отношеніе Михаила Никитича Муравьева отъ 12-го ноября 1802-го года за № 1924-мъ къ министру, доказывающее тоже. Прочее не выходило изъ комнаты Его Величества: слѣдовательно не можетъ быть предметомъ ссылки, одиннадцати бумагъ представленныхъ графу Виктору Павловичу, въ концѣ 1804-го года помнитса, и въ томъ числѣ

¹⁾ Который, по прочтеніи, былъ мнѣ возвращенъ: такъ какъ шелъ не общимъ путемъ.

одной рѣшительной по сему дѣлу, я не получилъ обратно, равно какъ и другихъ, для меня и семейства моего довольно важныхъ, которыя взяты были тайною экспедиціею въ несчастную для насъ ночь 26-го ноября 1820-го года въ С.-Петербургѣ.

Словомъ: Правительство мое, лишивъ меня (безвиннаго) по единому подозрѣнію, всего, въ томъ числѣ доказательствъ моихъ заслугъ, равно какъ и моей невинности, поступивъ со мною, къ стыду вѣка, безъ суда, не сохраняя даже ни какой формы, обязано меня вознаградить при нѣтънѣмъ случаѣ, котораго я отнюдь не искалъ, и о немъ никогда не помышлялъ. Я былъ неоднократно кандидатомъ въ совѣтные судьи; теперь кандидатъ предсѣдателя уголовной палаты. Слѣдовательно въ обѣихъ случаяхъ имѣя на своей сторонѣ общественное мнѣніе, стану ожидать моего приговора—отъ Васъ, какъ отъ Генераль-Прокурора въ разумѣ Петра Великаго. Это дѣло не частное и не бездѣлица! Меня можно вновь запереть; можно конечно назвать сумасшедшимъ, или и убить не наказано. Но я имѣю шестерыхъ сыновъ съ талантами: куда дѣвать ихъ? дабы намъ не было нѣкогда стыдно предъ Европою? Покажемъ ей, что—и мы Европейцы!.. Съ сею надеждою, милостивый государь, съ надеждою, что меня вызшутъ, а не отвергнутъ по простествіи многихъ лѣтъ (въ которыя безъ славы и корысти я продолжалъ быть полезнымъ отечеству по силамъ моимъ) ¹⁾ и съ глубочайшимъ къ Вамъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга: Василій Каразинъ.

Село Кручики, Богодуховскаго уѣзда. Іюля 8-го дня 1829-го года.

Харьковскому Губернатору Михаилу Ивановичу
Каховскому.

(22-го сентября 1829 года).

Милостивый Государь,
Михаилъ Ивановичъ.

19-го числа сего мѣсяца получилъ я чрезъ земской судъ Богодуховскаго уѣзда, къ которому принадлежу, объявленіе отъ имени Его Высочайшепревосходительства Господина Управляющаго Министерствомъ Юстиціи, чтобы я, поповоду принесеннаго мною (6-го числа Іюля сего года) прошенія, представилъ имѣющіеся у меня документы на дѣйствія мои

¹⁾ Благоудѣльному графу Вяктору Павловичу извѣстны частію мои труды по сельскому быту, наукамъ и пр. Отъ Васъ Сіятеельнѣйшій князь зависитъ приказать мнѣ сообщить Вамъ все то, что по сей части Васъ интересуетъ.

въ отношеніи къ Харьковскому университету, исполняя сіе чрезъ мѣстное Начальство. Почему, долгомъ почитаю немедленно донести Вашему Превосходительству, что 1-е въ упомянутомъ прошеніи я не безъ причины указать осмѣлился на Особу Его Сіятельства Господина Предсѣдателя въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ Министровъ, Графа Виктора Павловича Кочубея, изысканія предъ тѣмъ, что оставшіеся у меня доказательства о семъ происшедшемъ по оному предмету, состоятъ въ письмахъ (партикулярныхъ). Единжды представивъ просвѣщеннымъ современникамъ и потомству быть моими ходатаями, я до сихъ самыхъ поръ, въ продолженіи болѣе нежели четверти вѣка, не заботился о документахъ официальныхъ. Одинъ, который таковымъ назваться можетъ, и былъ у меня. Это похвальное свидѣтельство, написанное, помнится, въ Сентябрѣ 1802 года въ Харьковѣ, по желанію нѣсколькихъ благородно чувствовавшихъ и едва мнѣ знакомыхъ дворянъ, Сумскимъ отлично просвѣщеннымъ помѣщикомъ, покойнымъ Александромъ Александровичемъ Палицинымъ и подписанное тогда въ Губернскомъ Собраніи (которое полнымъ назвать можно, ибо составилось по Высочайшему дозволенію). Но сіе свидѣтельство имѣлъ я честь въ подлинникѣ представить, помнится въ ноябрѣ 1804 года графу Виктору Павловичу по поводу жалобы на меня Изюмскаго бывшего предводителя Капустянскаго, присенной блаженной памяти Государю Императору, изъ которой у сего прилагаю копію съ таковой же находящейся въ архивѣ Слободско-Украинскаго дворянства. Грубая сія жалоба, а особливо замѣченныя въ ней мѣста, да будутъ въ настоящемъ случаѣ первымъ моимъ доказательствомъ: ибо свидѣтельство противника въ томъ самомъ дѣлѣ, искони почиталось важнѣе всѣхъ прочихъ. Вышеупомянутый же документъ съ котораго я не оставилъ ниже копій, замѣняю я теперь прилагаемой у сего копіей съ протокола Богодуховскаго уѣзда дворянства отъ 19-го настоящаго мѣсяца за подписаніемъ г. предводителя уѣзда. Третьимъ документомъ можетъ служить одна изъ моихъ рѣчей, напечатанная покойнымъ Николаемъ Михайловичемъ Карамзинымъ въ Вѣстникѣ Европы 1803 года, августа мѣсяца, начавъ съ 235 страницы. У сего имѣю честь приложить списокъ оной, выпустивъ только лестное для меня замѣчаніе господина Карамзина. Четвертымъ, отношеніе бывшего статсъ-секретаря тайнаго совѣтника Михаила Никитича Муравьева отъ 12-го ноября 1802 года за № 1924 къ тогдашнему Министру Народнаго Просвѣщенія. Пятымъ, шестымъ, седьмымъ и такъ далѣе до литеры И (къ коей подл. № можно приобщить письмо покойнаго графа Петра Петровича Кановичина, отправленное мной къ Его Сіятельству Министру Юстиціи въ одномъ пакетѣ съ моимъ прошеніемъ отъ 6-го іюля сего года будутъ

разныхъ лицъ письма ко мнѣ ¹⁾, хотя партикулярныя, но заслуживающія всякую вѣру и уваженіе, тѣмъ паче, что никому изъ сихъ достойныхъ людей, большею частью уже умершихъ, на мысль имъ не приходило ихъ нынѣшнее, по прошествіи двадцати пяти лѣтъ употребленіе. Я нарочно предпочелъ такія коихъ содержаніе нравственно доказываетъ, что онѣ не были испрошены. Всѣ онѣ въ хронологическомъ порядкѣ обнаруживаютъ ходъ университетскаго дѣла. Къ дополненію-же исторіи оного можетъ служить копія съ записки въ концѣ уже 1804 года, врученной мною въ оправданіе мое тогдашнему господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ, которая и должна находиться въ архивѣ сего Министерства, подлинникомъ, вѣроятно вмѣстѣ съ одиннадцатыю таковыми же, какъ представляемая мною сіи, но едва-ли не въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ письма (ибо я не безъ причины думаю, тогда ихъ предпочелъ) и другими доказательствами. Въ числѣ ихъ вождѣленно было бы для меня возвращеніе похвальнаго свидѣтельства, означеннаго въ онной запискѣ подъ литерою Б. Въ томъ, что пріобрѣтенныя усердіемъ моимъ Харьковскому университету суммы, по крайней мѣрѣ не менѣ показанныхъ мною въ прошеніи 6-го іюля 618 тыс. очевидно изъ приложеній В, К, М, О и S₂. Смѣю полагать, что онѣ гораздо болѣе, но можетъ статься не всѣ поступили въ кассу университета; начальство, изъ котораго я долженъ былъ удалиться, такимъ образомъ повело дѣла, такъ умѣло погасить возгорѣвшійся энтузіазмъ пожертвованій, что и дворянскія 400.000 р. на силу внесены въ недавнее время! Два или три именныя повелѣнія нужны были на сей конецъ; въ томъ числѣ одно въ нынѣшнее уже царствованіе. Утверждаю смѣло, что если бы мнѣ позволили продолжать дѣйствовать, то поступили бы милліоны; и университетъ былъ бы давно извѣстенъ въ Россіи и чужихъ краяхъ!.. Частные люди давали въ руки мои по три и по пяти тысячъ рублей, что видно изъ донесеній Министерству Внутреннихъ Дѣлъ (о Аникіевѣ и Хорватѣ) и доказывается не одною бумагою подобною прилагаемой у сего подъ литерою J, въ которой откупщикъ испрашивая не болѣе, какъ то, что ему дано было послѣ чрезъ постороннія средства, предлагалъ въ пользу сего заведенія 100.000 рублей. Ученые греки, которыхъ я предполагалъ привлечь изъ за границы тогда уже замышляя какъ ихъ соплеменникъ, о возрожденіи ихъ, (чему есть доказательства, но онѣ сюда не принадлежатъ) привезли бы намъ большія суммы; и число студентовъ въ Харьковѣ должно бы быть не триста но три тысячи, или около того. Страсть и способность къ ученію полу-денныхъ Россіянъ сопредѣльныхъ имъ славянъ и грековъ не оставляютъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

¹⁾ Одно, подъ литерою Г, писано не ко мнѣ, но обо мнѣ.

Что же послѣ отчужденія моего и въ самомъ горестномъ моемъ положеніи я продолжалъ заниматься (какъ сказано мною въ прошеніи 6-го іюля) дѣлами университета, то имѣю честь доказывать равно какъ и выходившее иногда изъ обыкновенныхъ границъ, но тѣмъ не менѣе полезнымъ признанное мое усердіе по сей части вообще, приложеніями отъ а до и: что (безъ сомнѣнія) побудило одного изъ просвѣщеннѣйшихъ и благороднѣйшихъ мужей своего времени покойнаго товарища Министра и попечителя Московскаго университета и его округа прислать ко мнѣ въ мое уединеніе полгода уже послѣ печальной отставки моей но безъ малѣйшаго моего о семъ искательства, прилагаемый въ подлинникѣ дипломъ на званіе почетнаго члена упомянутаго университета въ выраженіяхъ, смѣю полагать не общихъ.

За симъ, видя справедливость Государственнаго чиновника требующаго отъ меня доказательствъ для пополненія моего послужнаго списка (которая наилучшимъ образомъ обнаруживается чрезъ сіе самое требованіе)! позволеннымъ почитаю для той цѣли представить у сего официальное отношеніе ко мнѣ (за № 5483 1815 г.) управлявшаго военнымъ министерствомъ, князя Горчакова перваго и покойнаго же министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева. Отнюдь не льщусь чтобъ его превосходительство могъ сдѣлать равное употребленіе изъ прилагаемыхъ у сего другихъ бумагъ подъ литерами X² Y² Z¹ Z² подобно какъ приложено было въ пакетѣ отъ 8-го іюля къ господину министру юстиціи мое прошеніе блаженной памяти къ Государю Императору; но съ другой стороны надѣюсь, что онѣ для благороднаго его сердца, равно какъ и для Вашего, милостивый государь, не будутъ казаться совсѣмъ излишними въ семъ дѣлѣ. Я бы могъ—не доводовъ такого рода, а гораздо болѣе убѣдительныхъ представить болѣе, но съ злополучной для всего семейства моего ночи 26-го ноября 1820-го года всѣ мои бумаги приведены въ разстройку, и многія изъ нихъ по нынѣ не возвратились.

Оканчивая долженъ я еще прибавить здѣсь на случай если бы кто (всёконечно не Вы, и не господинъ управляющій министерствомъ юстиціи) поставилъ въ нелѣпость или въ вину разумнѣе въ числѣ документовъ собственно мною писанныхъ бумагъ, каковы напримѣръ подъ литерами А, XI! что, если бы онѣ заключали въ себѣ пристрастіе и лживость то подлинники ихъ были бы въ свое время постыдно для меня отвергнуты. Но онѣ хранятся въ своихъ мѣстахъ, и мудрое правительство удостоило принять ихъ въ соображеніе: qui tacet, consentire videtur, есть древняя истина! Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Василій Каразинъ.

Село Кручицъ, Богородицкаго уѣзда 22-го сентабря 1829 года.

Харьковскому губернатору М. И. Каховскому.

(14-го января 1830 года).

Его Превосходительству господину слободско-украинскому гражданскому губернатору и разных орденовъ кавалеру Михаилу Ивановичу Каховскому.

(Статскаго совѣтника Василія Назаріева сына Каразина).

ПОКОРНАЙШЕЕ ПРОШЕНІЕ.

Свѣдавъ, что мой послужной списокъ въ слѣдствіе отношеній къ Вашему Превосходительству господина Управляющаго Министерствомъ Юстиціи отъ 13-го и 16-го ноября мѣсяца прошедшаго года за №№ 10078 и 10095-мъ препровожденъ уже сему Государственному Чиновнику и что слѣдовательно письмо мое къ Вамъ, Милостивый Государь, отъ 22-го сентября при которомъ я имѣлъ честь препроводить мои доказательства относительно до исправленія прежде посланнаго таковогожъ списка, благосклонно уваженно правительствомъ, беру смѣлость покорнѣйше просить Ваше Превосходительство о выдачѣ мнѣ (или паче интересованному въ томъ семейству моему) засвидѣтельствованныхъ Вами копій съ упомянутыхъ трехъ бумагъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Василій Каразинъ.

Харьковъ. Домъ г-жи Амелиной на Екатеринославской улицѣ. Генваря 14-го 1830 года.

Просимую Копію получилъ Генваря 22-го дня.

Василій Каразинъ.

ПРОШЕНІЕ Губ. предв. двор. А. М. Времеву.

„Его высокородію, Слободско-Украинскаго дворянства господину губерискому предводителю и кавелеру Александру Мироновичу Времеву, дворянина сей губерніи, статскаго совѣтника Каразина

ПРОШЕНІЕ.

Принося мою должную вашему высокородію благодарность за отпращиваніе моего послужного списка, въ слѣдствіе требованія оного Министерствомъ Юстиціи, покорно прошу благоволить выдать съ оного и мнѣ за скрѣпою вашею копію.

Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ

1830 года генваря 14 дня.

Харьковъ, домъ г-жи Амелиной, на Екатеринославской улицѣ.

Исправленія и дополненія рукою Каразина на копіи его формулярнаго о службѣ списка ¹⁾.

(1830 года).

Въ графѣ: «не былъ ли въ штрафахъ и подъ судомъ», послѣ словъ: «имѣлъ несчастье привести....» надписано: „въ гнѣвъ“.

Въ графѣ: «Когда въ службу вступилъ» послѣ словъ: «удостоенъ въ разное время нѣсколькихъ весьма милостивыхъ собственноручныхъ рескриптовъ Его Величества» выставлено на полѣ: „а) Избранъ отъ Слободско-Украинскаго дворянства депутатомъ для испрошенія у Престола подтвержденія привилегій сей губерніи (1701 г. май“.

Послѣ словъ: «опредѣленъ прав. дѣлъ Главн. Правленія училищъ; исправлены слова: «въ семъ званіи» на— „въ обѣихъ сихъ званіяхъ“.

(Литеры b и c написаны и зачеркнуты.

Послѣ словъ: «Награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст.» выставлено на полѣ: „(d) Продолжая дѣятельно участвовать въ устроеніи всего принадлежащаго къ упомянутому университету, по необходимости художниковъ въ городѣ Харьковѣ доставилъ туда тридцать два семейства иностранныхъ мастеровъ на собственномъ иждивеніи (хотя въ послѣдствіи по особенной высочайшей милости употребленная имъ на то сумма 12,200 рублей была ему возвращена) 1803 г.“.

Послѣ словъ: «Въ 1811 г. былъ учредителемъ Высочайше потомъ одобрен. Филот. общ-ва»—на полѣ: „f) Получилъ благодарность изъ-являющіе отзывы министровъ: внутреннихъ дѣлъ (за учрежденіе и успѣшный ходъ Филотехническаго Общества) 1815 г. апр. 15. Военныхъ силъ (за представленіе о облегченіи заграничнаго продовольствія войскъ и флота, которое одобрено учрежденнымъ нарочно для разсмотрѣнія сего комитетомъ, и о умноженіи въ государствѣ селитры) 1815 г. августа 20. Полиціи (за представленіе особой идеи о хлѣбныхъ магазинахъ) 1817.

Вторично былъ избранъ депутатомъ Слободско-Украинскаго дворянства для Всеподданнѣйшаго ходатайства о ненарушимости привилегій губерніи 1819 г. февр.“.

(„Дѣло по отношенію дѣйствія гражданскаго губернатора о дополненіи формул. списка о службѣ ст. сов. Василія Каразина 1829 г. 15 л. По „Описи дѣлъ. Харьк. губ. предв. двор.“ 1828—1835 г. № 22).

¹⁾ Формулярный списокъ дошелъ до насъ именно въ этомъ исправленномъ видѣ.

Т. И. Селиванову.

(20-го марта 1830 года).

Милостивый государь мой
Тимоей Ивановичъ!

Въ отвѣтъ на пріятное для меня по Вашей довѣренности, но вмѣстѣ и прискорбное по содержащемуся въ немъ извѣстію письмо, спѣшу сказать Вамъ, что я съ сею же почтой пишу къ г-ну экспедитору главнаго Правленія училищъ по ученой части, Вирукову. Повторять же Дмитрію Николаевичу той же просьбы, кажется не для чего. Это значило бы сомнѣваться въ его вниманіи къ прежней, и столько еще недавней! Извѣстію о опредѣленію того или другого съ верху, безъ сношенія съ университетомъ, не можно сильнѣе ничего противоположить того, что я уже сказалъ въ письмѣ, и наконецъ въ P. S.,
. Слѣдовательно, станемъ „сидѣть у моря и ждать погоды“. По сей же почтѣ пишу я и къ Сократу Васильевичу. Да будетъ почтеннѣйшему, любезнѣйшему для меня старцу, истинному другу моему, вѣчная память. И будетъ конечно, ибо онъ ея заслужилъ. Примите увѣреніе въ истинномъ къ Вамъ почтеніи и пріязни, Вашъ покорный слуга

Василій Каразинъ.

20-го марта 1830 г.

Т. И. Селиванову.

(23-го апрѣля 1830 года).

Совѣстно мнѣ, милостивый Государь, мой почтенный Тимоей Ивановичъ, что я не успѣваю иначе, какъ только записочкою поблагодарить Васъ за Ваши обязательныя извѣщенія. Одно, конечно, непріятно, но другое не ведетъ ли къ поправленію перваго? Увѣдомите при случаѣ о назначеніи новаго попечителя. Знакомъ же Монаршей Милости Васъ усердно поздравляю. Вашъ почитатель и покорный слуга

В. Каразинъ.

23-го апрѣля 1830 г.

Ген.-адъютанту Адлербергу.

S. S. Général!

(20-го июля 1830 года).

Je saisis cette occasion pour prendre la liberté d'informer Votre Excellence, que le 26 du mois d'Avril une lettre sous Votre adresse pour St-Pettrsbourg a été remise à l'expédition de la poste de Bogodoukhoff (Gouver-t de Kharcoff). Je Vous y ai supplié, Général, de me procurer une audience de Sa Majesté l'Empereur pendant le dernier voyage. Si Vous n'avez pas reçu cette lettre (envoyée sous la responsabilité de la poste: страховымъ, въ собственныя руки) au nom de Dieu, ne faites pas la moindre démarche au Departement de la poste: mais, n'en parlant qu'au Souverain seul (j'ose Vous en conjurer par l'amour que Vous Lui portez!) et ne perdant pas de tems, faites moi venir à Petersbourg ou dans tel autre endroit de la résidence de Sa Majesté, sous un nom supposé, que Vous indiquerez Vous-même dans le passeport. Il y a sans doute une découverte importante à faire. Un abus de cette importance ne saurais avoir lieu pour rien!... Mais je me trompe en cas, que la lettre en question a été reçue ce qu'en parentoses je crois si peu naturel, comme tout d'autres de mes lettres à feu Sa Majesté etc qui sont restés absolument sans reponse et sans suite aucune jusqu'à mon malheur et après. Alors, daignez m'enformer quoique par ce peu de mots: „La lettre du 26 d'Avril de Bogodoukhoff est parvenue à son adresse“. Un homme, qui n'a pas été inutile à sa patrie, père de sept enfants, dont le cinquième déjà est sur le point de Lui servir à la suite de ses frères, les merits, et Vous en supplie. Prevez l'assurance de mon profond respect.

De Votre Excellence le très humble et très-obeissant Serviteur:

B. Karasinn.

Kharcoff. le 20 juillet 1830. 1)

¹⁾ Статскій совѣтникъ и. к. Васильевъ Назарьевичъ Каразинъ получаетъ свои письма изъ Богодухова, чрезъ Харьковъ, а живетъ отъ ун. уѣзднаго города въ осьми верстахъ въ селѣ Кручнкѣ.

Харьковскому губернатору М. И. Каховскому.

(7-го ноября 1830 года).

„Милостивый государь!

Михаилъ Ивановичъ!

Размышляя на сихъ дняхъ о средствахъ отвратить недостатокъ въ пропитаніи угрожающей нѣкоторымъ изъ восточныхъ уѣздовъ нашей губерніи, я вспомнилъ, что они изобилуютъ сосновыми борами, и что почтенный Московскій врачъ и профессоръ Мухинъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ рекомендовалъ именно на сей конецъ такъ называемый исландскій мохъ растущій обыкновенно въ таковыхъ лѣсахъ во множествѣ.— Гораздо прежде помнится въ 1807 или 1808 году занявшись разложеніемъ сего моха, нашолъ, что во ста фунтахъ онаго, тридцать три состоятъ изъ превосходнаго питательнаго вещества студени (gelatine) три же только составляютъ горькое начало, а остальные 64 древесность. Горькое начало удобно (въ слѣдствіе его опытовъ) отдѣляется выщелачиваніемъ моху въ водѣ; на семъ основаніи я сдѣлалъ нѣсколько опытовъ и слѣдствіе ихъ почитаю достойнымъ довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства не благоугодно-ли будетъ приказать напечатать сотни двѣ-три экземпляровъ онаго, довести до свѣдѣнія какъ господь помѣщиковъ, такъ и казенныхъ поселянъ сіе весьма простое средство умножить хлѣбный запасъ въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ.

Оный мохъ (*lichai islandius*) растетъ въ сосновыхъ лѣсахъ на холмахъ возвышенныхъ непосредственно на землѣ т. е. на пескѣ составляющемъ ихъ почву не представляя нималѣйшаго затрудненія ихъ собирать (у сего честь имѣю приложить фунтъ онаго, въ его естественномъ видѣ); бабы и дѣти ежедневно могутъ собрать онаго сколько нужно, не только теперь осенью, но и зимою, узнавъ только мѣсто, доставать изъ подъ снѣгу. Слѣдовательно нѣтъ даже особенной надобности заготовлять оный въ запасъ, хотя безъ сомнѣнія лучше запастись симъ отлично питательнымъ веществомъ заваренно, сохраняя его гдѣ-нибудь, подъ навѣсомъ только и въ защитѣ отъ скота. Взявъ онаго столько, сколько помѣстится можетъ въ горшокъ назначаемый нашими сельскими бабами для кипятку, на которомъ они дѣлаютъ такъ называемую опару для хлѣба, налить его холодною водою и предполагая, что это сдѣлано по утру, оставить мокнуть въ избѣ до вечера, т. е. до того самаго времени въ какое обыкновенно хозяйки занимаются приуготовленіемъ опары (или рощины) для хлѣбовъ, кои будутъ печены въ слѣдующіе утро, тогда эту

воду, принявшую въ себя почти всю горечь моха, должно слить долой, и мохъ еще разъ перемѣвъ руками выжать сколько можно лучше. Кто неполѣнится, можетъ въ семь состояніи его изрѣзать ножомъ, помельче, затѣмъ положи въ тотъ-же горшокъ налить чистою водою и подгрѣть ея какъ обыкновенно, только долѣе, чтобы мохъ уварился и сообщилъ водѣ свои питательныя части, за симъ воду эту процѣдить сквозь рѣшето или подситокъ, и на ней вмѣсто простой воды вчинять хлѣбъ. Сытости прибавитъ по крайней мѣрѣ четвертая или и третья доля, если поступлено какъ должно: т. е. три мѣшка ржаной или гречишной муки пойдутъ за четыре и болѣе. Это не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Прикажете испытать и удостовѣрить. Хлѣбъ не получаетъ никакого противнаго вкуса или запаха: напротивъ онъ кажется еще вкуснѣе и здоровѣе“.

„Ноября 7-го дня 1830 г. подписалъ Василій Каразинъ“.

Письмо М. П. Погодину.

(1830 года).

„Поздравляю васъ отъ всего сердца на новомъ поприщѣ благотворенія. Донесите пожалуйста князю Дмитрію Владиміровичу, ибо полагаю, что вы ему докладываете лично, что я послалъ подъ адресомъ г. издателю *Московскихъ Вѣдомостей* средство противъ холеры, которое *вѣрно*, лишь бы только было употреблено надъ разнемогающимъ еще. Это Русская баня. Предохранительное же для приѣма внутрь, которое я вамъ, какъ другу, рекомендую, состоитъ въ горькой водѣ, по утрамъ на тощій желудокъ принимаемой. Смѣсь изъ одной части полыни, или одного трилистника и двухъ частей хмелю, въ томъ видѣ какъ онъ хлѣбниками и пивоварами употребляется; наливается кипяткомъ и поставить немножко погрѣть. Сей смѣси одной щепотки на чашку кипятку довольно. Но послѣ должно простудить и пить холодное“.

Выписка изъ прошенія семейства Каразиныхъ, поданнаго
Правительствующаго Сената въ седьмой Департаментъ.

(10 го сентября 1831 года).

Въ слѣдствіе различныхъ нещастій, мое (статскаго совѣтника Василія Назарова сына Каразина) недвижимое имѣніе Слободско-Украинской губерніи Богодуховскаго уѣзда село Кручикъ (въ коемъ по послѣдней ревизіи 340 душъ мужескаго пола, поселенные на 2660 десятинахъ земли) обременено долгами. Сіи долги, какъ извѣстно въ Правительствующемъ Сенатѣ изъ поданныхъ мною прошеній и донесеній Слободско-Украинскаго Губернскаго Правленія—сдѣлались неоплатными. Упомянутое имѣніе бывъ все описано раздробительнымъ образомъ, продается уже многіе годы: и по обстоятельствамъ не находить покупателей. Я съ семействомъ доведенъ до крайности; кредиторы не удовлетворены.

Между тѣмъ Государственные банки представляютъ шастливую возможность заплатить долги сохранить имѣніе въ родѣ нашемъ. Мы, Александра Каразина съ дѣтьми, по двумъ завѣщаніямъ 1807-го года умершихъ Генераль-Маіора Бланкеннагеля и его супруги, моихъ Александры отчима и матери, имѣемъ Московской губерніи: въ столичномъ городѣ домъ приносящій доходъ Мясницкой части 5-го квартала подъ № 422 (не считая обгорѣлаго мѣста Стрѣтенской части 5-го квартала подъ № 627) да въ Звенигородскомъ уѣздѣ село Анашкино съ деревнями, гдѣ на двухъ тысячахъ десятинахъ угодьевъ числится по послѣдней ревизіи мужескаго пола 233 души, которымъ имѣніемъ, по волѣ завѣщателей, владѣемъ нераздѣльно при моемъ Александры онымъ управленіи. Полученія изъ 26-ти лѣтняго банка суммы подъ залогъ обѣихъ имѣній: Слободско-Украинскаго и Московскаго, т. е. какъ принадлежащаго мнѣ первому изъ просителей Василю, такъ и принадлежащаго мнѣ Александрѣ съ дѣтьми, совершенно достаточно будетъ для уплаты моихъ Василя долговъ.—Всѣ мы согласны на сіе распоряженіе; и я первый изъ просителей, въ вознагражденіе такового пожертвованія моего семейства въ мою личную пользу, предоставляю ему вышеупомянутое мое собственное Слободско-Украинское имѣніе все безъ остатка, съ однимъ только условіемъ, чтобы оно по жизнь жены моей, дѣтей моихъ матери, оставалось безъ раздѣла въ ея управленіи; въ случаѣ же ея кончины прежде меня, раздѣлено-бъ было на равныя участки нашимъ семерымъ дѣтямъ въ одно время съ Московскимъ; мнѣ же на содержаніе по смерть мою было бы серебрянныхъ, предоставляя то или другое на мою волю) въ три срока, обезпечивъ сію сумму доходомъ съ вышепоказаннаго Московскаго дома, отъ нихъ платимо ежегодно по 2100 рублей Гос. ассиг. (или по 567 руб.

Разрѣшеніе на таковой залогъ имѣній, изъ коихъ одно описано за долги, другое же принадлежитъ отъ части несовершеннолѣтнимъ (такъ какъ изъ насъ дѣтей Каразиныхъ трое, а именно: студентъ Александръ, Николай, и неподписавшійся, еще осмыслѣтній Валеріанъ не достигли возраста, въ которомъ могутъ располагать своею собственностію) по законамъ предоставлено единственно Правительствующему Сенату. Почему всеподданнѣйше и просимъ дабы Высочайшимъ В. И. В. Указомъ повелѣно было сіе наше прошеніе Правительствующаго Сената въ седьмомъ Департаментѣ принять, и о разрѣшеніи на залогъ въ 26-ти лѣтнемъ банкѣ обѣихъ вышеименованныхъ имѣній: Слободско-Украинскаго и Московскаго, съ тѣмъ чтобы слѣдующая сумма поступила вся въ Слободско-Украинское Губернское Правленіе для удовлетворенія моихъ, статскаго совѣтника Василя кредиторовъ, съ предоставленіемъ намъ Каразинымъ только остатка за общимъ расчетомъ; а между тѣмъ объ остановленіи всѣхъ судебныхъ дѣйствій, клонящихся къ отчужденію за долги изъ роду нашего Каразиныхъ Слободско-Украинскаго имѣнія—учинить разсмотрѣніе.

Вотъ первая милость, которой я стану ожидать отъ Васъ, благовѣрный Государи!.. Сенатъ, не взирая на естественность, справедливость и законность сего прошенія, отказалъ намъ, дабы только сохранить форму. Высочайшее повелѣніе, объявленное чрезъ Министра Юстиціи въ обѣ губерніи и въ банкъ можетъ еще спасти мое имѣніе, заслугу крови пролитой моимъ отцемъ. Безъ того, оно будетъ продано за безцѣнокъ въ первые мѣсяцы наступающаго года.

С. М. Великопольской.

(28-го октября 1831 года).

Милостивая государыня

Софія Матѣевна! ¹⁾).

Съ благодарностію возвращая взятое мною вчера, посылаю 17-й № „Телескопа“ и 42-й „Молвы“. А вы благоволите прежніе №№ возвратить, не трудясь и писать, дабы не замарать черниломъ прекрасныхъ пальчи-

¹⁾ С. М. Великопольская, рожд. Мудрова, — единственная дочь извѣстнаго врача, профессора Московскаго университета Матвія Яковлевича Мудрова (ум. 8-го іюля 1831 г.); она родилась 23-го августа 1815 года, получила прекрасное образованіе, свободно говорила на французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ языкахъ (послѣднему ее обучалъ извѣстный поэтъ—импровизаторъ Джустиніани), играла на арфѣ, пѣла и занималась живописью; вообще, была женщина выдающагося образованія

ковъ, которые побережъ лучше для кисти или арфы. Цѣлуя ихъ мысленно, равно какъ ручку милой маминьки вашей ¹⁾, которую я нѣкогда въ приходѣ Никола въ Гнѣздицахъ на рукахъ носилъ, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ Вашимъ покорнымъ и преданнымъ слугою
Василій Каразинъ.

А. Х. Бенкендорфу.

(13-го ноября 1831 года).

*Ваше высокопревосходительство
милостивый государь!*

Возвратясь домой немедленно пишу къ вамъ—трепещущею рукою. Ради Бога всемогущаго не повредите моему сыну у графа Карла Василіевича ²⁾; и если уже повредили, исправте его какъ нибудь! Сжальтесь надо мною: оставте мнѣ послѣднее его утѣшеніе. Ради Бога! ради самаго Бога сжальтесь! Я, который не привыкъ никому раболѣпствовать, мысленно простираюсь у ногъ вашихъ: умоляю васъ! довольно, уже довольно! Пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ вашего высокопревосходительства всепокорнѣйшій слуга Василій Каразинъ.

13-го ноября 1831 г. М. на Воздвиженкѣ, домъ Кокошкина.

и привлекательности; 13-го ноября 1831 г., т. е. черезъ двѣ недѣли послѣ письма Каразина, Софья Матвѣевна вышла замужъ за Ивана Ермолаевича Великопольскаго (род. 27-го декабря 1797, ум. 6-го февраля 1868 г.; о немъ см. статью въ Сборникѣ „Памяти Л. Н. Майкова“, С.-П.-б. 1902), съ которымъ и раздѣляла всѣ случайности и превратности его бурной жизни; она на много пережила своего мужа, еще въ 1860-хъ годахъ начавъ страдать душевнымъ недугомъ, въ которомъ и скончалась 7-го апрѣля 1897 года въ с. Чуковинѣ, Старидскаго уѣзда Тверской губерніи, гдѣ и погребена рядомъ съ мужемъ.

¹⁾ Софья Харитоновна Мудрова, рожд. Чеботарева, дочь профессора и ректора Московскаго Университета Харитона Андреевича Чеботарева (ум. въ 1815 г.) и жены его Софіи Ивановны, рожд. Вилькинсы, она родилась 1786 г. (слѣдовательно, была моложе В. Н. Каразина на 13 лѣтъ), скончалась 10-го августа 1833 г. въ с. Чукавинѣ, гдѣ и погребена.

²⁾ Нессельроде

Объяснительная записка В. Н. Каразина своего
поступка съ письмомъ А. Х. Бенкендорфа.

(16-го ноября 1831 года).

Вчера, часу въ двенадцатомъ, по возвращеніи изъ концерта, засталъ я у себя прилагаемый при семъ кувертъ, доставленный яко-бы изъ канцеляріи его высокопревосходительства Александра Христофоровича Бенкендорфа. Необыкновенная надпись онаго заставляетъ меня думать, что не болѣе приличія соблюдено и въ самой бумагѣ. Почему и долгомъ благороднаго человѣка почитаю ея возвратить, не распечатавъ.

Одна только вѣроятность могла бы меня заставить принять таковой кувертъ. Въ ономъ могъ бы заключаться рескриптъ Государя Императора? Но во первыхъ, не представляется къ тому ни какого повода; во-вторыхъ Его Величество также милостивъ, какъ и Августейшій блаженной памяти Его братъ, который всѣ шесть рескриптовъ, коими меня въ разное время удостоилъ, изволилъ собственноручно (кромѣ двухъ) надписывать, называя по имени и отчеству. Такимъ же образомъ—съ прибавленіемъ Его Высокородію, былъ написанъ весьма милостивый рескриптъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, который я имѣлъ щастіе получить изъ Тульчина въ 1829-мъ году. Въ 1830-мъ и въ нынѣшнемъ, даже на сихъ дняхъ (даже сего утра) имѣлъ я честь получать отзывы первѣйшихъ особъ въ Имперіи, изъ коихъ ни въ одномъ не была забыта употребительная вѣжливость а на противъ!

Отъ его высокопревосходительства зависить приказать мнѣ (если нужно) чрезъ своего адъютанта, а подобныхъ отношеній я не прииму, имѣя честь быть русскимъ дворяниномъ—не говоря о моихъ заслугахъ Отечеству и о личномъ уваженіи, коимъ я въ немъ пользуюсь отъ всѣхъ знающихъ мое имя, благонамѣренныхъ особъ. Довольно уже и того, что я снесъ до сихъ поръ.

Василій Каразинъ.

16-го ноября 1831 года. М—ва на Вздвигенкѣ, д. Кокошкина.

Р. S. Ежели ето отвѣтъ на мою прозъбу, то принеся ее въ самыхъ почтителныхъ, даже уничижительныхъ для себя выраженіяхъ, я ничего такого не заслужилъ. Въ смертельномъ страхѣ просилъ я о сынѣ, четвертомъ изъ семерыхъ моихъ дѣтей, кои несчастны по милости Александра Христофоровича. (Ибо самъ Государь, высокою Его особою, не можетъ имѣть противъ меня давно пораженнаго, ни чего, во вся ни чего)! Но

буде (предположимъ)! я ошибаюсь въ моемъ мнѣніи, да оправдится А. Х. предъ честнымъ семействомъ такъ, какъ оправдываются обыкновенно честные, истинно-благородные люди—т. е. благодаріемъ. Это самое я и намѣкалъ въ первыхъ числахъ сего мѣсяца: но былъ встрѣченъ и провоженъ бранью, предъ лицомъ лакеевъ, въ передней!.. Но еще и теперь, уважая въ Александрѣ Христофоровичѣ особу, уважаемую моимъ всемілостивѣйшимъ Государемъ, я на томъ-же основаніи простираю руку—отъ всего сердца готовъ забыть прошедшее.

С. Н. М у х а н о в у ¹⁾.

(20-го ноября 1831 года).

Когда его высокородію г-ну правящему должностъ Московскаго оберъ-полицеймейстера угодно было, предъявивъ мнѣ, извѣстный мнѣ уже конвертъ, присланный чрезъ жандарма изъ канцеляріи его высокопревосходительства Александра Христофоровича Бенкендорфа 15-го сего ноября за его фамиліюною печатью и надписанный безъ всякаго приличія г. Каразину № 371 ²⁾ на Воздвиженкѣ, въ домѣ Кокоткина, сказать при томъ, что онъ заставитъ, принудитъ меня вскрыть оный извѣстнымъ ему образомъ, и прочее (слѣдовательно насильно) и когда я возразилъ, что отъ него зависитъ вскрыть самому, то я долгомъ чести російскаго дворянина почелъ, оный конвертъ уничтожить въ ту же минуту не распечатывая, ибо въ противномъ случаѣ я долженъ бы читать непріятныя и оскорбительныя для меня вещи, подобныя тѣмъ, кои я уже слышалъ въ передней его высокопревосходительства, какъ я о томъ въ моей запискѣ и объяснилъ въ канцелярію ³⁾. Я же, какъ лично, такъ и чрезъ письмо мое отъ 14-го помнится, не нарушилъ пристойности, а на противъ, можетъ быть и униженно просилъ: 1-е о возвращеніи мнѣ чрезъ докладъ его обо мнѣ правъ моихъ ⁴⁾; 2-е о пощаженіи третьяго моего

¹⁾ С. Н. Мухановъ—чиновникъ канцеляріи шефа жандармовъ А. Х. Бенкендорфа.

²⁾ Въ прочемъ сомнѣваюсь тотъ ли № ибо сей кувертъ могъ быть переписанъ послѣ.

³⁾ Смыслъ на сію записку, прилагаю и другія бумаги подъ литерами А, В, С, D, E, F, G, H, I, K, L, M.

⁴⁾ Мнѣ до сихъ поръ запрещено: 1-е вѣздъ въ С.-Петербургъ...“ въ предъ до повелѣній, такъ сказано въ 1825-мъ году; и сего повелѣнія я жду и испрашиваю чрезъ Его адъютанта ибо чрезъ него были препровождены мои бумаги къ Его Императорскому Величеству. 2-е издаваніе чего-либо изъ сочиненій моихъ, даже до земледѣлія и пр. относящихся.

сына, который опредѣляется по иностранной части: ибо прочіе дѣти всѣ довольно уже со мною вмѣстѣ несчастны ¹⁾.

Не могу я не обвинить въ этомъ Александра Христофоровича, ибо онъ докладывалъ по дѣламъ моимъ Государю Императору нѣсколько разъ, и все со вредомъ мнѣ. Недоброжелательство свое онъ доказалъ даже пріемомъ своимъ, едва увидивши меня кричалъ при слугахъ, продолжая это въ передней еще, такъ что я опасаясь большей непристойности ушелъ. Я же предъ лицомъ Его Величества ни въ чемъ не виноватъ, и за шастіе величайшее въ жизни почелъ-бы услышнть отъ Него изустно, въ чемъ меня обвиняють (ибо я скорѣе могу ожидать Высочайшей награды, какъ ревностный сынъ отечества).

О семъ-то, а именно о свиданіи съ Августѣйшимъ моимъ Монархомъ, только въ продолженіи десяти минутъ, я не перестаю умолять съ возшествія Его Величества на престолъ; и никто кромѣ Александра Христофоровича не могъ полагать сему препоны. Въ прошломъ году еще просилъ я объ этомъ, но по прошествіи девяти мѣсяцевъ получилъ письмо его высокопревосходительства (въ которомъ выставлено не только все имя мое, извѣстное ему и давно, какъ знакомцу моему по Харьковской губерніи, но и всѣ возможные учтивости)! въ коемъ объявляетъ, что по прошенію моему принесенному чрезъ генераль-адъютанта Адлерберга повелѣно ему же (т. е. Ал. Х.) отобрать отъ меня все что я имѣю сказать Государю. Я на сіе письмо (видя бесполезность) по нынѣ не отвѣчалъ.

Статскій совѣтникъ и кавалеръ Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ.

С. Н. М у х а н о в у.

(21-го ноября 1831 года).

Милостивый государь
Серій Николаевичъ!

Говоря о многомъ въ кабинетѣ вашемъ сего утра, забылъ я сказать объ одномъ, что у меня было на мысли прошедшей ночью. Но вы меня такъ торопили!.. Пускай же это напишу, въ прибавленіе-ли къ моимъ бумагамъ, или собственно для васъ: какъ сами разсудите изволите.

¹⁾ Дочь одаренная всѣмъ отъ природы и не бѣдная, сохнеть въ дѣвствѣ: ей теперь 26 лѣтъ. Она не имѣла ни одного жениха по нынѣ. Сынъ, съ рѣдкими способностями, что доказалъ онъ книгою Излюдомеръ, изданною имъ на 18-мъ году еще возраста. Жена въ горести, все имѣніе разорено вслѣдствіи моего заключенія, истинно безвиннаго. Но о семъ много писать должно: и я напишу, если прикажутъ.

Припомните, я думаю, изъ обстоятельствъ проѣзда вашего, чрезъ Харьковъ съ турецкими сановниками, что я Галиль-Решидъ-пашѣ подносилъ экземпляръ Иліометра моего Василия. Это было не безъ мыслей, которые теперь, весьма къ статѣ, изъясню. Бывъ за живо зарѣзанъ въ Россіи, вмѣсто предполагаемыхъ въ упованіи моемъ наградъ, кои не премѣнно излились бы ¹⁾ на безвиннаго страдальца-патріота, лучшаго друга своихъ добрѣйшихъ Государей (ибо я имъ, жертвуя всѣмъ бытіемъ моимъ, не переставалъ говорить правду)! я собирался въ Стамбуль, чтобъ тамъ окончить остальные, уже не многіе дни мои! Я мечталъ предложить идею объ основаніи университета въ Софіи, отечествѣ моихъ предковъ, бугаръ; и для того воспользовался случаемъ, чтобы приобрести покровителя. Онъ, т. е. университетъ, вѣрѣ (хотя и улыбнитесь!) былъ бы лучше моего испорченнаго, и до сихъ поръ портимаго Харьковского: ибо не иному, какъ мнѣ же, было-бы ввѣрено приуготовленіе къ нему людей и надъ нимъ начальство. Но вскорѣ полученное мною извѣстіе о путешествіи Государа Императора по западнымъ губерніямъ переменило сію мысль. Я рѣшился еще разъ попытаться, лично повергнуться къ Его ногамъ и раскрыть ту недовѣдомую тайну, за которую я безвинно страдаю со всѣмъ моимъ семействомъ. По чему я и писалъ, просилъ аудіенціи, сдѣлаю, въ продолженіи пути. Но—о горе! получилъ тотъ отвѣтъ, о которомъ я упоминалъ въ моей сегодняшней запискѣ. Симъ все и кончилось.

(До сихъ поръ, было написано 20-го предъ обѣдомъ, такъ и осталось за недосугами!) 21-го ноября. Не пославъ вчера сего письма, дополняю его теперь. 1-е къ потеряннымъ правамъ прибавте еще 3-е потерю аппеляціи въ Сенатъ. И объ этомъ должно вспомнить А. Х.! Да и много важнаго я не написалъ, ибо вы стояли у меня надъ шеею, читая въ слѣдъ каждое слово, каждую литеру. Етакъ не дѣлаютъ и съ Государственными преступниками. Пускай! Вы дѣйствовали по имянному повелѣнію я иначе и разумѣть не могу ²⁾. Ибо какъ Вамъ иначе, прислать квартальнаго за почетнымъ отцомъ семейства, Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ, запирать его въ своемъ кабинетѣ, выталкивать его жену и прочее?

А. Х. отпирается теперь отъ всякого знакомства со мною не зная де и имени, и имѣю ли я дѣтей и пр. лучше всего спросите Супругу Вашу она можетъ Вамъ сказать, что имя мое было довольно извѣстно

¹⁾ Разумѣется, еслибъ не безпрестанно подновляемая очерненія В. К.

²⁾ Въ тороняхъ и замѣшательствахъ, въ какое приводило меня наипаче присутствіе бѣдной жены, я не вспомнилъ спросить Васъ о семъ также чрезъ какое посредство, или не посредственно, изъ Усть, оное получили.

въ домѣ Маріи Дмитріевны, тесть Вашъ ко мнѣ милостивъ, равно какъ и Графиня. У насъ найдутся и письма отъ нихъ пріятельскія въ украинской деревнѣ.

Я и не мыслю тянутся съ А. Х. Богъ съ нимъ! Пускай себѣ на долго еще жандармитъ и страшаетъ народъ слѣдствіями (хотя правду сказать лучше, если-бы такъ дѣйствовать, чтобы Царя вездѣ благословили честные люди!) Но—да помилуетъ онъ и меня наконецъ; Ему, охотно предоставляю честь должнаго за меня ходатайства, и готовъ доставить ему записку о себѣ. Вотъ и примиреніе!

Но онъ кричалъ, размахивая руками: „этому не бывать, не бывать“. По чему-жъ не бывать, Милостивый Государь? Чѣмъ я грѣшнѣе прошаемыхъ теперь измѣнниковъ польскихъ? Я, котораго цѣлая жизнь (позволено въ такомъ случаѣ сказать о себѣ, гордо самую истину!) есть цѣль полезныхъ дѣлъ, которой себя никогда ни чѣмъ недостойнымъ не запятналъ. „Смѣлъ—де, уменъ де съ лишкомъ, дерзко де писать! Слѣдовательно, за это и погубить его?“ А, милостивые государи, Бога убойтесь!

Вашъ покорнѣйшій слуга Василій Каразинъ.

21-го ноября 1831 года въ часъ по полудни.

Еще P. S. и въ немъ печальное замѣчаніе для XIX-го вѣка.

Худо, право! Что мы, въ Россіи, не хотимъ узнать другъ друга. Безъ нарочнаго, Высочайшаго повелѣнія у насъ нѣтъ и достоинствъ. И чуть чуть кто сидитъ по выше у должности, тотъ готовъ толкать въ затылокъ всякаго кто ему не представляется. Это болѣе нежели азіатизмъ! (Бросьте его)!

Императору Николаю Павловичу.

(31-го декабря 1831 года).

Государь Всемилоостивѣйшій!

Прошеніе мое, принесенное чрезъ посредство Московскаго генералъ-губернатора вѣроятно уже рѣшено. Но тѣмъ не менѣе я отваживаюсь бесѣдовать съ моимъ самодержцемъ. Я употреблю для сего языкъ простосердечія (слѣдовательно и правды): таковой языкъ любилъ безсмертный Твой прадѣдъ, Петръ Великій.

Приключеніе, за которое я предъ публикою древней русской столицы такъ уничижительно пострадалъ, состояло вотъ въ чемъ: (Удостой

читать со вниманіемъ: я донесу такія истины, которыя ни коимъ инымъ образомъ не могли-бы быть обнаружены).

Нечаянно случилось (11-го генваря 1830-го года) по поводу избранія меня (въ 1828-мъ году) Слободско-Украинскою губерніею въ кандидаты предсѣдателя уголовной палаты, что дѣйствія тайной Экспедиціи, кои никогда еще не смѣшивались съ судомъ по законамъ, обнаружены самымъ громкимъ образомъ именно провозглашены въ Харьковской Кафедральной церкви во время сѣзда дворянства для выборовъ и къ ярманкѣ, предъ многочисленнымъ всякаго званія, пола и возраста.

Мнѣ, предмету таковой нелѣпости, пропустить ее безмолвно не позволяли ни лѣта мои, ни смѣю сказать значеніе въ обществѣ, ни званіе отца дочери невѣсты и шестерихъ сыновъ, одинъ за другихъ вступающихъ въ службу. Всякой-бы могъ, указывая на меня пальцемъ, сравнивать меня съ Мазепою и Пугачевымъ, ибо о нихъ лишь раздавалось въ храмахъ позорное провозглашеніе. Кто захочетъ быть зятемъ такому человѣку? И не подвергалъ ли я сыновей насмѣшкамъ, отъ коихъ бы имъ житья не было и безчисленнымъ поединкамъ въ военной службѣ. Самое Правительство было заинтересовано въ семъ случаѣ. Ибо не даромъ Его дѣйствія внѣ законовъ не имѣютъ ни какого публицитета. Опустивъ сію завѣсу, мнѣніе цѣлаго свѣта и собственное наше ставить Россію въ число образованныхъ земель, управляемыхъ законами. Отнявъ ее—мы въ Азіи!... Всѣ министры изъ древле, всѣ Государи, отъ Алексѣя Михайловича учредителя тайной, до Вашего Императорскаго Величества сіе чувствовали. Наказанія сего рода, такъ сказать комнатныя, не имѣли на службу (ни по Высочайшему назначенію, ниже по выборамъ) ни малѣйшаго вліянія. Мой бывший Орестъ, Сперанскій, послѣ ссылки, сдѣлавъ генералъ-губернаторомъ Сибири; я, бывший его Пилладъ, послѣ подобной-же опалы, былъ избираемъ въ члены разныхъ ученыхъ обществъ, и губерніею въ почетныя званія совѣстнаго судьи и уголовного предсѣдателя. Само собою слѣдуетъ такъ сказать математически, что если бы когда нибудь наказаніе по тайной было обнаружено въ дѣйствительный уронъ чести наказаннаго (что и случилось первый разъ, можетъ быть, въ теченіе двухъ столѣтій), то оно должно быть вознаграждено какою либо Высочайшею милостію, которая бы водворила его въ первобытное состояніе и доказала, что въ Россіи не казнятъ безъ суда. Александръ Христофоровичъ понимаетъ иначе сію важную истину. Не отвѣчавъ мнѣ ни на одно мое прошеніе, онъ и официальное (на гербовой бумагѣ) то-которое я препроводилъ на имя управляющаго Министерствомъ Юстиціи, во которое къ нему по связи дѣлъ перешло, оставилъ безъ всякаго отвѣта. Симъ образомъ затворилъ онъ мнѣ и послѣдній, еще остававшійся

путь къ особѣ сколько мудраго столько и милостиваго Государя, которому одному предлежало разрѣшить судьбу моего семейства, одиннадцать лѣтъ безвинно (совершенно безвинно!) страдающаго къ соблазну тысячей другихъ. Надежда предстать лично когда нибудь была уже отнята у меня письмомъ его (А. Х.) отъ 23-го сентября 1830-го года за № 3807-мъ и прежнимъ, искусно объявленнымъ повелѣніемъ не вѣзжать въ С.-Петербургъ (Богъ вѣдаетъ по какой причинѣ! ибо чѣмъ, человѣкъ нѣжно любимый въ продолженіи трехъ лѣтъ Александромъ благословеннымъ, хуже всѣхъ четырехъ сотъ тысячъ, живущихъ въ сей столицѣ?); съ г-мъ Лонгиновымъ я давно во враждѣ, назвавъ его въ отвѣтъ на грубое письмо его къ женѣ моей, поповичемъ: и онъ успѣлъ уже, въ наилучшее сему доказательство, кинуть мнѣ въ глаза, нераспечатанный кувертъ и экземпляръ книги, право! не недостойной мѣста, куда она была назначена, яко первая еще въ своемъ родѣ въ Россіи. Мнѣ не оставалось другаго средства, какъ съ сильнѣйшимъ изъ двухъ поссорится гласно, чтобы вмѣстѣ съ ссорою довести и самое дѣло до Высочайшаго свѣдѣнія. Подобно тому Государь, донесу я, продолжая въ томъ же простосердечіи, какъ и началъ, у насъ дворянъ въ передней иногда, обиженный, умышленно подниметь шумъ, чтобы господинъ самъ оглянулся. И обыкновенно тотъ, кто симъ образомъ ищетъ управы, первый получаетъ пощечину отъ господина: что и со мною случилось. Но умной господинъ, въ слѣдъ за симъ начинаетъ уже допросъ... И Ваше Императорское Величество конечно также поступите.

Въ прочемъ, и въ самомъ шумѣ етомъ, Александръ Христофоровичъ гораздо болѣе меня виноватъ: ибо онъ самоуправно (мимо генералъ-губернатора, который есть одинъ начальникъ полиціи) далъ приказаніе исправляющему должность оберъ-полицеймейстера меня принудить распечатать кувертъ, прежде, весьма учтиво ему только возвращенный. Неприличныя выраженія: „я имѣю средства васъ принудить“ (чѣмъ? побоями, или голодомъ)? Заставили меня изорвать кувертъ. И при томъ, о Государь! что и за святыня кувертъ стотъ!... Онъ содержалъ партикулярный отвѣтъ на партикулярное письмо: и печать и номеръ (371-й по приведенному выше №, стотъ долженъ быть по крайней мѣрѣ 4600, если-бы онъ принадлежалъ къ бумагамъ по должности) то доказывали на ряду съ содержаніемъ того и другого. Генералъ-Адъютанта или шефа Императорской квартиры и въ поминѣ не было! А во всякомъ другомъ случаѣ, Каразинъ стоить Бенкендорфа: Вы лучше насъ обоихъ это знаете. Приласкайте перваго, добрѣйшій Государь, за безвинно данную ему пощечину! Не бойтесь золотой челяди окружающей Васъ, предъ ко-

торую, смѣлою правдою только (доказанною 14-мъ декабря и 17-мъ ноября) виновать вѣрноподанный, душевно-преданный Василій Каразинъ.

Село Кручицъ Слободско-Украинской губерніи 31-го декабря 1831-го года.

Р. С. Пожалѣйте о моемъ семействѣ, добрѣйшій Государь! Данная мнѣ пощечина пала и на него: она далеко и громко раздается въ Россіи. Ибо—что ни говори ети господа: имя мое въ ней извѣстнѣе—было, есть и будетъ ихъ именъ, тускло отсвѣчивающихся только на подписяхъ объявляемыхъ повелѣній (“взять, сослать, запретить, и проч.) Съ какого повода они выставляютъ меня предъ Вами, подобно какъ Фамусовъ Чацкаго, карбонаріемъ?... Пусть въ доказательство сошлутся хотя на одного свидѣтеля, хотя на одну строку моей руки! Пять сотъ человѣкъ, можетъ быть, допрошены: показалъ-ли кто на меня? Подсланы были даже.... Не я-ли, скрывъ имя говорилъ о Васѣ достойнымъ образомъ и теперь въ Москвѣ? Не я-ли обращалъ вниманіе на то, что портреты Ваши, какъ-бы умышленно представляющіе Васѣ иностранцомъ и суровымъ, ни чуть на Васѣ не похожи? Значительное лице Ваше привлекаетъ, между тѣмъ какъ портреты грозятъ: оно есть прекрасная середина изъ фізіономій Маріи и Александра, не забвенныхъ для любви и художествъ. Не я ли восхитилъ Донцовъ описавъ имъ прїѣздъ въ Москву высокаго прелестнаго ихъ атамана (въ письмѣ къ директору училищъ въ Черкасскѣ)? Не я-ли, и прежде, въ 1816-мъ году еще, какъ-бы предугадывая въ Васѣ Государя (къ чему, кто-знаетъ! не первую-ли мысль я же бросилъ, обративъ вниманіе въ Бозѣ почившаго на пророческіе стихи Державина, въ 1802-мъ году, при одномъ случаѣ, стѣснившемъ Его сердце?) искалъ показать Вамъ мои сельскія учрежденія? Какъ щастливымъ я себя съ женою почелъ въ 1820-мъ году, что милая Ваша великая Княжна доѣхала домой въ нашемъ экипажѣ!...

Одно опредѣленіе сыновей въ службу, безпокоя о семъ даже Августѣйшую Особу Вашу, доказываетъ привязанность мою къ существующему порядку. Вотъ уже и четвертый теперь поступаетъ въ морской либимый Вами корпусъ!... Такъ! я желаю, чтобъ Вы сдѣлали щастливымъ Свой народъ сообразно вѣку, которой не есть XVI-й, ни XVII-й. Но—почитать смѣлаго человѣка, жертвующаго собою иногда въ сокровенной ото всѣхъ бесѣдѣ, за одно съ врагомъ, точащимъ въ тайнѣ ножъ, или какъ бы на площади дѣйствующаго языкомъ ¹⁾!... О Государь! Для чего мнѣ не можно теперь всего высказать!

¹⁾ Удостойте спросить у Дмитрія Васи́левича (благороднѣйшаго изъ Министровъ Вашихъ) партикулярное мое письмо отъ 2-го или 3-го февраля 1830-го года, если оно сохранилось.

Довѣренность данная Каразинымъ поселянину Кручика Д. Я. Зайченку на веденіе дѣла по отсрочкѣ введенія графа П. Петровича во владѣніе имѣніемъ Каразина Кручикомъ.

(6-го марта 1832 года).

Данило Яковлевич!

Какъ отецъ семейства, дворянинъ и помѣщикъ, имѣю я, или впредь могу имѣть дѣла, которые требуютъ моего у правительственныхъ особъ, или въ присудственныхъ мѣстахъ ходатайства. Но какъ я оное по моему положенію рѣдко предпринимать могу непосредственно и лично, то поручаю тебѣ дѣйствовать во всѣхъ таковыхъ случаяхъ вмѣсто меня самого: а именно имѣть по дѣламъ моимъ ходженіе, выполняя отъ лица моего весь предписываемый законами обрядъ, подавая прошенія и другія бумаги, говоря судъ, слушая выписки и рѣшительныя распоряженія, подписывая удовольствія и неудовольствія, внося на апелляцію, куда слѣдуетъ, и прочее: словомъ заступая совершенно мое лицо. Въ чемъ я тебѣ вѣрю; и что по сему, законно, на основаніи моихъ тебѣ наставленій (которые во всѣхъ особливо важности случаяхъ имѣешь ты долгъ требовать отъ меня на письмѣ и хранить въ свое оправданіе предомною и моими наслѣдниками), ты впредь ни учинишь, я спорить и прекословить не буду, пребывая съ моимъ къ тебѣ увѣреніемъ твоимъ усерднымъ доброжелателемъ. Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ, стат. сов. и кавалеръ, помѣщикъ Слободско-Украинской губерніи Богодуховскаго уѣзда. Марта 6-го дня 1832 года. Принадлежитъ Кручанскому поселянину Д. Я. Зайченку“.

Слободско-Украинскому прокурору ¹⁾.

(15-го апрѣля 1832 года).

„Прибѣгаю къ вамъ, м. г., какъ къ покровителю данному мнѣ закономъ, и въ такихъ обстоятельствахъ, отъ которыхъ зависитъ конечное раззореніе моего изъ девяти лицъ состоящаго, семейства. Вѣроятно въ слѣдующій понедѣльникъ будетъ постановлено въ здѣшней палатѣ гражданскаго суда о принятіи или непринятіи суммы 24331 р. 49 к., внесенныхъ въ оную мою дочь, дѣвицею Пелагеею, въ уплату остатка

¹⁾ По поводу рѣшенія гражданской палаты объ отобраніи части Кручика для графа Подгоричани, самъ Каразинъ обратился со слѣдующимъ объясненіемъ къ Слободско-Украинскому губернскому прокурору:

долга моего по закладной данной мною умершему помѣщику Куликовскому, а отъ него перешедшей къ помѣщику графу Подгоричани Петровичу. Принявъ сію сумму палата удовлетворяетъ закону; не принявъ ее исполняетъ также свою обязанность: все зависитъ единственно отъ той или иной точки зрѣнія. Обстоятельства сего дѣла суть слѣдующія:

Заложенное имѣніе, 149 душъ съ соразмѣрнымъ количествомъ угодій изъ села моего Кручика, оцѣнено въ 86 тысячъ съ сотнями рублей; самъ графъ Подг. Петр. на послѣднемъ торгѣ въ здѣшнемъ Губернскомъ Правленіи высуливъ за оное 37000, особымъ отзывомъ, надалъ еще 5000 рублей на сію сумму. При переводѣ продажи въ столицу не явилось покупателей; (ибо и вообще продажа была ведена слишкомъ безпорядочно, какъ замѣтилъ я въ моемъ прошеніи, предоставленномъ 18 генваря сего года въ палату гражданскаго суда). Въ слѣдствіе отвѣтнаго Высочайше конфирмованнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, опись обращена какъ въ Губерн. Правленіе, которое отнеслось въ палату о выдачѣ кредитору данной. Но оная еще не выдана и даже узаконенной бумаги на оную и пошлины отъ него еще не получено. Между тѣмъ послѣ тщетныхъ убѣжденій его со стороны нашего семейства удовольствоваться должными деньгами и такового же приданія (?) другой помощи, дочь моя рѣшилась пожертвовать почти всѣмъ, что ей слѣдуетъ отъ наслѣдства завѣщаннаго ей (вмѣстѣ съ братьями ея) дѣдомъ и бабкою. Она 6-го числа сего мѣсяца внесла въ палату должную сумму всю сполна. Намъ не извѣстно, опредѣлила ли уже палата о выдачѣ данной или нѣтъ. Но во всякомъ случаѣ было бы, право (?), жестокостію несообразною съ милующимъ закономъ, лишить дѣвицу заслуги совершить доброе ея дѣло въ пользу своего родителя и своего семейства, а вмѣсто того меня заставить заплатить за 24 тысячи рублей имѣніемъ, по истинѣ, въ четверо болѣе стоящимъ. Отвергнувъ прошеніе моей дочери и предавъ безвинныхъ поселянъ владѣнію новаго помѣщика, которое они почитаютъ крайнимъ для себя несчастіемъ (это доказано изслѣдованіемъ г-на уѣзднаго предводителя дворянства въ 1828-мъ году по порученію сенатора ревизовавшаго губернію), палата не удовлетворяетъ ни одной изъ моральныхъ потребностей общества, составляющихъ высшую цѣль законовъ. Напротивъ, принимая его дѣлается большое добро—и многимъ лицамъ сверхъ законнаго удовлетворенія кредитора. 1-е Имѣніе остается въ родѣ, которому оно Верховною властію было пожаловано за особливый заслуги и пролитую кровь. 2-е. Люди остаются въ прежнемъ своемъ положеніи, которымъ они издавна были довольны. А ихъ болѣе трехъ сотъ душъ обоего пола. 3-е. Это имѣніе можетъ быть въ виду для прочихъ моихъ кредиторовъ, если-бъ я потерялъ надежду (о коей изъ приложе-

нія въ подлинникѣ ваше высокородіе судить можете) расчесться съ ними иначе. 4-е. Кредиторы графа Подг. Петров., давнымъ давно ропщущіе на него и на судебныя мѣста, получать значительную сумму и будутъ благословлять то, которое имъ оную доставило.

Все что ни имѣю я честь представить вамъ, мил. гос., есть самая чистая истина, безъ малѣйшей натяжки: почему я и остаюсь увѣреннымъ, что вы будете на нашей сторонѣ, уже по долгу службы. Слѣдовательно излишнимъ почитаю интересовъ благородное сердце ваше малозаслуженными нашими нещастіями.

Василій Каразинъ.

Село Кручицъ. 15-го апрѣля 1832 года⁴.

Письмо неизвѣстному.

(Майя 7-го 1832 года). Село Крутикъ, Богодуховскаго уѣзда.

Милостивый мой Иванъ Михайловичъ! Повинную голову мечъ не сѣчетъ! воскликну я одною изъ вашихъ пословицъ. Винюсь предъ вами въ томъ, что не отвѣчалъ на почтенное письмо ваше съ приложеніемъ весьма цѣннаго для меня подарка, второй части Филолатовскаго вашего труда. Не припишете его неблагодарности, небреженію, лѣности и пр. ради Бога! Но что дѣлать, когда я упражненъ до нельзя! Отъ нынѣшняго времени, т. е. какихъ нибудь двухъ, трехъ недѣль еще, зависить, почти все мое съ семействомъ моимъ благосостояніе. Но дѣла взяли щастливый, можно сказать неожиданный оборотъ. Половина моего имѣнія, готовая отъ меня отойти, возвращается и Государь удостоиваетъ принимать въ етомъ и въ возвращеніи мнѣ чести личное участіе. Въ чемъ я уже извѣщенъ рескриптомъ. Потерпите добрые мои друзья! писать къ вамъ стану по прежнему и вы со мною вмѣстѣ порадуетесь. Захваченныя въ торопяхъ бумаги, принадлежація историческому обществу, я—или изъ рукъ въ руки вамъ отдамъ, съ исполненіемъ взятаго на себя труда—или же пришлю: то и другое не въ продолжительномъ времени. Простите! Рука не движется ибо я усталъ отъ дороги, приѣхавъ только въ сей день домой. Пріймите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и таковой же благодарности. Вашъ покорный и преданный слуга В. Каразинъ.

Р. С. Житіе Платона я рекомендовалъ многимъ. Поспѣшите прислать на первый случай два полные экземпляра, приложивъ и для меня первую часть, ибо я оной еще не имѣю. А я доставлю вамъ за нихъ деньги.

Т. И. Селиванову.

(1-го августа 1832 года).

Столь короткое время мы видѣлись въ Харьковѣ, милостивый государь Тимоѣей Ивановичъ, что я не успѣлъ васъ спросить, получили-ли вы отвѣтъ Платова, хочеть ли онъ испытать мое средство—да и нужно ли полно его пользоваться? Можетъ статься, онъ не въ такомъ и состояніи, какъ мнѣ сказывали? такъ, что въ жары . . . запахъ всѣхъ приближающихся беспокоить.

Если графъ Иванъ Матвѣевичъ отвѣчалъ вамъ, что онъ жадаеть испытать мое средство, то вы въ бытность свою теперь въ Харьковѣ можете и получить его. А именно, я большую склянку онаго съ симъ намѣреніемъ, кажется за мѣсяцъ уже оставилъ у Сократа Васильевича Фотіева, посмотрите только прежде, хорошо ли закупорена и плотно ли уложена въ ящичкѣ, нарочно для того мною сдѣланномъ. Примите и доставьте графу: а о употребленіи я писать особо буду въ такомъ случаѣ. Спросите, пользуясь теперешнимъ вашимъ посѣщеніемъ Харькова, у извѣстнаго виолончелиста Стодлера, котораго я излѣчилъ бузиною эссенціею, какъ хорошо она дѣйствуетъ. Простите! Пошли вамъ Богъ всего наилучшаго! Вашъ преданный слуга

В. Каразинъ.

Село Кручи. 1-го августа 1832 года.

Р. S. Если есть что новаго въ Харьковѣ, увѣдомите. Я оттуда уѣхалъ 29 іюля.

Т. И. Селиванову.

(29-го октября 1832 года).

Милостивый государь
Тимоѣей Ивановичъ!

Вы имѣете теперь случай премного одолжить меня. Я думаю, Вамъ памятенъ сколько-нибудь мой воспитанникъ Рогинскій, гимназическій ученикъ. Послѣ разныхъ перемѣнъ, выгодныхъ для него и невыгодныхъ, онъ теперь помѣщается смотрителемъ въ Усть-Медвѣдицкую станицу. Слѣдовательно, подъ ваше начальство. Нельзя ли какъ нибудь убѣдить тамошнихъ богачей прислать ему маленькое денежное пособіе на проѣздъ

отъ Харькова? Онъ теперь тамъ, и, конечно, къ вамъ писать будетъ сѣмша, какъ и должно, поручить себя въ Ваше благорасположеніе. Примите увѣреніе въ томъ истинномъ почтеніи къ вамъ, которое никогда не перемѣнится. Вашъ преданный слуга

В. Каразинъ.

Село Кручикъ, Богодуховскаго уѣзда. 29-го октября 1832 года.

Т. И. Селиванову.

(1832 года).

Милостивый государь

Тимовой Ивановичъ!

Вручитель послѣдняго письма вашего, (отъ 3-го августа), О. А. Быковский, сказывалъ мнѣ, что вы отъѣзжаете на Донъ. Неужели ранѣе 15-го? дождитесь, пожалуйста, хотя Царскаго приѣзда; обстоятельства могутъ перемѣниться. Вѣрьте, что не даромъ В. И. ожидаемого съ мая еще, понынѣ здѣсь нѣтъ. И жаль будетъ вашихъ сборовъ съ семействомъ и издержекъ на подъемъ! Вашъ вѣрный почитатель и усерднѣйшій слуга

В. Каразинъ.

7-го апрѣля. 11-го апрѣля я въ Харьковѣ.

Харьковской Палатѣ гражданскаго суда ¹⁾.

(20-го декабря 1832 года).

1-е. Болѣе осьми мѣсяцевъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ дочь моя дѣвица Пелагея представила въ палату 24 тысячи съ сотнями рублей на удовлетвореніе кредитора моего, и болѣе четырехъ уже какъ Прав. Сенатъ (въ слѣдствіе донесенія палаты) сдѣлалъ о сей безъ малѣйшей для кого либо пользы остающейся . . . суммѣ, рѣшительное постановленіе. Оное мнѣ въ законной формѣ понынѣ не объявлено, и по извѣренію графа, по крайней мѣрѣ до исходу марта мѣсяца слѣдующаго года объявлено не будетъ. Въ доказательство чего прислано имъ около 100 штукъ рогатаго скота на зимовлю въ село Кручикъ не въ давнемъ времени; и

¹⁾ Обращеніе В. Н. Каразина въ палату гражданскаго суда по поводу казенной недоимки, числявшейся на части его имѣнія, находившейся во временномъ владѣніи графа П. Петровича.

нѣсколько дней спустя, а именно 12 числа сего мѣсяца, подано отъ супруги его прошеніе въ дворянскую опеку о введѣ ея паки во владѣніе состоящимъ въ залогѣ моимъ имѣніемъ, которое за невзносъ казенной недоимки было 20 іюня сего года отдана въ опеку, на основаніи томъ, что оная недоимка изъ моихъ денегъ, (какъ и доводилъ я до свѣдѣнія гражд. палаты въ прошеніи моемъ отъ 13 декабря) уплачена.

2-е. Что сіе основаніе не въ пользу графа Подг. Петр., то палата уже видѣла изъ копій опредѣленія уѣзднаго суда, представленнаго мною сенатору Мечникову и при предложеніи его поступившаго въ оную. Кроме представляю засвидѣтельствованную копию другого опредѣленія того же суда, которому рѣшительное о семъ постановленіе и расчетъ учинить отъ Губернскаго Правленія было предоставлено и проч. просить не возвращать Подг. Петр. имѣнія, которое должно мнѣ быть возвращено, или оставлено въ опекѣ до окончательнаго разрѣшенія моихъ домовыхъ дѣлъ и о пощадѣ такимъ образомъ меня и моихъ поселянъ отъ послѣдняго разоренія и бѣдства.

Что же оказанная графомъ несправедливость угрожаетъ не только мнѣ, но и моимъ поселянамъ, по меньшей мѣрѣ, тремъ стамъ человѣческимъ существамъ обоого пола, въ томъ приношу у сего убѣдительное доказательство ¹⁾“.

Харьковской Палатѣ гражданскаго суда ²⁾.

(1-ю февраля 1833 года).

Имѣющая со мною дѣло по довѣренности мужа своего и проч. показываетъ бездогодно несправедливость на одного изъ почетныхъ членовъ Слободско-Украинской гражд. палаты, хвалясь вѣроятно также бездоказательно особливою благосклонностію къ себѣ всѣхъ прочихъ: яко-то совѣтника Михаила Григорьева сына Ковалевскаго, членовъ изъ купе-

¹⁾ При этомъ была представлена Каразиннымъ копія съ донесенія во врачебную управу штабъ-лекаря Фишера о причинѣ смертности и болѣзней въ слободѣ Кручикѣ. Здѣсь отмѣчено безсердечное отношеніе къ крестьянамъ среди которыхъ отъ голодовки и отсутствія одежды развились нервныя и гнилыя горячки (febris nervosa et typhus). Донесеніе отъ 31-го марта 1826 года.

²⁾ По поводу просьбы жены Подгоричани устранить отъ дѣла чиновника Каминцева, какъ дѣйствующаго въ пользу Каразина, послѣдній писалъ въ Палату гражданскаго суда.

чества Михаила Григорьева сына Соляникова и Адриана Григорьева сына Картакова. Почему простительно мнѣ обнаружить, хоть временно съ моей стороны на вышеупомянутыхъ членовъ подозрѣнія и просить объ устраненіи ихъ.

Засѣдателю земскаго Богодуховскаго суда Лелянову.

Село Крутикъ, (9-го февраля 1833 года).

Удивляюсь милостивый государь, Иванъ Михайловичъ!... Мало того, чтобы страннымъ поведеніемъ довести себя до такой надписи на... (?) ¹⁾, каковую вы получили 11 числа мая прошедшаго года: надобно еще заслужить и совершенное презрѣніе. Развѣ вы не засѣдатель отъ дворянства, а наемный слуга графини П. Петровичевой?... Но, если бы высшее начальство это узнало! какъ вы думаете? Но я не хочу унижать себя жалобами. Напротивъ, къ вамъ собственно обращаюсь и прошу васъ свести бѣдныхъ этихъ сторожей, которые денью и ночью мерзнутъ на дворѣ, въ лѣсу, ни за что ни про что, проклиная всякаго виннаго и невиннаго. Ежели не сведете, то я стану жаловаться и все долженъ буду обнаружить. Что же касается до предположенія вашего вводить графиню во владѣніе, то, знайте, что это ея бабья мечта, которая сбыться не можетъ. Ибо сенатскаго указа уничтожить нельзя и гражданская палата сдѣлала уже постановленіе вѣроятно сего вечера, не позже, будете вы читать указъ въ земской судъ.

Вашъ покорный слуга В. Каразинъ.

Р. S. Я взялъ сіе письмо отъ посланнаго, для того, чтобы сказать вамъ, что указы за № 549 въ земскомъ суду, а 550-мъ въ опеку уже въ Богодуховъ.

Богъ васъ проститъ во всемъ! только перестаньте бесполезно стремиться (?) дѣлать мнѣ зло. И поскорѣе распустите бѣдныхъ людей“.

¹⁾ Слово нельзя разобрать.

Т. И. Селиванову.

(11-го февраля 1833 года).

Милостивый государь
Тимофей Иванович!

Кажется вдруг на два почтенных письма Вашихъ отвѣчаю. Какъ благодарю я Васъ за участіе оказанное и оказываемое Вами въ судьбѣ моего Рогинскаго! Теперь представляются ему два мѣста: въ Польскихъ и въ Кавказской губерніяхъ. Разрѣшите, или да разрѣшить онъ самъ при Вашемъ его вразумленіи. На слѣдующей почтѣ (ибо теперь полны руки дѣла: мы возвращають отторгнутое имѣніе) стану я писать къ Донскимъ начальникамъ. Авось, не сжалятся ли они и не дадутъ ли ему вознагражденія за проѣздъ, въ которомъ онъ, конечно, не виноватъ? Простите пока: право некогда; вашъ истинный отъ всей души попечитель и покорный слуга.

Василій Каразинъ.

Село Кручицъ Богодуховскаго уѣзда. 11-го февраля 1833 года.

Харьковской Палатѣ гражданскаго суда.

(30-го мая 1833 года).

Прошу о водвореніи меня въ моемъ имѣніи безъ посредства опеки и о снятіи оной вовсе, яко мѣры, не приносящей ни малѣйшей пользы моимъ кредиторамъ, слѣд., и неведущей къ цѣли, которую подобнымъ учрежденіемъ предположилъ законъ, а токмо стѣсняющей (?) мои и моихъ поселянъ понятія и дѣйствія.

Т. И. Селиванову.

(1833 года).

Забылъ я спросить Васъ, почтенный Тимофей Ивановичъ, послали ль Вы Княжевичу свою бумагу? И когда? Дабы онъ за этимъ не остановился. Вотъ записка къ г. Срезневскому. Потрудитесь послать ее вмѣстѣ съ книгою, когда послѣднюю Вы просмотрите. Затѣмъ, спасибо Вамъ за угощеніе—донскимъ виномъ, наипаче, о которомъ мы гдѣ бы узнать! И—прощайте! Вамъ преданный искренно, покорный слуга В. Каразинъ.

Срезневскій квартируетъ въ домѣ бывшемъ покойнаго медика Юнкерта, за Лопанью, не доходя церкви св. Дмитрія, переулокъ налѣво. Домъ каменный, угольный. Запечатайте вмѣстѣ съ книгой и потрудитесь подписать: Его Высокородію И. И. С. отъ В. Н. К., уѣхавшаго въ Богородуковский уѣздъ.

Т. И. Селиванову.

(1833 года).

Мы давно видѣлись, искренно почитаемый Тимошей Ивановичъ, такъ мы и равнодушны можемъ другъ къ другу сдѣлаться; чего Боже избави!—Сегодня, 6-го ноября жена моя имянинница, да мы и на новосельи. Пожалуйте откушать, буде препятствія нѣтъ.

Вашъ покорнѣйшій В. Каразинъ.

На Екатеринославской же, но въ новомъ домѣ Панкратьева.

Т. И. Селиванову.

(1833 года.)

Уже коли одолжать, такъ одолжать! (Вы же и лишнюю бутылку вина прислали) Велите кому-нибудь списать для меня это прошеніе: ибо я его марать прямо набѣло. И потомъ уже къ середѣ запечатайте, все равно какою печатью и отправьте сами. Вашъ всеусердный слуга

В. Каразинъ.

Т. И. Селиванову.

(1833 года).

Я имѣлъ отъ Васъ, Милостивый Государь, Тимошей Ивановичъ записку о послѣднемъ дѣйствіи начальства при опредѣленіи г-на Шеншина. Сдѣлайте одолженіе, повторите ее. Послѣдните мнѣ доставить. Хочется сей разъ подробно написать Дм. Николаевичу. Разумѣется: „выборъ былъ тогда-то такъ то, голосовъ столько то, утвержденъ тогда то“. Тутъ же выпишите и статью изъ устава, гдѣ говорится, на чемъ должно основываться. Вамъ преданный В. Каразинъ.

Т. И. Селиванову.

(1833 года).

Спѣшу писать къ Вамъ, милостивый Государь мой, Тимошеей Ивановичъ, немедленно по прїѣздѣ въ городъ. Посылаю свидѣтельство о дворянствѣ молодого Буданова, и покорно Васъ прошу наставить меня, отъ кого должно быть написано, и какое прошеніе. (Лучше бы всего прислать примѣрное). Если не отъ молодого человѣка, и не отъ меня, а отъ родителей, то я имѣю случай сей же день къ нимъ писать: ибо отправляю лошадей обратно и нарочно для чего теперь ихъ задерживаю. Вотъ почему скорымъ отвѣтомъ Вы изволите обязать пребывающаго съ истиннымъ почтеніемъ Вашимъ, милостивый государь мой, покорнымъ слугой

В. Каразинъ.

17-го августа, вечеръ.

Въ Харьковскую гражданскую палату.

(30-го ноября 1834 года).

„12-го сего ноября приносилъ я въ Богодуховскій уѣздный судъ жалобу на таковой же земскій. Я изыскалъ, что земскій судъ, введя помѣщика графа Подгоричани-Петровича 4 числа (въ сходство указа гражданской палаты отъ 26 октября) во владѣніе части села моего Кручика, ревизскими 149 душами, 7-го, не заботясь объ угодахъ по расчисленію на нихъ слѣдующихъ ни объ исполненіи другихъ предписаній начальства, о коихъ самъ меня предувѣдомилъ, не только забираетъ отъ меня хлѣбъ и сѣно, выращенное и собранное за два слишкомъ мѣсяца, по крайней мѣрѣ, *до состоянія даже* вышеупомянутаго указа, коими паче до приведенія его въ исполненіе; но судя по требованію его отъ меня книгъ, въ которыхъ приватно сверхъ введенныхъ опекою производилась у меня записка о теченіи хозяйства въ 1833 году, ищетъ въ пользу графа обратить и прошлогодніе столько же скудные доходы. И какъ о такомъ полицейскомъ дѣйствіи 1-е когда въ законахъ не постановлено при отдачѣ имѣній недвижимыхъ съ коихъ доходы по день оный естественно принадлежать прежнимъ владѣльцамъ, 2-е въ обѣихъ самымъ земскимъ судомъ мнѣ въ коняхъ присланныхъ указахъ Общаго Собранія Правленіемъ Сената Московскихъ Департаментовъ отъ 9-го и

гражданской палаты отъ 26 октября ни единого выраженія о семь . .
 . .¹⁾ да и Богодуховская Дворянская Опека съ 19 іюля 1832 года назначила мнѣ съ семействомъ и дворовыми моими людьми на содержаніе (въ число коего справедливо слѣдуетъ собранный хлѣбъ) по 3000 руб. въ годъ, что по 4-е ноября сего года составить до 7000 руб. и изъ чего какъ извѣстно и земскому суду и опека получено мною не болѣе 2825 руб. деньгами. Отобраніе же малаго остающагося на гумнѣ моемъ и въ закромахъ запаса не минуемо подвергается и собственное мое семейство и служителей нашихъ и наконецъ остающихся за мною поселянъ въ нынѣшній скудный годъ всѣмъ бѣдствіямъ голода; то и проситъ я уѣздный судъ воспретить земскому сіе самопроизвольное дѣйствіе, не имѣющее другой цѣли кромѣ удовлетворенія безпредѣльныхъ желаній моего бывшаго кредитора, который и безъ того уже получаетъ имѣніе въ четыре или пять разъ цѣною превышающее его претензію“. Каразинъ проситъ палату „о предписаніи Богодуховскому земскому суду держаться въ точности смысла и словъ Прав. Сената и Палаты указовъ, пояснивъ оныя справедливымъ и сострадательнымъ къ разоренному должнику образомъ“.

Декабря 28 дня 1834 года Каразинъ проситъ Палату:

„1-е по случаю исполненія указа Прав. Сената Общаго Собранія Московскихъ Департаментовъ объ отдачѣ графу Подгоричани-Петровичу имѣнія моего ревизскихъ 149 душъ съ угодьями, возникли разные вопросы: 1-й, въ оной цѣли слѣдуетъ быть отдано сіе имѣніе графу ибо 28 сентября 1828 года *уполномоченная* имъ его супруга выкупила за оное 40600 руб.? 2-й, слѣдуетъ ли по прошенію моей дочери внесенные ею 6 апрѣля 1832 года деньги оставить въ приказѣ Общественнаго Призрѣнія подобно какъ они *по одинаковымъ причинамъ* изъ уваженія прошенія графини Подгоричани-Петровичевой были въ оный внесены. 3-й какъ выдѣлить изъ дачъ села Кручика угодья на 149 душъ слѣдующія графу? наконецъ, 4-й, должно ли вмѣстѣ съ людьми и отчисленными на нихъ угодьями отдавать ему и жатву *1834 года, коего въ октябрь* лишь мѣсяцъ послѣдовалъ вышеупомянутый указъ, мнѣ же объявлено въ ноябрѣ? Такъ какъ первые два вопроса вѣроятнѣе законъ разрѣшить не къ вѣщшему несчастію моему и моего семейства, то беру лишь смѣлость коснуться до изслѣдованія мнѣ яко просителю дозволеннаго въ двухъ послѣднихъ связь между собой имѣющихъ.

2-е графъ Подгоричани-Петровичъ не безъ посредственно *теперь* получаетъ 149 душъ съ угодьями. Онъ ими уже владѣлъ въ продолженіе

¹⁾ Слово не разобрано.

8 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ, а именно отъ 22 іюля 1824 по 22 февраля 1833 не встрѣчая никакого затрудненія различить свое владѣніе отъ моего. Выдѣлъ пахотной земли, сѣнокосовъ и дровяного лѣса на каждое семейство кручанскихъ поселянъ съ домами еще съ 1805 года и ограниченъ плодовыми деревьями не оставляющими никакого сомнѣнія гдѣ сіе начинается и гдѣ оканчивается. Особыхъ такъ называемыхъ *плановъ* у меня не было. Я выдавалъ для заѣзжа каждой сказаннымъ образомъ ограниченной дачки половину сѣмянъ; и каждое семейство по окончаніи жатвы свозило половину же собраннаго имъ хлѣба въ мое гумно, а другое въ свое собственное. Вотъ въ чемъ состояла лѣтняя такъ называемая вездѣ *барщина* и мой хлѣбный доходъ: Симъ образомъ графъ получилъ болѣе 2700 копенъ хлѣба (разнаго рода), при своемъ вступленіи въ іюль, августъ 1824 года (хотя онъ удовлетворенъ былъ процентами по 22-е числа іюля со всего остатка должной ему суммы) симъ образомъ владѣлъ онъ и въ послѣдующіе 8 лѣтъ и послѣ него въ 1833 и 1834 годахъ я (между тѣмъ какъ по собственному прошенію графини его супруги и представительницы внесенныхъ дочерью моею сумма лежала въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія: чего мнѣ въ вину поставить не можно).

3-е что принадлежитъ до строевого лѣса, котораго большею частью смѣшаннаго соснового, дубоваго, липоваго и березоваго деревъ разныхъ возрастовъ и величинъ имѣю я десятинъ до 200, то оный раздѣленъ на годовые просѣки каждая по 15 саж. въ ширину идущая съ востока на западъ. Рубка начинается всегда предъ наступленіемъ зимы, а вывозка продолжается и оканчивается зимою, дабы не помѣщать прозябанію молодыхъ деревъ отъ сѣмянъ и корней при наступленіи теплаго времени. Мы въ продолженіи 8 лѣтъ временнаго владѣнія графа совмѣстно пользовались таковою эконоическою рубкою высылая работниковъ по числу ревизскихъ душъ: слѣдовательно и ежегодное приобрѣтеніе каждой стороны было оному числу въ точности соразмѣрно. Что наилучшимъ образомъ доказываетъ прилагаемая у сего опись не только *оставшемся* 21 февраля 1833 года *отъ продажи и перевозки въ его село Рясное лѣсу*, но и строеній, кои безъ оного не могли бы графомъ быть произведены. А что хлѣбный доходъ составлялся какъ выше сказане изъ половины свозимой въ помѣщичье гумно поселянами съ ихъ участковъ (что графу какъ выше сказано, да и земской полиціи было и есть достаточно извѣстно) это могли бы засвидѣтельствовать и мои поселяне отъ мала до велика и сосѣди равно какъ весь сей образъ управленія непрерывно существующій *болѣе 30 лѣтъ* (въ чемъ ссылаюсь на переписку мою съ бывшимъ гражданскимъ губернаторомъ Слободско-Украинской губерніи

Бахтинымъ¹⁾ съ вопросовъ его отъ 12 октября 1809 года и вѣроятно хранящуюся еще въ Губернскомъ Архивѣ). Но поелику „собственное признаніе, какъ изрекъ Петръ Великій, *паче* всякаго свидѣтельства“ то подношу у сего собственноручное таковое признаніе графа Подгоричани-Петровича въ запискѣ его къ прикащику Григорію Засядкѣ отъ 23 іюля 1824 года вмѣстѣ со слѣдующею за нимъ копіею съ моего тому же Засядкѣ приказа имъ графу въ руки переданнаго 4-го августа того года, отъ полученія котораго не уповаю, что графъ отперся, если подъ присягою о семъ вопрошенъ будетъ.

Почему и прошу о поступленіи по закону съ поручикомъ графомъ Подгоричани-Петровичемъ и чиновниками земскаго суда за намѣреніе незаконно овладѣть моею собственностью, несправедливо вывода, якобы я везъ *крестьянскій* хлѣбъ въ мое гумно (что не оное что есть, при совершенной извѣстности имъ истины, какъ лживый поступокъ 6 статьи дворянской грамоты).

Приказъ эконому Григорію Засядку отъ 4 августа 1824 года помѣщика Каразина.

„Я сегодня получилъ письмо отъ графа Егора Филипповича. Какъ Его Сіятельству извѣстно, что я безъ указаннаго мнѣ посредства не могу входить въ переписки, продолжать же употреблять на переписку моего сына (для котораго всѣ сіи дѣла чужды, по занятіямъ его науками) почитаю неприличнымъ, то иного средства не нахожу, особливо въ отсутствіи Д. Я. Зайченка, какъ тебѣ извѣрить донести Его Сіятельству о моемъ отвѣтѣ.

9 отдѣленіе 2-й части устава о банкротахъ, на основаніи котораго (хотя впрочемъ съ великою натяжкой) вы, т. е. по ревизіи 1811 года 184 души мужескаго пола ему отданы во временное владѣніе, начинается статьею 39-ю. Изъ оной равно и изъ предписанія отъ 21 іюля (за подписаніемъ двухъ засѣдателей и секретаря) даннаго Зайченку ясно видно, что съ него графа Егора Филипповича взята, по крайней мѣрѣ *должна быть* взята, подписка о томъ какъ ему вами владѣть, а именно: „чтобъ до окончательнаго о имѣніи утвержденія пользовался вмѣсто процентовъ, гдѣ сколько есть денежными или хлѣбными и другими заведенными доходами, не обременяя сверхъ прежняго новыми отъ себя налогами и не вывозя въ другія мѣста людей и крестьянъ, скота, строенія, лѣса и прочаго, что принадлежитъ къ цѣлости имѣнія, а не къ заведенному годовому доходу, также и не повреждая никакихъ угодій и дѣйствующихъ хозяйственныхъ заведеній“. *Заведенные* въ здѣшнемъ имѣ-

¹⁾ Слово не разобрано.

ни селѣ Кручикѣ *доходы* суть и *денежные и хлѣбные*. Денежные двоякаго рода: 1-е оброкъ, съ оброчныхъ поселянъ, которымъ предоставлено полное право избирать родъ жизни. 2-е случайный доходъ разныхъ видовъ, а именно: съ шинковъ; за наемъ земли остающейся, за опредѣленіемъ всѣмъ возрастнымъ земледѣльцамъ постановленнаго 8-ми десятиннаго участка, въ пустѣ; съ отправляющихся на промыслы подводъ и, наконецъ, отъ пеней налагаемыхъ поселянами за разныя провинности противъ сельского благочинія. Хлѣбные доходы также разныхъ видовъ: 1-е, половина хлѣба засѣваемаго поселянами не платящими оброка, на засѣвъ котораго даются имъ отъ экономіи сѣмена; 2-е, треть собираемая съ остаточныхъ отъ вышеупомянутаго распредѣленія земли, которая отдается желающимъ подъ обработку ихъ уже собственными сѣменами. 3-е мельничный доходъ, 4-е, хлѣбъ собираемый съ нивъ, обрабатывается экономическимъ скотомъ отъ завода Александры Васильевны и экономическими работниками. Вотъ заведенные доходы, сверхъ коихъ *обременять новыми отъ себя налогами повреждать угодья и дѣйствующія хозяйственныя заведенія графу запрещается*.

Слѣдовательно, требованіе его отъ тебя и прочихъ оброчныхъ каковой либо работы въ его пользу сверхъ заплаченнаго прежде въ сроки и въ таковыхъ же ему неоспоримо слѣдующаго оброка, есть незаконное. И напрасно Его Сіятельство называетъ тебя своимъ прикащикомъ, поставляя мнѣ въ вину мое съ тобою сношеніе *въ его же пользу*. Ты оброчный поселянинъ заплатилъ свой оброкъ и свободенъ; а служишь у меня по договору, который и въ книгу записанъ за нѣсколько лѣтъ до его съ гг. засѣдателями земскаго суда сюда прибытія. Придетъ срокъ и ты, равно какъ и прочіе заплатишь свой оброкъ ему, а не мнѣ. Вотъ и вся разность.

Для объясненія сего я представляю Его Сіятельству слѣдующее: „Если бы ты или Степанъ Малевинный, твой помѣщикъ или другой кто изъ оброчныхъ поселянъ заплативъ оброкъ за годъ впередъ или и болѣе получилъ отъ меня увольненіе въ Харьковъ или Москву и такъ далѣе и тѣмъ бы договорился по контракту; имѣлъ ли бы право графъ заставить его нарушить оный и взять въ свои услуги? Отнюдь нѣтъ! Что нужды закону до того, что доходъ его не полонъ въ настоящее время? Имѣніе *какъ застали* такъ и отдали ему во владѣніе. Никто не обязанъ пополнять: равно какъ взаимно и я не могу взыскать еслибъ графъ *вмѣсто процентовъ воспользовался доходами* въ десять разъ болѣе оныхъ, какъ и дѣйствительно по расчисленію на неправильно отданныя ему 184 души онъ въ теченіи 6 мѣсяцевъ получить ^{184/350}—хъ частей годового моего дохода составляющаго отъ 20 до 24 тысячъ руб. какъ дока-

зываютъ веденныя книги; т. е. онъ получить по содержанію 350 къ 184 отъ 10 до 12 тысячъ руб. и скорѣе послѣднее нежели первое отъ нынѣшней благословенной жатвы. *Получить* (будущее!) если станеть сообразоваться учрежденному порядку *не избобрѣтая ничего собственнаго*, что произвело бы и у него и въ остальной части безпорядки и недочеты, ссоры и драки и болѣе . . . и чего къ счастью законъ ему не дозволяетъ. Его Сіятельство въ семъ случаѣ поступаетъ точно такъ же какъ поступалъ и прежде по крайней мѣрѣ *со мною* и сколько мнѣ извѣстно съ другими. Гоняясь за бездѣльцами, чтобы никому ничего не дать, чтобы ни въ чемъ не жертвовать, а самому *все* имѣть до послѣдней копѣйки, наконецъ упустить истинно и справедливо ему принадлежащее. Сколько безполезныхъ и великихъ утратъ имѣлъ онъ въ прошедшіе годы и въ нынѣшній! Еслибъ онъ захотѣлъ послѣдовать моимъ искреннимъ совѣтамъ давно бы не только это дѣло о закладной было кончено, къ обоюдному удовольствію, но онъ бы получилъ имѣніе болѣе моего неважнаго Кручика. Но онъ съ графиней послѣ многолѣтней со мною переписки исполненной нѣжности, благодарности и обѣщаній всякихъ пожертвованій, переписку которую я всегда берегу и до сихъ поръ не сдѣлалъ еще изъ нея такого употребленія, какъ онъ изъ моей — изволилъ считать проценты до послѣдней копѣйки и до послѣдняго часа чего и покойный Иванъ Евстафіевичъ, который ничѣмъ мнѣ не былъ обязанъ, конечно бы не сдѣлалъ; а удовлетворился бы 8 процентами съ закладною, заключенными въ заемныхъ письмахъ, если бы я не заплатилъ *точно* въ назначенный срокъ. Теперь вопросъ: для чего я пишу эти правды и ими оскорбляю Его Сіятельство при томъ черезъ руки чужія и моего поселенина. Отвѣтъ: для того, что онъ меня вывелъ изъ пристойности, къ которой я привыкъ 50 лѣтъ. Не ему ли быть съ графиней послѣ рѣшенія (въ которомъ я яко *заключенный* игралъ столь маловажную роль), прѣхать или заслать; и утѣшая какъ человѣкамъ сродно и какъ куму прилично несчастное наше семейство тутъ же вмѣстѣ предпринять мѣры къ примиренію, заглаживая все прежнее?.. О, какъ бы это благородно!.. Но онъ предпочелъ наѣхать на меня съ колокольчиками и разсыльщиками и нарочно грозился для того, чтобы наѣхать. А теперь вмѣсто предложеннаго ему прямого, съ закономъ согласнаго, способа, владѣть и получать вѣрный доходъ на основаніи общихъ книгъ, приводить все село въ тревогу къ крикамъ и не должными притязаніями; велить дѣлать списки 12 и 15-лѣтнихъ дѣтей для употребленія ихъ въ работу; распаивая между тѣмъ людей во время жатвы и желая меня поставить въ какую то отъ себя зависимость. В. Каразинъ“.

Подписка губернатору Трубецкому.

(1834 года).

Сію и всякую предложенную мнѣ отъ начальства подписку охотно даю, никогда и ни въ какомъ случаѣ не отступая отъ его предписаній. Статскій совѣтникъ, членъ разныхъ ученыхъ обществъ и кавалеръ Василій Назаревъ сынъ Каразинъ.

Совѣтнику Губернскаго Правленія Цѣликову ¹⁾.

(4-ю декабря 1834 года).

„Получивъ сію минуту повѣстку земскаго суда за № 6128, которою объявляется мнѣ, по предписанію вашего высокоблагородія, чтобъ я далъ подписку *черезъ того-же нарочно посланнаго* въ прекращеніи молотьбы хлѣба на гумнѣ моемъ, якобы принадлежащаго крестьянамъ графа Подг. Петр., впредь до разрѣшенія Губернскаго Правленія, немедленно такую подписку у сего представляю. Но во первыхъ донесу вамъ, м. г., что ничего изъ сего хлѣба не принадлежитъ крестьянамъ. Это законная моя половина моими сѣменами засѣянныхъ участковъ ихъ предоставленная (по моему заявленію изъ давнихъ лѣтъ) мнѣ, какъ помѣщику и вотчиннику земли *вмѣсто барщины*. А ихъ собственное пріобрѣтеніе, за половину лѣтняго рабочаго времени, коею они мнѣ по закону должны, вмѣняемое, свезено ими въ *ихъ* гумна, у меня нѣтъ барщинныхъ полей. Въ числѣ семъ, запрещеннаго къ употребленію хлѣба есть много и такого, который пріобрѣтенъ на землѣ моей, не только отъ собственныхъ сѣмянъ, по скудости прошедшаго года купленныхъ дорогою цѣною, но даже и воздѣланныхъ и свезенныхъ *наемными* работниками. О чемъ покорнѣйше прошу васъ разузнать, дабы во всякомъ случаѣ Губернское Правленіе могло отличить одинъ хлѣбъ отъ другого. Притязаніе графа на хлѣбъ удивительное, вѣроятіе превышающее! Второе: покорнѣйше прошу войдя въ посредство, согласить графа П. Петровича, хотя на *общую* рубку лѣса, именно, *обыкновенно* каждый годъ отводимой лѣсосѣвки, каковая и опять отведена и геодезически означена, т. е. полоса въ 15 саж. шириной; ибо прекратя молотьбу, *чѣмъ* занять людей,

¹⁾ Онъ былъ назначенъ разслѣдовать дѣло о столкновеніи богодуховскаго засѣдателя дворянства Залѣскаго съ Каразиннымъ по поводу отобранія у посѣдняго хлѣба съ гумна.

требующихъ отъ меня и пищи ежедневно по нынѣшней скудости? Работники могутъ высылаться съ той и другой стороны по числу душъ. На сей конецъ вѣрять вамъ мою подписку, имѣю явиться завтра лично. Василій Каразинъ. Декабря 4 въ IX ч. веч. 1834 г.“.

Въ Харьковскую палату гражданского суда.

(9-го декабря 1834 года).

„Въ указѣ 1798 года генваря 29, котораго содержаніе изображено въ Сводѣ Законовъ межевыхъ въ § 783 постановлено: чтобы землемѣры *ни подъ какимъ видомъ* не были отправляемы для исполненія рѣшеній и произведенія нѣрѣзовъ въ зимнее время. Таковое нынѣ настаетъ: земля замерзла, нѣтъ возможности утверждать планъ, ни вѣрно поставить астролябію, между тѣмъ какъ стужа не позволяетъ съ должнымъ вниманіемъ располагать металлическими инструментами; дѣленіе градусовъ заплываетъ отъ дыханія землемѣра и дѣлается непримѣтнымъ; рѣки нельзя переходить ни въ бродъ, ни вплавъ ни по льду, который еще не довольно крѣпокъ; покрывающій землю снѣгъ не позволяетъ различать свойства почвы, необходимаго для соображенія особливо въ выдѣлахъ такого рода какой съ помѣщикомъ графомъ Подгоричани-Петровичемъ, по указу Общаго Собранія Прав. Сената Московскихъ Департаментовъ отъ 9 октября сего года, гдѣ не означено угодьевъ, предполагая отвести оныя по числу лишь ревизскихъ душъ. Высланный уѣздный землемѣръ Грызодубовъ не взирая на повторяемая ему почти *ежедневно* предписанія ускорить свое дѣло къ удовлетворенію упомянутаго графа за показанными препятствіями не могъ обойти и вообще дать села Кручика составляющихъ предметъ раздѣла. Затѣмъ необходимо надобно время, чтобы составить и начертить планъ. На планѣ первоначально *по согласію обѣихъ сторонъ* (до чего еще очень далеко) должны быть означены нѣрѣзки и потомъ уже произведены въ натурѣ. А нынѣ настало 9-е декабря, 10 же начинается зима и по календарному уже назначенію“. Каразинъ проситъ: „въ уваженіе вышеприведенныхъ физическихъ препятствій съ произведеніемъ межеванія до весны пріостановить, шадя и все множество людей для сего высылаемыхъ графомъ Подгоричани-Петровичемъ безъ достаточной пищи и одежды“.

30 апрѣля 1835 года Каразинъ проситъ палату:

„1-е. Богодуховскій земскій судъ прибывъ въ село мое Кручикъ въ лицѣ засѣдателей Меранди и Чаговцева, объявилъ мнѣ указъ Сло-

бодско-Украинской гражданской палаты, послѣдовавшій 29 марта сего года, въ которомъ, на основаніи такового же Правит. Сената о возвращеніи графу Подгоричани-Петровичу бывшаго у него во временномъ владѣніи имѣнія моего и изыятаго въ 1833 году, предписываетъ оному суду наисильнѣйшими выраженіями: „возвратить просроченное по закладной имѣніе, *а не выдѣлить*“, ибо де и прежде ему вѣлно, чтобы онъ отдалъ графу Подгоричани-Петровичу ту самую землю, лѣсъ и другія угоды, какія были ему симъ судомъ отданы въ 1825 году, но вмѣстѣ съ таковымъ объявленіемъ указа Богодуховскій земскій судъ предпринимать въ то же время дѣйствія совершенно противныя; одобрилъ безъ малѣйшаго моего участія сдѣланную на планѣ землемѣромъ Грызодубовымъ нарѣзку самыхъ превосходныхъ угодій разныхъ родовъ, созвалъ понятыхъ съ плуга и рабочихъ съ топорами и приступилъ къ нарѣзкѣ въ натурѣ не внимая никакимъ моимъ представленіямъ. Мнѣ объявлено въ присутствіи сего 30 числа, что я не имѣю права видѣть раздѣлъ угодьевъ на планѣ, но что въ натурѣ могу быть свидѣтелемъ совершающагося. Слѣдующее объясненіе учиненное мною словесно, въ протоколъ засѣданія не внесено, не взирая на представленіе мною для сего гербовой бумаги, которая вмѣстѣ съ заготовленною мною запискою моего объясненія и слово въ слово даже и не принята.

2-е. „Явясъ въ Богодуховскій земскій судъ (присутствующій въ селѣ Кручиѣ) по повѣсткамъ его за № 2079 и 2086, доставленнымъ мнѣ черезъ одного и того же нарочнаго въ одно время вмѣстѣ, честь имѣю объявить и прошу внести въ журналъ протестъ мой противъ предполагаемаго судомъ новаго выдѣла угодьевъ изъ дачъ села Кручика помѣщику Подгоричани-Петровичу. Таковое дѣйствіе противно будетъ указамъ какъ Прав. Сената, Общ. Собр. Моск. Департаментовъ отъ 9 октября прошедшаго, такъ и гражданской палаты отъ 29 марта нынѣшняго года. И я (безъ особливо Высочайшаго повелѣнія, которому одному принадежить отмѣнять сенатскія распоряженія) допустить оныя долженъ развѣ въ видѣ насилія. Сенатъ въ указѣ своемъ отнюдь не предписываетъ о какомъ либо землемѣрномъ дѣйствіи; напротивъ велитъ имѣніе только *возвратить*, слѣдовательно *возвратить то, что было уже во владѣніи*. Палата, поясняя какъ ей и надлежало сіе выраженіе, говоритъ, что „Прав. Сената Общимъ Собраніемъ предписано *возвратить* просроченное по закладной имѣніе, *а не выдѣлить*“. Послѣ сихъ словъ напоминаю, что ею и прежде вѣлно земскому суду „дабы онъ отдалъ графу Подгоричани-Петровичу ту самую землю, лѣсъ и другія угоды, какія были ему симъ судомъ отданы въ 1825 году“. Да и кто изъ насъ (выключая и гг. членовъ земскаго суда съ секретаремъ) возьметъ на себя

отвѣтственность въ разореніи отъ бесполезно истребится имѣющихъ мѣжеваніемъ лѣса во множествѣ, и хлѣба, столько и безъ того недостаточнаго на пропитаніе жителей и заплату податей казенныхъ?

Встрѣчаемое судомъ теперь затрудненіе, которое ни подъ какимъ видомъ однако же не можетъ его уполномочить въ противность законамъ и общаго порядка подчиненности дѣйствовать *въ явное противурѣчіе* предписаніямъ высшихъ мѣстъ (тѣмъ менѣе, что о немъ и представлено по послѣдней почтѣ 27 апрѣля) затрудненіе это разрѣшается само собою. И я готовъ дать подписку, что до рѣшенія выше 1-е не буду рубить лѣса (ибо по заведенному и прежде за многіе годы обычаю въ имѣніи моемъ онъ рубится лишь въ глубокое осеннее и зимнее время) за исключеніемъ только сухого дерева на топливо и съ условіемъ, чтобы и противная сторона поступала также. 2-е, удовлетворю противную сторону пахотью и сѣнокосомъ, гдѣ докажется, что оныхъ хотя мало не достаѣтъ по числу взрослыхъ совершенно, т. е. 21-лѣтнихъ работниковъ мужескаго пола. (Недостатокъ, если онъ есть, происходитъ отъ приращенія людей, противу ревизіи 1816 года, между тѣмъ какъ земля таже). Черезполосность вездѣ существуетъ въ пространствѣ нашей Имперіи; она терпима и при взаимныхъ миролюбивыхъ расположеніяхъ не препятствуетъ земледѣльческимъ и прочимъ экономическимъ законамъ. Сводъ законовъ гражданскихъ (томъ X ст. 814) гласитъ такъ: „наслѣдникамъ буде они того пожелаютъ дозволяется для удобства дѣлить наслѣдственное недвижимое имущество къ однимъ мѣстамъ, но если они сами не согласятся, то закономъ къ тому не принуждаются“.

Представляя такое самопроизвольное дѣйствіе Богодуховскаго земскаго суда на усмотрѣніе, прошу о поступленіи съ виновными по законамъ, равно и объ уничтоженіи безъ малѣйшаго моего участія и согласія проводимой межи съ постановленіемъ заклеяменныхъ столбовъ, которыя отдѣливъ мое съ кредиторами моими имѣніе отъ строевого лѣса и прочихъ цѣнныхъ угодьевъ, оставить мнѣ во владѣніе одинъ срубъ, пески и болота“.

Харьковскому губернатору П. И. Трубецкому.

(18-го февраля 1835 года).

Милостивый государь
князь Петръ Ивановичъ!

Изъ отвѣта Вашего Сіятельства отъ 24 февраля прошедшаго года за № 3401 на мое прошеніе отъ 16-го того мѣсяца мнѣ должно заключить, что есть какія либо препятствія *свыше* о выѣздѣ моемъ изъ вѣренной Вамъ губерніи. Но какъ уже предстоитъ окончаніе моихъ нештастныхъ дѣлъ, то есть продажа остатковъ моего имѣнія съ предварительнымъ еще взятіемъ ихъ, въ опеку, то мнѣ съ моимъ семействомъ ничего другаго не остается дѣлать, какъ переселиться въ небольшое имѣніе жены и дѣтей моихъ состоящее Московской губерніи въ Звенигородскомъ уѣздѣ. О чемъ завременно помышляя представляю Вашему Сіятельству и покорнѣйше прошу, испросивъ мнѣ разрѣшеніе на сей случай меня объ ономъ увѣдомить: дабы мы съ женою могли принять свои домашнія мѣры также завременно. Донесу Вамъ, что мы имѣемъ домикъ и въ самой Москвѣ, гдѣ, по крайней мѣрѣ зимнее время, для пользы дѣтей предполагаемъ жить. И о семъ обстоятельстве донести благоволите!

Имѣю честь быть съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностію Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга Василій Каразинъ.

Село Кручики, Богодуховскаго уѣзда, 15-го февраля 1835 года.

Въ Богодуховскій земскій судъ.

(Статскаго совѣтника Каразина увѣдомленіе на повѣстку за № 3386).

(5-го іюля 1835 года).

Справедливо, что я отъ 15-го февраля сего года относился *по секрету* къ Его Сіятельству господину гражданскому губернатору (заключая по выраженіямъ одного изъ писемъ его, что въ случаѣ переѣзда моего въ Москву слѣдуетъ предварительно донести объ этомъ Августѣйшему Государю Императору) о намѣреніи моемъ по окончаніи здѣшнихъ моихъ тяжёбныхъ дѣлъ удалиться въ столицу и ея губернію; но чтобы я *немедленно* желалъ выѣхать, этого я не писалъ. Напротивъ, употребивъ выраженіе „завременно помышляя“ я просилъ только Его Сіятельство пріуготовить сей для меня и моего семейства путь зависящимъ отъ него яко начальника губерніи

посредствомъ, *на всякой случай*. Но какъ несчастныя мои тяжбы и долговыя дѣла, (что и Его Сіятельству по Губернскому Правленію вѣдомо) все еще длятся, и какъ необходимо, чтобъ я въ лицѣ хозяина и отвѣтчика оставался еще здѣсь, то принося мою покорнѣйшую благодарность теперь за исходатайствованіе дозволенія, предъ тѣмъ, какъ имъ должно мнѣ будетъ воспользоваться, я обязанностию поставляю донести чрезъ земскій судъ: очемъ благоволено-бы было по сей же почтѣ довести до свѣдѣнія Его Сіятельства. Василій Назаровъ сынъ Каразинъ.

Село Кручики, 5-го іюля 1835 года.

По секрету для донесенія Его Сіятельству подано Харьковской полиціи въ 3-ю часть, живущаго въ оной Богодуховскаго помѣщика, статскаго совѣтника и кавалера Каразина объясненіе.

(2-го февраля 1836 года).

На сообщенное мнѣ сего 2-го числа предписаніе Его Сіятельства господина гражданскаго губернатора, исправляющаго должность военнаго, за № 41-мъ, честь имѣю отвѣтствовать, что дѣла мои по присутственнымъ мѣстамъ сей губерніи достаточно извѣстны Губернскому Правленію и временному отдѣленію онаго, на основаніи статьи 320 втораго тома Свода законовъ. (§ 3-й) Впрочемъ, вслѣдствіе сдѣланнаго мнѣ запроса, долгомъ почитаю все происходившее касательно сего изложить исторически: никогда Высочайшей воли не было мнѣ объявлено въ видѣ *повелѣнія*, чтобъ я переѣхалъ въ Московскую губернію. (Я бы такое повелѣніе исполнилъ немедленно, не смотря ни на какія дѣла). Но самъ я, по собственному движенію, изъ разстройки имѣнія и способовъ къ жизни предусматривая необходимость помышлять о переселеніи въ Москву и тамошнее имѣніе жены и дѣтей, *какъ единственное остающееся для насъ убѣжище*, за нужное почелъ извѣстить объ етомъ господина губернатора. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я получилъ отзывъ, который не могъ меня порадовать ни формою, ни содержаніемъ. Уничижительно, открыто, чрезъ земскій судъ мнѣ дано было знать, что я могу ѣхать въ Московскую губернію, но что *тамъ я буду отданъ подъ строжайшій надзоръ*: на каковой конецъ (вѣроятно чтобы взять мѣры къ етому надзору) и долженъ я извѣстить о времени моего отсюда выѣзда. Столь мало привлекательная перспектива, естественно должна была отнять у меня и у несчастной, со мною не разлучной жены, всякую охоту къ переселенію, еслибъ только мы имѣли здѣсь уголь гдѣ подклонить голову.

Но извѣстно начальству, что и послѣднія 131 ревизская душа изъ нашего—*прежде* благоустроеннаго, что и блаженной памяти Государю Императору было извѣстно, села Кручика (въ Богодуховскомъ уѣздѣ) описаны: а въ описанномъ имѣніи законъ не позволяетъ жить и даже въ него вѣзжать. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ его имѣніе будетъ (какъ и двѣ первыя его доли) продано за безцѣнокъ!... О еслибъ благонамѣренное, благотѣльное Правительство ускорило на помощь мою займомъ подъ залогъ сего остатка моего имѣнія, хотя изъ банковыхъ университетскихъ суммъ, моимъ усердіемъ приобрѣтенныхъ, пятидесяти тысячъ рублей: дѣло иное. Мы остались бы здѣсь въ прекрасномъ краю рожденія моего отца, моего и дѣтей моихъ. Но ўвы, въ противномъ случаѣ, не можемъ продолжать жить въ городѣ, какъ живемъ теперь, нанимая, покупая все, обременяя долгами и остающуюся Московскую собственность нашихъ *семерыхъ* дѣтей. Почему невольно должно будетъ рѣшиться—бѣднаго старика, безвиннаго предъ небомъ и землею, незаслужаго гражданина и вѣрноподданнаго, обожавшаго своихъ Государей до забвенія приличій, съ ума сшедшаго на отечественной чести, пожертвовавшаго ей отъ юности выгодами собственнаго честолюбія и состояніемъ, воспитавшаго и еще довоспитывающаго для нея сыновей не слишкомъ обыкновеннымъ образомъ по своему состоянію, старика, написавшаго своею рукою *предварительныя правила Народнаго Просвѣщенія* и Уставы русскихъ Академій и Университетовъ, годнаго еще быть употребленнымъ съ пользою гдѣ-нибудь попечителемъ Учебнаго Округа или губернаторомъ, отдать на 64-мъ году его жизни, *подъ строжайшій надзоръ*—какъ подлага пьяницу, злонамѣреннаго или бѣсноватаго!! (Нѣтъ: не вѣрю! Не можетъ это быть собственною мыслию великодушнаго нашего Государя, которому я пѣлъ хвалы еще съ 1802 года, ни Министра, котораго я знаю отъ его молодыхъ лѣтъ, ни даже Директора Департамента Полиціи исполнительной, котораго совсѣмъ не знаю и потому не могу ему причесть сего новаго настоянія, чтобы я ѣхалъ *подъ надзоръ*. Пусть надзираютъ: но на что объ этомъ публиковать, нарочно чтобы оскорбить старика.

Въ облегченіе справокъ Начальства о моихъ дѣлахъ въ здѣшней губерніи, исчислю ихъ сокращенно:

1-е. Еще не кончено Богодуховскимъ уѣзднымъ судомъ (по предписанію Временнаго Отдѣленія Губернскаго Правленія) постановленіе о моихъ долгахъ, включая и долги мнѣ соперника моего по тяжбѣ, графа Подгоричани-Петровича. Отъ сего постановленія зависитъ продажа остатка моего недвижимаго имѣнія, упомянутыхъ выше 131-й ревизской души съ угодьями. Оно, конечно будетъ (*по прежнимъ примѣрамъ*) при-

страстно въ пользу графа и я долженъ буду аппеловать въ гражданскую палату.

2-е. Дѣло съ нимъ же Подгоричани-Петровичемъ о бывшихъ у него въ залогѣ моихъ 180-ти ревизскихъ душахъ села Кручика, за которыя давно внесены остальные деньги 24 тыс. рублей (кои и нынѣ лежатъ въ приказѣ О. П.) и которыя утверждены за мною по сей причинѣ седмымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената; но обратно отчуждены Общимъ Собраніемъ къ явному нарушенію закона и самыхъ формъ, какъ-то 428 статьи Государственныхъ Учрежденій. На счетъ чего ожидаемъ Высочайшаго разрѣшенія по принесенной женою моею жалобѣ.

3-е. Ожидаемъ отсужденія кредиторамъ, частію уже завладѣвшимъ недвижимымъ моимъ имѣніемъ въ селѣ Кручикѣ, частію жъ ожидающимъ его оцѣнки и продажи, какъ выше, на 3-й страницѣ было упомянуто.

4-е. Ожидаемъ конца уголовного дѣла съ графомъ и графинею Подгоричани-Петровичами о злоупотребленіи ими помѣщичьей власти надъ моими крестьянами (изъ коихъ по официальнымъ рапортамъ врачей одиннадцать въ двѣ недѣли померло). Это дѣло длилось восемь лѣтъ. Нынѣ переходитъ въ уголовную палату по моей аппеляціи: ибо я *же* обвиненъ уѣзднымъ судомъ.

5. На оборотъ еще, я обвиненъ графинею въ уголовномъ проступкѣ, а именно, въ сопротивленіи яко-бы земскому суду, при вводѣ ея во владѣніе вышеноказаннымъ имѣніемъ. Слѣдствіе меня оправдало. Но уѣздный судъ, цѣлый годъ уже не приступаетъ къ дѣлу; и я числюсь *подъ судомъ*, вмѣстѣ съ моими дѣтьми, въ угодность сей женщины, насъ разорившей и обезславившей.

6-е. Послѣ сего упоминать-ли о *искахъ* въ безчестіи меня моего семейства и другихъ достойнѣйшихъ лицъ, *которые* Богодуховскій уѣздный судъ многіе годы оставляетъ безъ всякаго производства?

Василій Назаровъ сынъ Каразинъ.

Харьковъ, 3-го у. домъ № 24 г-жи Шараповой, 2-го февраля 1836 года.

А. Н. Мордвинову (?).

(28-го февраля 1836 года).

Милостивый государь
Александръ Николаевичъ!

Въ представленныхъ отъ меня бумагахъ единственному теперь покровителю моему графу Александру Христофоровичу встрѣтится между прочимъ два раза выраженіе *Филотехническое Общество*. Его Сіятельства, можетъ быть пожелаетъ узнать о томъ, когда оно учреждено, на какихъ основаніяхъ, и для чего въ нынѣшнее время ничего о немъ не слышно на ряду съ прочими? Не благоугодно-ли Вамъ будетъ для разрѣшенія первыхъ вопросовъ приказать отыскать въ бібліотекахъ, публичной или Академіи Наукъ, *Московскія Вѣдомости 1814-го года?* въ прибавленіи къ № 8-му содержится *все*, вмѣстѣ съ Высочайшимъ Указомъ 1811-го года, утвердившимъ существованіе Общества. Сдѣлавшись безгласнымъ въ слѣдствіе моихъ несчастій оно легко на основаніи того же Указа (ибо другаго въ *отмѣну* не было) можетъ возобновиться: чего я, признаюсь, весьма желалъ бы въ нынѣшней моей незаслуженной бѣдности—и какъ опору противъ уничиженія и преслѣдованія меня въ поздныхъ моихъ лѣтахъ недостойными людьми. Уповаю, что Милостивѣйшій Графъ и Генераль-Губернаторы нашъ и Новороссійскій удостоятъ къ сему содѣйствовать. И подлинно, *время уже* послѣ многихъ лѣтъ удостовѣрится, что я ни для кого, ни частно ни публично не былъ вреденъ, ни въ какомъ случаѣ ни малѣйше не нарушилъ общественнаго порядка—и ни кого не соблазнилъ: ибо если и писалъ иногда съ излишнею смѣлостію, то писалъ подъ печатію тайны, скрывая даже отъ собственнаго моего семейства. А могу еще пригодиться, если истинно-*благонамеренное* Правительство меня воскреситъ!.. Здѣсь не угоденъ я, чтобъ дать жизнь коснѣющимъ порожденіямъ моей твердой воли и любви къ Отечеству, къ славѣ моихъ Государей, пусть позволяютъ мнѣ переселиться въ Азію давши способы! тамъ, гдѣ нибудь на берегахъ Чернаго моря, подъ запитою Вельяминова и пароходовъ нашихъ, буду полезенъ. И на это какъ на руссійское поселеніе въ новой Гинее нѣкогда, имѣю я готовый планъ. Что за чудо! Не ужели и въ XIX-мъ вѣкѣ, такъ какъ въ XV-мъ, порывы людей способныхъ на дѣла должны встрѣчать препятствія и уничиженіе?

Если Николай Семенович *Вашъ* Батюшка, то пожалуйста напомните Ему о моихъ къ нему всегдашнихъ чувствованiяхъ и прiимите увѣренiе и Сами въ моемъ совершенномъ почтенiи.

Вашего Превосходительства покорнѣйшiй слуга
Василiй Карзиннъ.

Харьковъ, 28-го февраля 1836 года.

А. Х. Бенкендорфу.

(13-го iюня 1836 года).

*Сiятельнѣйшiй графъ,
милостивый государь!*

Я пользуюсь на конецъ Вашимъ позволенiемъ. Не простиительно бы было откладывать долге.... Приближается 25-е iюня: сороколѣтiе и мною и другими предсказанное.

Простите меня графъ! Богъ да проститъ Васъ! Кидаюсь мысленно съ должнымъ къ Вамъ, глубочайшимъ почтенiемъ, съ искренною любовiю въ объятiя Ваши. Сердце Ваше истинно доброе: всѣ это говорятъ. Оно не отвергнетъ случая сдѣлать доброе дѣло—и притомъ цѣлому семейству, не недостойному во всѣхъ отношенiяхъ, которое въ роды родовъ можетъ передать память о Вашемъ великодушiи.

Прикажите, сiятельнѣйшiй графъ, отыскать письмо жены моей отъ 11-го ноября 1834-го года. На него Вы изволили отвѣчать, отсылая насъ къ г-ну Лонгинову. Мы и поступили точно въ смыслъ Вашего наставленiя. Но на всеподданнѣйшее прошенiе наше получили въ февралѣ мѣсяцѣ сего года отвѣтъ статсъ-секретаря, что онъ безъ особаго Высочайшаго повелѣнiя не можетъ доложить. Графъ! Кто, если не Вы, исходатайствуетъ это повелѣнiе о разсмотрѣнiи дѣла нашего—ей Богу, не право рѣшенaго въ общемъ собранiи Московскихъ департаментовъ—въ Государственномъ Совѣтѣ?... Войдите, на основанiи ли письма жены моей къ Вамъ, или прошенiя, ея въ слѣдствiе Вашего отвѣта принесеннаго на Высочайшее имя.

А между тѣмъ, дабы мы съ нѣкоторымъ приличiемъ могли оставаться въ сосѣдствѣ нещастно-раззореннаго имѣнiя нашего и нашихъ

дѣль, испросите то для меня, на что законъ и природа—и всѣ дадутъ мнѣ право, но что, по положенію моему у правительства, можетъ мнѣ предоставить одна власть Государя Императора. Единственный братъ мой, титулярный совѣтникъ Иванъ и его жена, а моя невѣстка, по смерти ихъ оставили двухъ сиротъ, сына двухъ лѣтъ и дочь менѣе года. „Мимо установленныхъ опекунскихъ мѣстъ“ „говоритъ статья 195-я Свода Законовъ гражданскихъ“ опекуны къ малолѣтнимъ, если „не были назначены по завѣщанію, могутъ быть опредѣляемы единственно Высочайшею властію“.

Имѣніе брата моего посвящено было, за многіе годы уже, лѣсоводству; онъ былъ и корреспондентъ, пользовавшійся отличнымъ вниманіемъ общества, по сей части утвержденного благотворительнѣйшимъ Государемъ. Всѣ его, значительныя для полуденнаго края заведенія, должны исчезнуть чрезъ девятнадцать лѣтъ, которые пройдутъ до совершеннолѣтія старшего сына. Да будетъ повелѣно мнѣ, а не провинціальнымъ питомцамъ, опекунамъ, (безъ свѣдѣній и доброй воли) сберечь и усовершенить ихъ!.. Не я-ли и первоначально обращалъ вниманіе на сію необходимую часть, о которой едва-ль когда послѣ Петра Великаго заботились такъ, какъ въ нынѣшнее Царствованіе?..

Между тѣмъ, я имѣлъ бы подъ старость не испрошенное убѣжище въ домѣ моихъ племянниковъ, въ мѣстахъ моего рожденія, которыя люблю—изъ которыхъ крайность одна меня теперь гонитъ (въ угодность моей соперницы и ея покровителей).

Послѣ прежнихъ, несчастныхъ предположеній, вотъ единныя милости, которыхъ осмѣливаюсь на колѣняхъ испрашивать у Всемиловѣйшаго моего Государя! великой душѣ Его принадлежитъ сдѣлать болѣе!

Примите увѣреніе, графъ; въ моемъ неліцемерномъ, глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности! Вашего Сіятельства,

всепокорнѣйшій слуга: Василій Каразинъ.

Но милостиваго отвѣта буду ожидать въ Харьковѣ.

Богдучовъ. 13-го іюня 1836 года.
